

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

ГРАФИТ

№ 17

Тольятти
2019 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель
редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия
Денис Липатов (Нижний Новгород)
Георгий Квантришвили (Самара)

Художник номера: Ульяна Канарейкина

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Сентябрь 2019, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Игорь КАРАУЛОВ. <i>Стихи</i>	7
Владимир БЕЗДЕНЕЖНЫХ. <i>Стихи</i>	12
Сергей НОСОВ. <i>Мир так похож на пустырь. Стихи</i>	17
Елена ФРОЛОВА. <i>Стихи</i>	23

ПРОЗА

Алла ГОРБУНОВА. Семь эдельвейсов для моего жениха	30
Анатолий ГАВРИЛОВ. Я стал смотреть на мир	35

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтом. Дмитрий Воробьёв	43
Дмитрий ВОРОБЬЁВ. <i>Стихи</i>	51

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

Денис Липатов. Наследники Шамбалы	54
--	----

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Константин МЕДВЕДОВСКИЙ. <i>Стихи</i>	63
Елена ГРАЧЁВА. <i>Стихи</i>	69
Андрей Сергеев. <i>Стихи</i>	73

ПОСТСКРИПТУМ

Андрей КНЯЗЕВ. За поворотом. (Из Боба Дилана)	78
--	----

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Поэзия города Харькова. Вступительное слово Андрей Костинский	82
Дмитрий ДЕДЮЛИН	83
Ольга АНДРУС	85
Елена ГОРОШЕНКО	88
Виталий ПОМАЗАН	89

СОДЕРЖАНИЕ

Алиса ВОЛКОВА	93
Александра СУХОВЕЕВА	96

ОКРЕСТНОСТИ

Конкурс эссе о тольяттинских поэтах

Антон Давыденко. Образ Ивана Васильевича Комзина в стихотворении Галины Булатовой «Улица Комзина в Тольятти».	100
Мария Набедрик. О стихотворении Сергея Сумина про улицу Степана Разина .	103
Ирина ФЛАМЕЕВА Эссе о современном тольяттинском поэте. (Сумин Сергей «Что можешь предложить ты мне взамен»).	104
Василий КУЗНЕЦОВ. Об одном стихотворении Елены Каревой.	105
Валерия СИМАНСКАЯ. Об одном тексте Людвиг Анохина.	105
Елена КАРЕВА. По поводу книги стихотворений Сергея Сумина "КОЛЬЦО".	106
Сергей ПИДЕНКО. О книге Андрея Князева "Мини".....	108
Михаил ЛЁЗИН. Небольшое эссе об Айвенго-поэте.....	109
Мария ТАРАДОВА. О лирике поэта Ольги Кириатти.....	109

ИНАЯ ПТИЦА

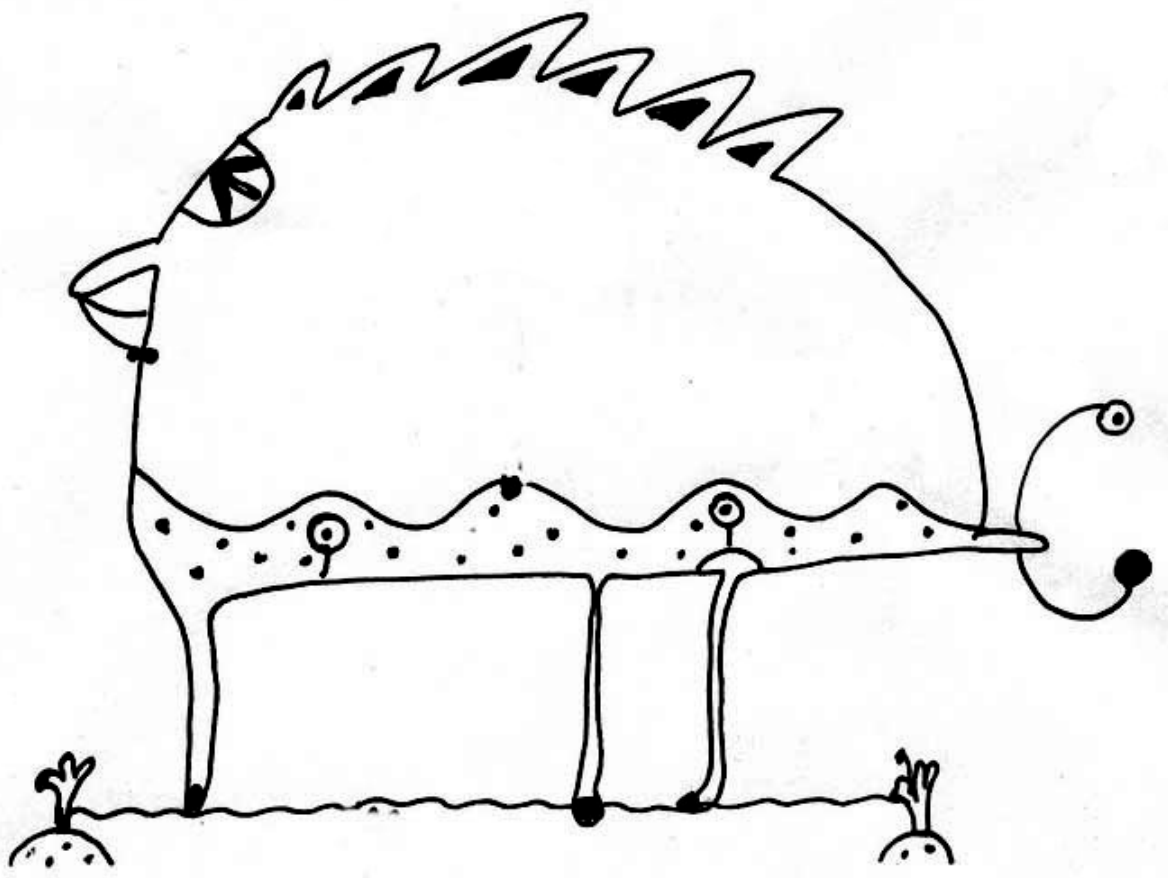
Стихи финалистов конкурса "ПТИЦА-2018"	113
Марк Шехтман, Израиль, Иерусалим	113
Юлия Резина, США, Нью-Йорк	114
Сергей Пагын, Молдова, Единцы	115
Наталия Прилепо, Россия, Тольятти	115
Константин Комаров, Россия, Екатеринбург	116
Елена Севрюгина, Россия, Московская обл., Мытищи	117
Елена Уварова, Казахстан, Алматы	117
Павел Великжанин, Россия, Волгоградская обл.	118
Сергей Ворошилов, Россия, Карелия, Петрозаводск	118
Андрей Земсков, Россия, Владивосток	119

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Колмогорова, Россия, Самарская обл.	120
Сергей Кривонос, Украина, Сватово	120
Наталья Крофтс, Австралия, Сидней	121
Надежда Кутуева, Россия, Волгоградская обл.	122
София Максимычева, Россия, Ярославль	122
Валерий Панфилов, Россия, Свердловская обл.	123
Эмилия Песочина, Германия, Ольденбург	124
Иван Попов, Россия, Челябинская обл., Магнитогорск	125
Роман Смирнов, Россия, Московская обл., г. Электросталь	125
Елена Таганова, Россия, Москва	126

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Георгий КВАНТРИШВИЛИ ...КАЖДЫЙ ВЗДОХ ЗЕМЛИ... (поэт Яков Тисленко)	129
Яков ТИСЛЕНКО. Стихи	138
КНИГА ЗА КНИГОЙ	146
АВТОРЫ	157

ПОЭЗИЯ

Игорь Караулов

+ + +

На недавнем московском аукционе
ходил такой слух, что боюсь записывать:
в записной книжке Виктора Цоя
есть телефон Юрия Айзеншписа.

Но не того Айзеншписа земного,
что сбежал из нашего мира тесного,
а воздушного, облачного, продувного –
Айзеншписа небесного.

Его зовут Джурджус ибн-Ишмаэль,
и по сути он демон, вернее, джинн.
До наших полуночных земель
он раз в год долетает: таков режим.

Человек, который купил эту книжку,
навалив на себя Эверест долгов,
вырывает заветную страничку,
а все остальное бросает в огонь.

А потом он звонит со своего сяоми,
наугад подбирая префикс верхнего мира:
Отзовись, ангел мой, отзовись, черт возьми!
Ангажируй меня, ангажируй!

Дай мне голос тяжелый и гулкий, как шпала,
дай такую походку, чтоб с ходу в бой.
Подари мне судьбу – и тогда, пожалуй,
я, чем смогу, расплачусь с тобой.

Сделай меня одним из вас
и возьми мою ненужную зрелость, старость.
Я готов встретить свой ЛАЗ, ЛиАЗ,
ПАЗ или что там еще? Икарус.

Айзеншпис хохочет – в его неприютном мире
так мало бесхитростных развлечений –
и дарит просителю жирный анальный чирей,
не поддающийся никакому лечению.

ПОЭЗИЯ

А книжка выпархивает из огня,
невредимая, непрочтенная, в серной вони.
Помни меня, ищи меня
на следующем аукционе.

+ + +

Бенедиктов – это звучит солидно.
Бенедиктов – это звезда столицы.
Ходит гордо, смотрит молодцевато.
Реформатор, визионер, новатор.
Ну, а Пушкин... даже по звуку: «Пууушкин».
Полевой зверек, шерстяные ушки.
Староват и ростом жене по сиськи.
Неприметный прыщ на земле российской.
Бенедиктов – мощь, Бенедиктов – буря.
Бенедиктов – солнце в густой лазури.
Бенедиктов, волн повелитель юный,
поведет в Америку наши шхуны.
Ну, а Пушкин – это пурга, телега.
Это выюга нам намечает снега.
Темнота, метель, без огня селенье.
Синоптическое недоразуменье.

+ + +

Люблю, когда поют солдаты,
играет верная гармонь.
У них получены мандаты
на сокрушительный огонь.
На одиночный и на кучный,
на шквальный, будто ветер ночной,
неумолимый, однозвучный,
трассирующий, разрывной.

ПОЭЗИЯ

Но за минуту до сраженья
еще и более того
люблю, когда поют мишени
срединой круга своего.

Поют фигуры из картона,
пока не вздыбилась земля
и полутонны, килотонны
не докоснулись ковыля.

Люблю, когда в весеннем парке,
где каждый ищет свой досуг,
девица в форме санитарки
поет на камеры подруг
про то, как поступью чудесной
идет десантный батальон
и как в печурке бьется тесной
огонь – огонь – огонь – огонь.

+ + +

Он широк, он русский человек,
много в нем лесов, полей и рек,
компетенций, навыков и знаний.
Ночью, погасив в квартире свет,
ходит он по кухне как хозяин.

Он широк, как мамин сибиряк,
папин коми, тетушкин уралец.
А когда ненастье при дверях,
сорван крюк и мрак на землю бряк,
он кричит ура. Не вру, ура ведь?

Видел я его на Поварской,
лик его сиял над мелюзгой
от ноздрей до самых до окраин.
Он табак покуривал донской
и читал газету «Киевлянин».

ПОЭЗИЯ

+ + +

Было время, когда я снимал номера
на проспекте, сбегаящем вниз.
Было время, когда меня стриг Антуан,
подававший надежды стилист.
Подавал, подавал, да и двинул в бега –
в Монсегюр или прямо в Инту,
и директор салона, любитель Дега,
проводил его в ночь, в темноту.
А ко мне в номера приходили друзья –
волк и заяц, слонёнок и ёж.
Укрывались от града, огня и вождя,
говорили то правду, то ложь.
Я нестриженным целую зиму ходил,
а когда растопило снега,
я бестрепетно выбрал одну из Людмил,
что наделал любитель Дега.
В голове моей ножниц летал махаон,
все ненужные мысли состриг.
Я услышал сирени малиновый звон
и смородины синий язык.
Я, смирясь с этим шумом, вошёл в этот гул
и забыл, как нелепый навет,
что на снежной вершине стоит Монсегюр
и шахтерское братство навек.

РЕЧФЛОТ

Поговори чуть-чуть со мной,
мне холодно весной.
Возьми меня в свой флот речной,
в свой дивный флот речной.

Хотя бы юнгой в экипаж,
пусть я уже не юн.
Работу мне любую дашь,
хоть вычищать гальюн.

Я век стоял на берегу,
терял часы и дни.
Уже я видеть не могу
плавучие огни.

Какой оклад, какой расход –
расскажешь мне потом.
Возьми меня на теплоход,
идуший под мостом.

Где чардаш бьется о фальшборт
и палуба в дыму.
Где кровь шампанская течет
сквозь Тверь и Кострому.

Не отходи, побудь со мной,
мне сердце успокой.
Возьми меня в свой флот речной,
не нужен мне морской.

Хоть крысой в трюм меня впиши,
хоть судовым червем.
Последней браги для души
из Волги зачерпнем.

Потом глумись и веселись
весь бесконечный век.
Но хоть до Астрахани, плиз,
не списывай на брег.

Владимир Безденежных

Дворы все те же, но другой страны,
Другой эпохи, где свои нетленки.
Здесь под гитару злые пацаны
Орут куплеты Васи Вакуленки.
Не злые, может. Ссоры не ищу.
Пуускай базлают, не вопрос. Не в этом
Прикол. Поодаль примощусь,
Допью тихонько. Я устал за лето.
(Прости, великий, что украл строку.
Нет силы на свои: комод, рубашка –
Всё так еще.) Еще болит в боку
Где печень, иногда бывает страшно.
Юнцы кричат: "Когда меня не станет",
Про что-то очень важное для них.
Им ветер на кустах махнет листьями.
Мне кажется, что, вроде, в такт.
Я тих.

Сломали Дом крестьян.

Сломали Дом крестьян.
У Черного пруда
Снесли пивной ларек.
Меняются ландшафты.
Захочешь сам с собой на брудершафт ты
И, вроде, организм повлек
сюда,
Где ты всегда был радостен и пьян,
Лишь попадал в "Бермудский треугольник"...
В "Аквариуме" пафосно белы
Блестят столы.
Там "Моloko". И, взяв в карман стакан
Под крышечкой, идешь во дворик...

Каждое утро бросаю пить

Каждое утро бросаю пить
Вечером снова цежу в стакан
Мне не понятно какая нить
Выведет к свету меня дурака
Или какой мне канат тянуть
Или висеть на каких цепях
Кто мне откроет иную суть
Чтоб я до доньшка не иссяк
Чтобы я праведный мир обрёл
Чтобы не вышло всё по беде
Чтобы известно какой орёл
Всё не мне не выел известно где
Мне говорят: полечи болезнь
Или во цвете перегореть
Можешь до срока. Лекарство есть
Только лекарство оно же смерть
Как же охота еще пожить
Если получится но пока
Каждое утро бросаю пить
Вечером снова цежу в стакан

Ты прости

Ты прости, прости меня,
Я сегодня очень жалок.
Дурноту пустого дня
Мне не вычерпать, пожалуй.
Только ты не уходи.
Пусть я буду зол и бешен:
Ноет с присвистом в груди
Гул покинутых скворешен.
Ты меня не покидай,
Я боюсь и беспокоюсь.
Это небо, эта даль,
Этот ветер над Окою,
Этот вечер, этот парк,
Эти голые деревья,
Этот город, этот мрак,
Невозможность повторения,
Невозможность опоздать
Лечь на павшую листву. Я
Прошу: "Не покидай,
Без тебя не существую".

Сон

Я спал. Но я не спал. В том сне мне
Виденья страшные сошли.
Мне мнилось древних гор гуденье
И корчи матушки-земли.
Вселенная перевернула
Стези дорог, громады скал.
И из чужого красовула
Я, без сомнения, взалкал.
Смешались, сдвинулись стихии
И новый мир вокруг возник.
Я зрю: обратно в Финикию
Везет Европу черный бык.
А сверху мойры или парки
Плетут уже не нить, но сеть.
Клокочет пламень жаркий, яркий,
И начинает всё гореть.
Переплетенья тьмы и света.
И снова тьма, и снова свет.
И нет ответа, нет ответа
Но нужен ли теперь ответ?

ПОЭЗИЯ

У этого города много краев.

У этого города много краев.
Он не заканчивается нигде.
Можешь бродить из района в район –
Где-нибудь выйдешь к воде.
Много воды. Берега пусты.
Это края. Они тут везде.
И от горы над водой мосты.
И отражения их в воде.
Все отражения и края –
Символы места. Они просты.
В городе этом, где ты и я
Может быть встретимся. У воды.

Разбойничье

Что-то дышится вольно. И голодно
До ухабистых русских забав.
И такое втемяшится в голову –
Онемеешь, глазищи задрав
К небу в цвет голубой апатитовый.
И к разбойничьим тянет вещам:
Вот тебя, жизнью тертого-битого,
Съездить тянет кому-то по щам.
Как не съездить? Еще как поступишь-то,
Коль босяцкая честь на весу?
– Лей фалернского, – просишь Постумию,
Но кадуйское, суки, несут!
Да и то, вероятно, паленое
А поставят как годное в счет,
Тут слова прилетают соленые,
И соленая юшка течет-
Утекает в Волтурн или Вологду...
В пасторальном дурном кабаке
Ты сидишь и мычишь себе в бороду
Да копейки трясешь в кулаке.
Но сполна и за всё считаешься,
Как бы ни был твой приговор строг,
И с закатным лучом в небе тающем,
Накарябаешь несколько строк.

Сергей Носов

МИР ВОКРУГ ТАК ПОХОЖ НА ПУСТЫРЬ

. . .

Мир вокруг
так похож на пустырь
где растут
лопухи и крапива
а вот ты же здесь
хочешь
построить свой дом
ты бы лучше
построил его
хоть на облаке белом
там где ангелы
нежно поют по утрам
а не тут
где проносится
ветер холодный
и луна по ночам
так горит
словно глаз великана
что не знает
покоя и сна
тыщу лет.

ПОЭЗИЯ

. . .

Я в двух мирах живу
в одном
где чудо рядом
и смеются
и ангелы и феи
до утра
в моей пустой
таинственной квартире
танцую с призраками
вальсы и фокстрот
и вот в другом
где никаких чудес
конечно же
не будет никогда
и там
глубокий снег
январские морозы
и дни похожи
на больных прохожих
которым
очень хочется домой
в тепло
к горячей печке
к чаю
чтоб с сахаром
вприкуску его пить
и прочитав
вчерашнюю газету

ПОЭЗИЯ

заснуть на старом
папином диване
где уже видел
много пыльных снов
из тех времен
когда и телефона
наверно в доме
не было совсем
и дворник
мел наш двор
метлой огромной
которую
в деревне смастерил.

. . .

Жил на свете
добрый человек
он добра конечно же
не делал
а любил
красивые цветы
целовал ночами
лепестки
и дарил их
голубому небу
когда утро
наступало вновь
жил один
ни с кем не говорил
и со злом конечно

ПОЭЗИЯ

не общался
и пришел
неведомо откуда
и ушел
неведомо куда.

. . .

Одна улыбка
мне всегда дороже
большущей горсти
золотых монет
она так чудно
проникает в душу
становится подругой
навсегда
и больше ведь
тогда никто не нужен
с улыбкой
видишь солнце
над собой
весь светлый день
веселый и счастливый
а по ночам
волшебницу-луну
такую нежную
такую молодую
царицу
упоительной любви.

ПОЭЗИЯ

. . .

Бывает что
не знаешь и себя
не только мир вокруг
который видишь
умнее оказался
чем ты думал
моложе или старше
наконец
чем в паспорте
написано твоём
ведь ты же
не по паспорту родился
неведомо когда
и почему
и вот живешь
себя совсем не зная.

. . .

Ты стал таким
как утро молодое
таким как день веселый
и как ночь
наполненная светом
ярких звезд
и блеском сказочным
волшебницы луны
которая колдует
и колдует

ПОЭЗИЯ

на черном небе снова
до утра
и станешь облаком
счастливым
белым белым
том на котором
мы плывем в миры
неведомые
золотые
и полные
и света и тепла.

. . .

И это счастье
словно клад
в лесу дремучем
под корнями
его наверно
спрятали там гномы
в шкатулке перламутровой
своей
и стерегут ночами
вот слышна
их перекличка
среди леса
им чудится
что кто-нибудь крадется
по тропинке
за шкатулкой этой

ПОЭЗИЯ

и его в сети
следует поймать
запутать закружить
заколдовать
а после как-нибудь
достать свою шкатулку
открыть
и в обморок упасть
увидев счастье
и после просто
странники чужие
его легко
у неподвижных гномов
заберут
в мешок уложат
и уйдут куда-то
туда где света нет
но горя не бывает
никогда.

ПОЭЗИЯ

Елена Фролова

* * *

Играй на мне, мой Паганини,
играй.
Сто лет назад мы были другими,
не вспоминай.
На лунной твоей улице
парусом лес.
Сбудется или забудется
лучшее из чудес?...
Чай не допит,
не выпито твоё молоко.
Ангел летит
над нами ,видишь?
А высоко
буря встает над городом.
Будь со мной рядом, будь.
Между любовью и горечью –
самый короткий путь.
Так играй на мне, Паганини,
играй легко.
Через сто бурь мы станем другими.
Это недалеко...

* * *

Этот мужчина мог быть моим любовником.
Я приходила сама. А он в ответ
сажал меня между цветами на подоконнике
и смотрел, как на счастливый билет.

В этом мужчине были намешаны страхи
и сожаления о потерянном рае.
Он одевал меня в клетчатые рубахи
и приносил мне чашки с холодным чаем.

ПОЭЗИЯ

Это мужчина мог быть моим любимым,
странные встречи во мне прорастали цветами.
Он говорил о моей невыносимой
нежности, на берег выброшенной с китами.

Этот мужчина трогал мои ладони,
что– то искал там, вглядываясь часами.
Он повторял, что мой голос в его медальоне,
и говорил со мной разными голосами.

Жадно неосязаемый, непостижимо
знающий каждую ноту мою на пластинке,
этот мужчина с глазами уставшего мима
выжег тавро мне в темной и жаркой ложбинке...

* * *

Не было нужды играть в какие-то игры,
можно было просто оставаться самим собой.
Воткни в мои болевые точки тонкие иглы
и полюбуйся точечками – красной и голубой.

Время затвердеет куском шоколада,
покроется поверху белым налетом.
Всё обернулось дешевеньким суррогатом,
тем, который бывает между падением и полётом.

Карандаши для писем заточатся, будто копья,
будто стрелы, напитанные горьким ядом.
В твоих глазах всегда были синие хлопья,
за которыми не увидишь, что там за снегопадом.

А завтра на наше поле придут мародёры.
Поживятся и помянут, не зажигая свечи.
Я возьму кисти и краски и выкрашу все заборы
точками – красной и голубой.
А больше и нечем.

Новый Афон, август 2019 г.

ПОЭЗИЯ

АБХАЗСКАЯ ТЕТРАДЬ.

* * *

У Чёрного моря
растёт зачарованный сад.
Там утром коровы
едят голубой виноград.

Там красным кувшинчиком
светится юный гранат,
созревших смоковниц
янтарные капли лежат.

Там три кипариса
увиты до неба плющом
и лучшие мысли
в саду зарождаются том

о солнце и свете,
ласкающих лист и траву,
о том, что, наверное,
бывает любовь наяву.

Хурмой золотится
встающий над садом рассвет,
веселая птица
гнездится в нём тысячу лет.

И если однажды
не в мочь получается жизнь,
в тенистой прохладе
в саду возле моря ложись

и слушай, как нежно
поёт тебе птичка : " Ти-вить".
И время безбрежно
плетёт свою тонкую нить.

ПОЭЗИЯ

* * *

Шелудивый котик Вася, или Петя (не понятно),
к нам приходит от соседа, тот, что с чачей день-деньской.
Некрасивый, нелюбимый, и, конечно, неопрятный,
он похожий на соседа, тот, который вот такой.

Впрочем, брат его такой же, вот такой же, точно – точно.
Оба сделают работу за стакан или еду.
И никто почти не знает, что им снится каждой ночью
та война, огонь и мины в мандариновом саду.

Шелудивый котик Вася, или Петя, так занятно
может съесть кусочек хлеба, чуть размоченный в вине.
Нам, войны совсем не знавшим, это вовсе не понятно,
как спивается ребёнок, повзрослевший на войне.

У войны лицо старухи, потерявшей в ней ребёнка.
У войны лицо ребёнка, потерявшего отца.
Сколько лет прошло, а память крутит, крутит шестеренку
по дороге, у которой нет начала и конца.

И никто не разберётся, чья там правда и не правда,
лишь бы только не накликать с дури новую беду.
Шелудивый котик Вася, или Петя (не понятно),
спит на солнышке в воронках в мандариновом саду.

* * *

В зарослях фейхоа солнце переплетает
нежные косы дня и стрекозы полёт.
Как хорошо не знать то, что никто не знает.
Как хорошо не ждать там, где никто не ждёт.

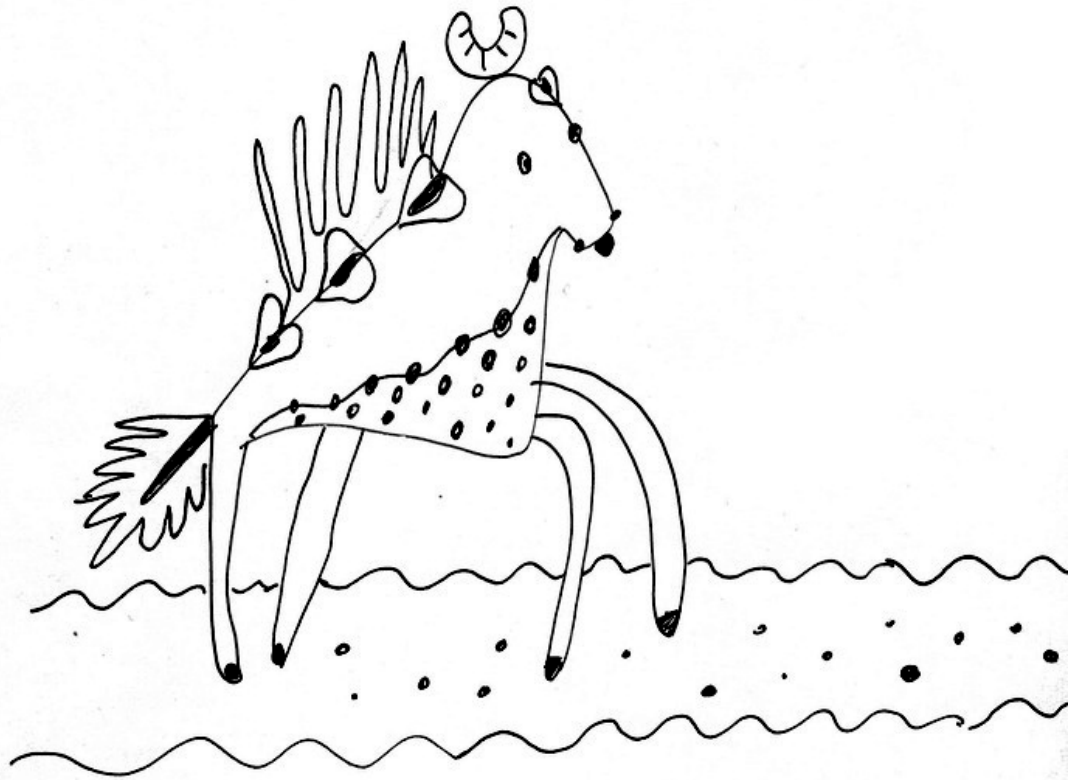
Будто в зелёный дом сад приглашает в гости,
где от смоковниц тень, бусины мандарин.
Если зарыть в саду косточку или кости –
всё равно будет плод, ибо итог один.

Ибо созреют дни, как винограда кисти,
и соберёт его в самый урочный час
тот, кто за нас судьбу в листьях смоковниц пишет,
так никогда ничего и не узнавший о нас.

ПОЭЗИЯ

* * *

Мальчик прыгает с пирса
в бирюзовое чрево
моря. Оно пишет
свои письма. В древнем
Анакопийском царстве
горы тихонько дремлют,
уоставшие от ненастий,
пришедших на эту землю
множество раз. Веками
воины ищут мира,
скрюченными руками
сажают сады. А мимо
море несёт обломки
жизни, кораблекрушений,
которые их потомки
потом назовут прошедшим.
И лишь одна картина
будет всегда вне спора:
мальчик прыгает с пирса
в бирюзовое море.

ПРОЗА

Алла Горбунова

СЕМЬ ЭДЕЛЬВЕЙСОВ ДЛЯ МОЕГО ЖЕНИХА

БАБКИ-ОДНОДНЕВКИ

Девушка сидела, задумавшись, на автобусной остановке. Подошла бабка и с места в карьер накинулась на девушку: «А ну-ка, молодёжь, уступите мне место, я старая». «Пожалуйста-пожалуйста», – вышла из своих мыслей девушка и охотно уступила место бабке. Бабка села, но не унималась: «Какая молодёжь наглая пошла – видят, что пожилой человек идёт и продолжают сидеть!» К разговору подключились соседние бабки, которые уже сидели на остановке рядом с девушкой, когда подошла эта, новая. «Это уровень культуры теперь такой, теперь все такие!» – кричали бабки. «Что значит “теперь”? Культура – она и есть культура, либо она есть, либо нет», – ругалась новая бабка. Девушка стояла рядом, мечтательно улыбаясь, как будто это всё относилось не к ней. Ей было много тысяч лет, она помнила Египет, Месопотамию, помнила, как первые невежественные, дикие народы заселили эти земли. «Вот ругаются бабки-одnodневки, – думала девушка, – а ещё вчера они были детьми, а я была такая же, как и сейчас – древняя и вечно юная. Восемьдесят лет назад я качала их на руках, как когда-то качала их матерей, а теперь они старухи и ругают меня. Всё идёт своим чередом. Завтра этих бабок уже не будет, а вот та девочка в коляске будет такой же бабкой и так же будет ругать молодёжь. Эх, люди-люди!» Подошёл автобус. Девушка предупредительно пропустила всех бабок вперёд, проследила, чтобы они сели, а потом заняла оставшееся свободным место и молодыми, сияющими, влюблёнными в мир глазами уставилась в окно.

БЫТОВАЯ ОСОБЕННОСТЬ

Выйдя замуж и переехав к мужу, Инна Леопольдовна узнала, что у мужа её есть одна особенность: вначале ей показалось, что он никогда не кладёт вещи на свои места, а рассовывает их по квартире самым хаотичным и причудливым образом. Потом она поняла, что нельзя даже сказать, чтобы он их рассовывал: они сами оказывались в со-

ПРОЗА

вершенно невообразимых местах, куда ни Инна Леопольдовна, ни её муж никогда их не клали, и вот тут различие между Инной Леопольдовной и её мужем заключалось в том, что Инна Леопольдовна впадала от этого всего в совершенную растерянность, а муж эти вещи неизменно находил при помощи своей удивительной интуиции. Он ходил по квартире, будто принохиваясь или играя в "холодно-горячо", словно какой-то невидимый компас вёл его, и он обнаруживал велосипедный насос в холодильнике, книгу, которую Инна Леопольдовна оставила на тумбочке, в пенале для круп, упаковку таблеток – в углу шкафчика для обуви, зимнюю шапку – в шкафу для посуды, а пакет с удобрениями – в стиральной машине. – Как они туда попадают? – вопрошала Инна Леопольдовна. У мужа не было ответа. – Как ты их находишь? – поражалась бедная женщина. – Просто знаю, – пожимал плечами муж, – думаю о какой-то вещи – и начинаю чувствовать, где она может быть. В принципе, никакой необходимости соблюдать порядок и класть вещи на свои места для него не было – обладая такой поразительной интуицией, он мог найти их где угодно, поэтому не считал необходимым приписывать им какие-то раз и навсегда отведённые места. Вещи знали это и свободно перемещались по квартире, как им свойственно, когда их никто не контролирует и они определяют ход своего движения сами. Одна и та же вещь сегодня была на подоконнике, завтра за шкафом, послезавтра под кроватью. В их движении не было никаких ограничений, никакой логики. Но муж Инны Леопольдовны всегда знал, где они, он существовал в симбиозе с вещами. – Вечно ты ничего не можешь найти, – недовольно ворчал он на Инну Леопольдовну, доставая её дамскую сумочку из духовки.

ЖЕНА-НОСОРОГ

Продавали навязчивости, а люди приходили и покупали. Иван Кузьмич тоже пришёл, и он других не хуже, и ему навязчивость нужна. С навязчивостью человек как? – пристроен. Без навязчивости торчит как пень в огороде и дела себе найти не может. Навязчивость завести – как козу купить: вроде и тяжело, зато как попустишься – вот тебе и счастье. – Возьми про пидоров, – посоветовали ему. – Это как – про пидоров? – испугался Иван Кузьмич. – Ну типа ты сам не знаешь, пидор ты или нет. – Вот уж нет, страшно слишком! – Тогда возьми про маньяков. – Да я бы что-то оригинальное хотел, не как у всех. У меня все знакомые уже эту навязчивость взяли, звонят и спрашивают: Ваня,

ПРОЗА

как ты думаешь, я не маньяк? Я хочу такую навязчивость, которой ни у кого нет! – Ну возьми тогда жену-носорога. – А это что за хрень? – Крутая дизайнерская навязчивость, возьми – не пожалеешь. Ну взял Иван Кузьмич, и стало ему казаться, что у жены рог на лбу растёт. Не может прямо отделаться от этого ощущения, присматривается ко лбу жены, чёлку раздвигает, когда она спит – пальцами лоб щупает: нет ли припухлости? И страшно ему так, что прям ужас. Жену замучил вопросами: Надя, у тебя рог растёт? Скажи мне честно – растёт? Правда не растёт? А вдруг все-таки растёт? Исхудал, извёлся весь, сутками в интернете читает: "что делать если у жены растёт рог", "рог на лбу у человека", "как понять растёт рог или нет", "рог на лбу лечение". А потом отпустило. Рог и рог, – стал думать, – какая разница. Вздохнул с облегчением. Почувствовал лёгкость, крылья за плечами. – Вот оно счастье, – подумал, – хорошая была навязчивость, мощная, нестандартная, надо ещё этой же фирмы что-нибудь взять. Тут и жена вошла. На лбу её определённо рос довольно-таки заметный рог, теперь уже не оставалось никаких сомнений, но Ивана Кузьмича это совершенно не беспокоило.

СЕРЫЙ ЧЕЛОВЕК

Один мой друг стал совсем, как зомби. Он перестал чем-либо интересоваться, почти не разговаривал и превратился в живой автомат. Внимательно глядя на моего друга истинным зрением, я увидела, что он – не совсем он, что его личность загнана куда-то внутрь, и теперь в нём живёт серый человек без головы, и делает его таким, как зомби. Это серое безголовое существо подчиняется колдуну, наложившему заклятие. Головы у этого существа нет именно потому, что тот, на кого наложено это заклятие, не может больше ни мыслить, ни быть личностью. Суть этого серого человека – в том, чтобы подчиняться колдуну и одновременно принимать на себя всё плохое. До вчерашнего дня я не знала, как снять заклятие с друга, но вчера волей судеб я оказалась на выставке «Золото инков» в Этнографическом музее и увидела там древний музыкальный инструмент. На нём был изображён человек и отделившееся от него серое существо без головы, в которое летели дротики. Я сразу узнала это серое существо – именно оно жило в моём друге. Я поняла, что на музыкальном инструменте изображена сцена изгнания этого существа, избавления от заклятия. Именно от игры на этом древнем музыкальном инструменте серый человек покидает но-

ПРОЗА

сителя, для этого он и создан. Я привела своего друга в музей перед самым закрытием, сделала нас невидимыми для охраны, взяла из-под стекла этот инструмент и начала играть на нём. Как только инструмент издал первый звук, мой друг оживился, на лице его появилась улыбка, и я увидела, что серый человек без головы покидает его. Так я избавила друга от серого безголового человека и разгадала загадку инков.

СЕМЬ ЭДЕЛЬВЕЙСОВ ДЛЯ МОЕГО ЖЕНИХА

(шаманское путешествие)

Священник приехал провести службу в горной часовне. Косули ревели в лесах, гадюки переползали дорогу, каменные бабы в колючей траве издавали звуки, похожие на горловое пение. Двое любовников заблудились в дикой смородине, а молодой браконьер в ковбойской шляпе выкапывал золотой корень. Я собирала эдельвейсы в долине для моего жениха, и, собрав седьмой цветок, упала в обморок и очнулась в железном замке Эрлик-хана. Там собралась неплохая компания: чёрные шаманы, что сгорели на проклятой горе (было и такое), пожилые деревенские тётки, агроном и ветеринар, Клара и Тамара, шаманящие по ночам, молодой шаман, недавно вернувшийся из тюрьмы, и даже тот самый, сильный шаман из деревни Белый-Ануй, и ещё несколько ребят, не имеющих никакого отношения к шаманизму: рыжеволосый парень с винтовкой, который долго боялся гор после Чечни, московская девушка Эмма, странный парень, смуглый, похожий на цыгана или разбойника, ничего о себе не рассказывающий и отвечающий на вопросы так противоречиво, что все заподозрили, что он лжёт. Были и другие, незнакомые мне люди. После окончания службы появился и священник. Мы сидели за столом в расселине, всё было железное, наши лица теряли форму, кровь текла по столу, витали тени и поднимали с нами кубки, полные кровавого железа. Бегали ящерицы, поднимались подземные воды, что-то раздирало наши тела, разбивало атомы, шипело, скрежетало. Вошли медведь и росомаха. Прямо из замка я видела горы и долины, и то, как вода разливается по полям золотого корня, и как всадники сделали привал. Мы изрядно напились, с нами был Эрлик, с длинными чёрными волосами, похожий на death-металлиста. Он закладывал усы за уши и цитировал Ницше. Называл себя нигилистом, был одет в семь медвежьих шкур с мечом из зелёного железа. Тускло светило солнце нижнего мира. Эр-

ПРОЗА

лик сказал: «Я люблю чёрный цвет, потому что я люблю горе и грязь. Это цвет горя и грязи. Цвет Космоса и земли». И когда он сказал это, я словно утонула в горе и грязи, растворилась в космосе и земле, и я вышла плакать на берег реки Тойбодым, и видела дьутпа. И Адам Эрлик учил нас проникать в другие миры и водил нас на болото дышать бензином, а потом к озеру самоубийц. Адам Эрлик рассказал, что именно он вдохнул в людей душу. В чашке его когда-то расцвёл цветок – цветок творца. Он создал горы, диких зверей и гадов, он создал несчастья, болезни, медведя, барсука, крота, верблюда, корову. Когда человек умирает, его душа возвращается к нему, своему творцу. Он провёл нас в чертоги, увитые ручьём, и в осыпи. Он проводил нас до чёрного пня, до котла с кипящей водой, и мы вышли из-под земли. Мы больше не были людьми, мы были цветами в ослепительной луговой альпийской горечи. Эмма стала кровохлёбкой, рыжеволосый парень – пижмой, я – горным васильком. Была осень, и я увидела, что могу убивать глазами. А потом мы стали птицами, потом – дождём в горящем саду, молниеносным лучом, речным туманом, черникой. И священник сказал: «Должно быть, мы умерли, и теперь мы бесыкёрмёсы, слуги Эрлика». Но я сказала: «Нет, мы живы, мы живы! Я слышу, как бьётся моё сердце». После – мы стали музыкой. Я была звуком окарины, свистульки, на которой играли дети в деревне. Мы были оружием: луками, стрелами, ножами, копьями, мы были новейшим оружием: лазерными излучателями, рельсотронами, магнитными ускорителями, межконтинентальными баллистическими ракетами, нас звали «Сотка», «Воевода», «Тополь», «Рубеж», «Сармат». Мы были беспилотниками, перемещающимися со скоростью большей, чем скорость звука, мы уничтожили мир, уничтожили человечество, и там, в бесконечном пространстве, где мы неслись, я вспомнила, кто мы: тридцать восемь атомов антивещества, пойманные некогда в ловушку Пеннинга, мы летели обратно в свой антимир, в обратное пространство-время, и вот уже звёзды – не звёзды, а антизвёзды, и я увидела, как между ними кружатся эдельвейсы, те семь эдельвейсов, что я собирала некогда для моего жениха...

Анатолий Гаврилов

Я стал смотреть на мир

Поэт я.
Женился на барменше.
Она тоже поэт.
Потом мы расстались.
Женился на ком-то еще.
Она тоже поэт.
Потом мы расстались.
Женился на ком-то еще.
Она тоже поэт.
А потом мы расстались.
И теперь я один.
Я работаю в морге.
И я снова поэт.

Вчера был на танцах.
У нее спросили, почему ты с отцом.
А ваше какое дело.
Танцуй, пока молодой.
И мы танцевали.
Она мне не дочь.
А ваше какое дело.
И мы танцевали.
Что-то нас согревало.
А потом мы куда-то пошли.
Мы падали и смеялись.
Что-то нас согревало.
Может, общее что-то.
Может, что-то еще.

ПРОЗА

Ты ложишься.
Тебя накрывают.
Глаза можно не закрывать.
Дышать можно.
Бояться скрежета и визга не нужно.
Бояться ничего не нужно.
Через несколько минут томограф скажет.
Он говорит, что все нормально, только мозги уже высохли.

Пора на работу.
Поехал на работу.
Приступил к работе.
Пора домой.
Приехал домой.
Лег спать.
Приснилась работа.
Поехал на работу.
Я уволен.
Поехал домой.
Приехал домой.
Лег спать.
Приснилась работа.

Во время ремонта старого дома я нашел старинную монету.
Я подумал продать ее.
В ломбарде сказали, что купят, но нужен паспорт.
Попробуй продать коллекционеру.
Коллекционер сказал, что монета старинная, но нужно проверить.
Стемнело.
Я замерз.
Завтра я улечу домой.
Там еще лето.

ПРОЗА

У меня будут деньги.
Я куплю всем подарки.
Сейчас придет коллекционер, и у меня будут деньги, и я куплю всем подарки.
Темно.
Коллекционера нет.
Но сейчас он придет, и я куплю всем подарки.
Да вот и он.
Но это был полицейский, и я побежал.

Художник должен бороться.
Художник не должен бороться.
Художник должен сидеть в тюрьме.
Художник не должен сидеть в тюрьме.
Позор художнику, который боится сидеть в тюрьме.
Позор художнику, который не боится сидеть в тюрьме.
Позор тем, кто сажает художника в тюрьму.
Позор тем, кто не сажает художника в тюрьму.
Должны быть правила игры.
Правил нет, не было и не будет.

Коньки, велосипед, лыжи.
Шарф, ботинки, пальто.
Армстронг, Пикассо, Сэлинджер.
Мотоцикл, Хемингуэй, водка.
Водка, мотоцикл, Белль.
Чехов – водка.
Платонов – водка.
Иоселиани – вино.
Хемингуэй – водка.
Водка, Хемингуэй, ружье.
Тургенев, степь, ружье.
Коньки, велосипед, лыжи, водка.
Стены, окно, потолок.

ПРОЗА

Скоро прибудет поезд.
Никто не знает.
Кто-то знает, но не говорит.
Кто-то не знает, но говорит.
Кто-то говорит, что никто не знает.
Кто-то говорит, что от себя не уедешь.
Кто-то говорит, что уедешь – приедешь туда же.
Нужно узнать.
Никого нет.

Люблю смотреть на звездное небо.
Величественная картина.
Они ведь тоже умирают.
Стоишь, смотришь.
Лежишь, смотришь.
Величественная картина.
А люди торопятся по ничтожным своим делам.
Некоторые спрашивают, не нуждаюсь ли я в помощи.
Нуждаюсь, но не сейчас.

Многим я увлекался, но предпочтение было отдано фотографии.
Я стал смотреть на мир через объектив.
Я прошел путь от простого к сложному и вернулся к простому.
Осталось последнее – все уничтожить.

Погода сегодня не очень
Чем богаты, тем и рады.

ПРОЗА

Кто рано встает, тому бог дает.
Таким, значит, образом.
Тот герой, кто за отчизну горой.
Дал слово – держись, а не дал – крепись.
Таким, значит, образом.
Да.
Да-да-да.
Ну, поехали.
Погода сегодня очень.
Человек полагает, а погода располагает.
Человек полагает полгода.
Полгода погода.
Полгода совсем никуда.
Ну, поехали.
Да.
Да-да-да.
Что же вы не пьете, дьяволы.
Вам рано лежать на дне.
В тихой прохладно мгле.
Таким, значит, образом.
Идешь, бывало, по Уругваю.
Где нет воды ни капли.
Два голых негра роют яму.
Таким, значит, образом.
Ну, поехали.
Как-нибудь дотянем последние мили.
А в каждой бомбе шестнадцать тонн.
И крики попугаев.
Да.
Да-да-да.
Таким, значит, образом.
И ветер на всем белом свете.

В парке шел бесплатный концерт симфонической музыки.
Слушателей было мало.
Музыканты играли вяло.
В антракте к ним из кустов вышел какой-то тип.
Он сказал, что музыканты играют плохо, и снова ушел в кусты.

ПРОЗА

Музыканты пожали плечами.
Во втором отделении из слушателей не осталось никого.
Оркестранты доиграли и пошли домой.
К ним из кустов выскочил какой-то тип и сказал, что они играли замечательно.
Музыканты пожали плечами и пошли домой.

Город тихий, спокойный.
Море тихое, спокойное.
Можно гулять по городу, купаться в море, смотреть на город и море с высоты колеса обозрения, покататься на осях, сходить в кино, посидеть в ресторане.
Город тихий, спокойный, но в некоторых районах могут ограбить.
Море тихое, спокойное, но в некоторых местах может затянуть на дно.
Летом здесь многолюдно, а зимой тоска и ветер.

Где-то в пятом классе я стал играть.
Однажды я проиграл все.
Некоторое время я не играл.
Потом снова стал играть и однажды выиграл все.
Какое-то время алкоголь и наркотики.
Каким-то чудом выскочил и снова играю.

Мы сюда ходим, чтобы стать водителями.
Тепло, уютно.
Хорошо после работы послушать про машины в теплом помещении.
Вождением нас не утруждают.
Главное – правильно сесть за руль.
А чтобы правильно сесть за руль – нужно накрыть стол.
Мы накрыли, я стал водителем грузовика, и в первый же день своей работы задавил автоинспектора.

ПРОЗА

Боинг 707.
Время полета – два часа.
Черное море.
Днем жарко, вечером холодно.
По улицам бродят ослы и коровы.
По вечерам на пляже жгут костры.
Пасмурно, холодно.
Чача, мамалыга, какая-то Мадонна.
Впрочем, пора домой.

Замолчало радио.
Это плохо.
Жена с ним общалась.
Жаря котлеты или что-то еще, она общалась с ним.
Я не смогу заменить его.
Она, общительная, вышла замуж за почти немого.
В детстве я был весьма разговорчив, а потом замолчал.
Погода сегодня не столько зимняя, сколько весенняя.
Так мне показалось.
А ведь скоро Новый год.
А познакомились мы в августе, и я молчал.
Но где-то в ноябре я сказал, что люблю ее.
А где-то в феврале мы поженились.
Так и живем.
Радио восстановится, и она будет общаться с ним.
А я выпью и буду общаться с вами.

Разговор с поэтом

С поэтом и эссеистом Дмитрием Воробьевым мы познакомились заочно, конечно, в Интернете, примерно в 2010 году. Общались на темы, близкие обоим, обсуждали поэтов современных и мнения людей о них. Потом, в 2013 году, Дмитрий приезжал на 1-й фестиваль поэзии Поволжья. С тех пор и общаемся, чаще в сети, но случаются встречи и в реале. Перед вами беседа с поэтом в августе 2019 года.

Сергей Сумин

– Дмитрий, мой первый вопрос о том, как ты начал писать – в каком возрасте, что подтолкнуло?

Я начну со своего рабоче-крестьянского происхождения. Я родился и провел детство в маленьком моногороде, железнодорожном узле Чувашской республики, городе Канаш (в переводе с чувашского «совет»). До Перестройки в нем действовало около 20 заводов, больших и малых. Канаш печально известен своими вымершими заводами, разбойными нападениями, воспоминаниями о драках район на район, наркотрафиком и числом ВИЧ-положительных людей. Предки мои – татары, чувашаи, мордва – оказались в Канаше не по своей воле в период коллективизации и второй мировой войны. Кого-то призвал по повестке военкомиссариат работать на вагоноремонтном заводе, кто-то осел в Канаше после безуспешных попыток спрятаться от раскулачивания в Сибири.

Родители мои, рабочие дети крестьянских детей, совсем не книжные люди. Книг дома у родителей немного, хотя мама всегда много читала и читает. Стихи я начал писать подростком в школе. В той самой школе, во дворе которой одни первоклассники 1986 года били других за чувашский акцент. Стихи были скорее способом материализовать юношеские эротические фантазии. Чаще всего это были рифмованные рассказы о воображаемых свиданиях с реальными одноклассницами, которые непременно заканчивались страстной сценой. Сублимация, одним словом. У меня и моих друзей по классу была самодельная книжечка, куда мы свои стихотворные опыты переписывали. Интерес к стихам, я подозреваю, был связан с тем, что мама научила меня читать стихи вслух. То есть был такой момент, когда я, вместо школьного обречённого бубнежа на одной ноте, освоил иной способ подачи стихов. Насколько я помню, нам задали выучить сти-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

хотворение объёмом не менее 6 четверостиший. Я попросил маму подсказать, что можно выучить, и она показала стихотворение Блока «Скифы» и рассказала, как бойко читала его в школе, что в конце каждой строфы там восклицательный знак. Я долго учил, репетировал. На уроке одноклассники выходили к доске и вполголоса мученически бубнили. Я вышел, взял паузу и внезапно для всех начал форсировать, – ритмично проорал все 19 четверостиший, – учительница аж вздрогнула от неожиданности. Так я попал на школьный конкурс чтецов, а потом и на городской. Пару лет занимал призовые места.

Сознательно и ответственно относиться к поэзии я стал во время обучения в аспирантуре по философии. В 2001–2002 годы я подрабатывал младшим научным сотрудником отдела социологии в Чувашском институте гуманитарных наук (это бывший исследовательский институт при Кабинете министров Чувашии). Там я познакомился с Иосифом Дмитриевым, Атнером Хузангаем и многими другими интересными, важными для меня, людьми – поэтами, режиссерами, драматургами, художниками, учеными и т.д. – входившими, так скажем, в круг Геннадия Айги. Собственно, этот круг людей сформировал меня как поэта.

– Я знаю, что ты по профессии философ. Каким образом отражается твоя профессия в твоих текстах? Как при этом работает мышление?

Это сложный вопрос. Да, я философ, но самоидентификации философа у меня нет. Я веду образ жизни академического философа. Я веду образ жизни провинциального педагога и ощущаю себя скорее вузовским преподавателем, чем философом. Чтобы быть философом нужно намного больше читать и писать, вращаться в соответствующих кругах, участвовать в ритуалах интеракции. Мне кажется, что связь между поэзией и философией в моем случае можно обнаружить не на уровне лексики или тематики, а на уровне рефлексии и приемов работы. Например, одним из важных для меня, для меня лично, был вопрос о том, что такое «дом», и значении производных понятий «бездомный», «одомашненный». Что такое дом? Место, стены, люди, психо-эмоциональное состояние? «Уйти из дома» – это как? Уйти от людей, покинуть место, стены или что-то еще? А «вернуться домой»? В поэзии я пытался коснуться этих (философских, в некотором смысле) смысло-образов.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– Скажи, что есть поэзия, по-твоему, что это такое? К какому полюсу она ближе – к «магии» или явлению социальному?

Это социальное явление, на мой взгляд. Есть такой короткий ответ, что поэзия – это словесное художественное творчество. Но более подробный ответ должен конкретизировать условия, границы, способы воспроизводства, субъектов и результаты этого творчества. Поэзия – это явление социальное, и поэт – это результат некоторого соотношения условий, усилий, конфликтов (внешних и внутренних) в некоторой социальной среде. Например, есть люди с прекрасными интересными текстами, которые не стали известными. Это значит, что эти люди не были вовлечены в события литературной среды.

Я не специалист в области истории и теории поэзии, но мне кажется, что с возникновением авторской поэзии как искусства, способ высказывания становится очень важен. Современная поэзия, понимая как искусство, – это, чаще всего, такая неконвенциональным образом организованная речь, речь выводящая поэзию за пределы регистра или ситуаций обыденной речи. Чаще всего, сложным образом организованная. Конечно же, есть исключения, но исключения эти становятся возможны тогда, когда неконвенциональность поэтической речи становится новой конвенцией, которую можно преодолеть. Поэзия, взятая в таком ракурсе, проблематизирует готовые речевые образцы, противостоит однообразию ситуаций и способов высказывания, разогревает язык.

Хочу еще добавить, что поэзия (в отличие от прозы) не стала частью литературной индустрии, не стала объектом индустриального производства (нет конкуренции издателей, контрактов, рекламы и тиражей), она воспроизводится в ходе других ритуалов взаимодействия людей друг с другом. Поэтические вечера как форма управления вниманием пока сохранились, а вот прозаические вечера практически исчезли. Поэтический вечер очень похож на лекцию: один говорит, другие слушают, в конце задают вопросы. Малый круг читателей приводит к тому, что в поэтической среде для поэта значима оценка его текстов и литературных жестов коллегами, значимо публичное поведение поэта. В большой индустриальной литературе ситуация все же немного другая.

– Назови своих любимых авторов? Кто из ныне живущих поэтов тебя вдохновляет?

Я – айгист. Влияние поэзии Геннадия Айги на меня было определяющим, наверное. И первые тексты, которые я решился опубликовать

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

вать, были написаны, несомненно, под сильным влиянием Айги. (Насколько глубоким и осознаваемым оно было, сказать сейчас сложно). Айги я читал еще в школе, как на уроках русской литературы, так и на уроках «Культуры родного края» (так, вроде бы, назывался предмет). Но понимать значение его поэзии я стал много позже. То есть мой случай нетипичен, наверное. Я читал мало стихов в детстве и юности, не покидал пределов школьной программы (короткая экскурсия в «русский рок» не в счет). А когда начал читать активно, будучи уже взрослым человеком, в поле моего внимания была поэзия наследников авангарда. Потому и мои вкусовые пристрастия могут показаться неожиданными.

Если говорить о живущих русскоязычных поэтах, творчество которых (так сложилось) попало в круг моего внимания, а теперь вдохновляет и восхищает, дарит мне свободу, то есть несколько имен. В первую очередь, это – Наталия Азарова, Александр Горнон, Валерий Земских, Елизавета Мнацаканова. Есть, конечно же, и другие поэты, творчество которых я очень люблю, но таков мой субъективный топ.

– Я знаю, что ты помимо прочего переводил и готовил к печати книгу избранного замечательного норвежского поэта Тура Ульвена. Расскажи об этой работе и о поэте, к выходу книги которого ты имел отношение.

Да, мне посчастливилось долго и очень медленно читать стихи Тура Ульвена, обсуждать их в компании Иосифа Дмитриева, Микаэля Ньюдаля. Я думаю, что художественный перевод поэзии – это такое сверхмедленное чтение; очень пристальное и внимательное, когда ты годами не можешь прочитать стихотворение, которое читаешь каждый день. Сразу уточню, что я рассуждаю здесь не как профессиональный переводчик, не как игрок на рынке литературной индустрии. Я не профессионал и не знаю иностранные языки на таком уровне, который бы позволил мне брать заказы и кормиться переводами. Я любитель и, возможно, счастливчик. Так вот, вместе мы готовили двуязычное (русско-чувашское) издание избранных стихотворений Ульвена. Было много трудностей. Часть трудностей была связана со сложностью материала. Стихи Ульвена малословны, в них нет ни одного лишнего слова и даже знака. Эмоционально-эстетический эффект в них достигается за счет звукописи, полисемантических пауз, неожиданной смены фокуса восприятия, хода времени или контекста описания. Я имею в виду ситуацию, например, когда за первые 2 строки

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

может пройти вся жизнь человека или несколько тысячелетий, когда биографический контекст внезапно сменяется геологическим и т.п. Другая часть трудностей была связана необходимостью адаптации текста русского и чувашского переводов друг к другу. Иосиф Александрович принципиально не использовал русских заимствований в чувашском переводе, ратовал за чистоту родного языка (а это тот еще квест), настаивал на необходимости учитывать то, как по-чувашски можно сказать, а как нельзя и мн. др. В итоге, насколько я понимаю, чувашские переводы Ульвена получились более гармоничными для чувашского уха, и более благозвучными, чем русские. Расположение на одном развороте книги чувашского и русского вариантов перевода требовало, чтобы они не слишком отличались друг от друга. Все читатели этой книги, которые знают чувашский, знают еще и русский, и, конечно же, сравнивают варианты. Поэтому в книге есть компромиссные варианты перевода, вытекающие из прагматики книги. Сейчас заканчивается работа над большой книгой поэзии Тура Ульвена, где бóльшая часть стихов переведена отважной Ниной Ставрогиной. У новой книги, выход которой запланирован на конец 2019 года, совершенно иные задачи. Она будет бескомпромиссной.

– В твоей книге «Зимняя медицина», которую я читал уже давно, мне показалась важной фонетика, работа на слух, работа тонкими штрихами звука. Скажи, насколько тебе как автору необходимо слышать текст?

Я как автор придерживаюсь, или стараюсь придерживаться, такого принципа, что книги не должны быть похожи одна на другую. Как говорил Айги «одна жизнь – одна книга», но эта книга, как мне кажется, не должна быть однообразной. Мне не хочется быть «поэтом одного приёма». «Зимняя медицина» действительно была результатом работы на слух. Да, для меня важно слышать текст, но я также понимаю, что есть множество авторов, для которых этого неважно и они творят исходя из иных представлений о поэтическом искусстве. У меня случаются разные стихи. Мне кажется ценным многообразие в искусстве.

– Дима, так ли важно для поэта место проживания? Что для тебя Чебоксары, как здесь пишется?

Пишется хорошо. Думаю, что важно. Есть, конечно, соблазн вслед за теоретиками мобильности и атерриториальности сказать, что современные люди, благодаря всемирной Сети и автодорогам, мно-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

го менее привязаны к месту своего обитания, что все меньше различий в ценности разных территорий страны. Но я сильно сомневаюсь в этом. Стать заметной фигурой вне сообщества невозможно, на мой взгляд. Заметным можно быть только для других людей, а не «для вечности и мироздания». С точки зрения вечности и мироздания биография человеческого индивида невозможна. А страна наша столическо-центричная, структурированная своим колониальным прошлым (которое в столицах не спешат осмыслять) – об этом хорошо и подробно сказал писатель Александр Иванов в интервью Юрию Дудю. «Если ты живешь в Москве – ты крутой, если ты живешь провинции – ты лох, если ты живешь за границей – ты предатель». Все амбициозные творческие единицы устремляются в столицы потому, что там сконцентрированы различные ресурсы: финансовые потоки, производственные мощности, ресурсы образовательной системы, литературной и киноиндустрии, институции признания и т.д. и т.п. Короче говоря, там есть необходимые условия для жизни и работы людей свободных профессий. Возможно, я тоже буду там жить. А вот уже став известным и статусным автором, жить можно где угодно, можно уехать в США, Аргентину или на остров Русский добывать природный камень. Чебоксары – это город, к которому я привык, где я чувствую себя хорошо, где у меня есть пока работа. Но по-большому счету, меня как представителя прекариата, здесь держит только прошлое и привычка. Работу можно найти в другом городе. Работая педагогом, я общаюсь с очень большим количеством людей, но прекрасно осознаю, что предаться радости серьезного разговора в Чебоксарах я могу с 5–6 людьми. Думаю, что это можно назвать внутренней эмиграцией.

– Ну, а вообще чувашская литература сейчас на подъеме? Что вообще творится в нынешней России с национальными литературами?

Мне сложно судить о чувашской литературе. Во-первых, я не знаю чувашского языка, хотя мои бабушки и дедушки начали пользоваться русским языком лишь в зрелом возрасте, но детям своим родной язык не передали. Во-вторых, мои рассуждения о чувашских поэтах разбередят раны многих столичных коллег, увлеченных вопросом «есть ли поэзия за пределами нашего ЛИТО». Когда московский «молодой», но давно статусный, поэт, отвечая на вопрос «назовите лучших современных русских поэтов», называет своих друзей («молодых» столичных поэтов), это воспринимается спокойно, как «речь не мальчика, но мужа». Если аналогично отвечу я (назову своих провин-

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

циальных друзей-поэтов лучшими русскими), столичным коллегам будет ясно, что я брежу. Так побередим и побередим!

По моим наблюдениям, чувашский язык и литература находятся в депривированном и засушенном состоянии, как и большинство малых государственных языков России. Традиционные культуры – это культуры малых аграрных сообществ. Чем сильнее урбанизирован регион, тем слабее в нем позиции малых языков. Урбанизация, идеологизация, стандартизация, глобализация, сопровождавшие индустриальное развитие СССР и России, привели к резкому уменьшению числа пользователей и ослаблению роли чувашского языка. Эксперты ЮНЕСКО относят чувашский язык к исчезающим. Продолжается политика разрушения механизмов воспроизводства носителей чувашского языка: чувашский выведен из пределов политической жизни, практически нет официального документооборота на чувашском; изучение чувашского в школе, в нарушение «Закона о языках в Чувашской республике», сведено до факультатива, а значит, учителя чувашского в городских школах не будут востребованы в республике. Факультеты чувашской филологии ликвидированы и, учитывая все сказанное, никогда не возродятся. Закрыты все чувашские толстые литературные журналы. По сравнению с 1990 годами, тиражи детских художественных книг на чувашском языке упали в 4 раза (хотя тиражи бумажных книг падают не только в России). Всё это сказывается, и будет продолжать сказываться, и на чувашской литературе.

Подобная ситуация и в других национальных республиках. Однако кое-где она получше. Вроде бы в Татарстане 5 литературных журналов, а Башкортостане 10.

Чувашских поэтов много, на сайте Национальной библиотеки Чувашии есть раздел под название «Литературная карта Чувашии». Там десятки ныне действующих поэтов. Большинство из них стремятся быть поэтами-песенниками, «поближе к народу». Доминирует, так скажем, традиционное для России силлабо-тоническое направление. Значимых попыток разнообразить выразительные средства поэтической речи в сообществе чувашских поэтов немного. Из здравствующих чувашских поэтов, наследников авангарда начала 20 века, я бы выделил Марину Карягину (1969 г.р.). Она, на мой взгляд, поэт мирового уровня. Для некоторых художественных приемов, которые она придумала и использует, у исследователей еще нет названия.

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

– У нас в Тольятти проходит крупный фестиваль поэзии Поволжья. А у вас в Чебоксарах, какие поэтические мероприятия ты посещаешь, что мог бы выделить?

В последние годы я мало посещаю литературные акции. Стабильно я посещаю чебоксарский фестиваль современной поэзии «ГолосА», Всероссийский фестиваль многонациональной поэзии России. Также я принимаю участие в работе Свяжской переводческой мастерской, которую организуют Алеша Прокопьев и Микаэль Ньюдаль. Остальные акции лишь время от времени. Количество литературных мероприятий (разного уровня и качества) в Чебоксарах довольно большое. В одной только Национальной библиотеке Чувашии почти каждую неделю проходит какое-нибудь околотитературное мероприятие. В Чувашии три профессиональных союза писателей, они организуют разные встречи, презентации книг и т.д. (К этим союзам я не имею отношения). Из неформальных самодеятельных групп можно отметить содружество поэтов «Пульс» и поэтические вечера в чебоксарском кафе «New York Coffee». Но я за ними не слежу.

– Верлибр как форма письма, как метод – чем тебя привлекает? Актуален ли он сейчас?

Я думаю, что вопрос верлибра вообще бы сейчас не стоял, если бы в СССР не было цензуры. Верлибру уже больше 100 лет. Уйдет поколение, которое еще помнит советские годы, для которого верлибр есть маркер идеологически неверного подхода к литературе, и отношение к верлибру будет более спокойным, как одному из множества инструментов поэта. Я надеюсь.

– И последний вопрос традиционный – твои пожелания альманаху «Графит».

Я желаю альманаху «Графит» продолжать оставаться площадкой для формирования сообщества единомышленников в городе Тольятти и не только. Формирование сообщества, на мой взгляд, это важная задача. А то, в каком виде будет существовать альманах (бумажном или цифровом), на мой взгляд, менее важно. Переход от бумаги к цифре является глобальным. Мне кажется, что противостояние этому тренду, в случае с некоммерческим периодическим изданием, отнимает много ресурсов и сил. Возможно, есть смысл оставить на бумаге только книжную серию альманах «Графит», а материнское издание перенести в сеть Интернет. Однако последнее слово всегда остается за редакцией.

Дмитрий Воробьев

Песня о песне

пой песни так
чтобы всегда было ясно
ты слышишь игру отражений
чужого голоса
в последний раз
(2014–2015)

Весенний побег

побег не удался
расплываются руки и сопли
узнал интонацию отца в своём голосе
страхах
наивном плаче
(2017)

Нарцисс

я выживаю по плану
спелых яблок сладкая ялта раздавленных в яд
твой секрет сентября
без стыда и себя
с переменным успехом за брошенный сад
выживший без ума бьёт выжившего из ума
отец наш отвесный
отклонись просвети истощенное существо
эта речь уже знает что она хороша
(2016)

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Из недописанного

опиши любую грязную погоду
и ты услышишь
как случайные членения речи обретают размер
на язык заползает ошибка
я ждёт от стихов слишком быстро
недоступно как дом поступь пыли весна
всё реет логорея нарциссизм словогона

(2016)

Идея

Ничто не обязано быть идеальным.
Читайте эту строку снова и снова,
пока не поверите в написанное.
Сейчас прочтите её еще раз,
пока не придумаете лучшего способа
сформулировать данную идею.
Ничто не обязано быть.
Видите? Она не идеальна.

(2016)

Денис Липатов

НАСЛЕДНИКИ ШАМБАЛЫ

Есть у меня вещица...

Михаил Кузмин

Никто, конечно, не поверил, но разговоров хватило месяца на полтора. Шутка ли: вдруг распространился слух, что двое кротких китайцев – Гена и Боря – прибившиеся ещё бог знает когда, что называется «христа-ради», к гаражно-хозяйственной службе института и жавшие карьеру в основном по дворницкой части, и которые в сознании всех, да и в их собственном, давно уже срослись в сиаемских близнецов до полного неразличения кто из них кто (так, что каждый за просто откликнулся и на Гену и на Борю), оказались не просто Гена и Боря, или Боря и Гена – а тибетские принцы в изгнании: Гианендра и Бирендра. Да ещё из враждующих династий, предки которых лет четырёхста подряд с переменным успехом и завидной энергией сживали друг друга со свету ради того, чтобы занять престол крохотного ламаистского королевства, затерянного где-то в Гималайских горах между Индией и Китаем, на каких-то совершенно недоступных и не контролируемых никем высотах. И китайцы, и индусы до такой степени давно позабыли про это королевство, что ни у тех, ни у других не сохранилось в языке даже его названия. Его территорию никогда не отмечали на картах, а честно делили поровну. Но само королевство, что удивительно, себя не забыло и всё это время существовало само по себе, по каким-то своим правилам, и никого из его жителей нимало не волновало, что о них думают соседи, каким образом делят их страну, какой губернатор назначен к ним из Пекина или Нью-Дели, назначен ли он вообще и кто это вообще такой. Что и сотни лет до этого, что и теперь – по склонам гор или прямо в скалах ютились жалкие деревушки, в столице нередкими землетрясениями разрушались, а жителями вновь отстраивались пагоды, в монастырях крутились барабаны, монахи бубнили свои мантры и стучали колотушками в бубны, или часами, а то и неделями медитировали. Облака на этих высотах были такими же полноправными гражданами и запросто проплывали прямо по улицам города, так, что на них можно было даже присесть или прилечь, если путь был неблизким, а спешить вам особо некуда. Последний король, например, так и сделал: просто присел на краешек

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

облака и уплыл в нирвану. Он давно уже достиг просветления, поэтому несколько не заботился о наследниках и не оставил их. Вот тогда-то в старых хрониках в одном из монастырей и обнаружили записи о том, что во время последней распри, случившейся лет за сорок до того, двое принцев были вывезены из королевства. Нескольких лам разбудили от многолетней медитации и снарядили на поиски принцев. Нашли их на удивление быстро: не прошло и десяти лет. Ламы, словно призраки, без труда пересекали любые границы, каким-то образом проникали на нужные им самолёты или другие транспорты; ни холод, ни зной, ни голод, никакие соблазны или опасности окружающего мира, которого они раньше никогда не видели, не могли их остановить или заставить хотя бы немного изменить маршрут. Вероятнее всего, окружающая действительность была для них не менее призрачна, чем и они для неё, и воспринималась ими просто как очередной медитативный сон. Возможно, они даже были уверены, что физические их тела вообще не покидали пещер монастыря и пределов королевства. Как бы там ни было, но спустя почти десять лет после начала своего путешествия, все четверо явились перед Гианендрой и Бирендрой и, ни слова не говоря, уселись на полу вдоль стены и снова погрузились в медитацию, словно были они запрограммированные роботы, которые отключились, как только программа была выполнена. Решение, возвращаться в королевство или нет, оставалось за принцами: ламы не могли им приказывать. Своим появлением они только передали сообщение о том, что их ждут, и они готовы их сопроводить.

Но тогда мы ни о чём таком, разумеется, не догадывались – Боря и Гена квартировали в нашем общежитии, в полуподвальчике, гостей к себе не звали, да и не бывало охотников – а только немногие заметили, из тех, кто вообще обращал на них внимание – по службе ли, по соседски – что стали они какие-то грустные, задумчивые, рассеянные и даже стали попивать «горькую», чего за ними до сих пор не водилось. И только через год-полтора после прибытия лам кто-то случайно вроде увидел сквозь мутное зарешёченное окошечко полуподвальчика будто бы восковые фигуры или мумии, сидящие вдоль стены, кто-то сопоставил увиденное с неосторожной хмельной болтовнёй одного из близнецов и истолковал её самым невероятным образом, кто-то куда-то даже сообщил, кто-то кого-то даже прислал проверить, и в результате распространилась эта то ли сплетня, то ли легенда, то ли чья-то насмешка, что Боря и Гена – те самые изгнанные тибетские принцы Гианендра и Бирендра из экзотического, почти музейного и курьёзно крохотного гималайского королевства, о которых в своё время, лет

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

сорок назад, была даже заметка в специальном журнале или сюжет на телевидении! В общем, кто-то что-то помнил, а остальным этого вполне хватило. Многие тогда вообще впервые узнали об их существовании (и вспомнили о своём), кое-кто, знавший близнецов ранее – слегка подивился и, повертев пальцем у виска, (непонятно, кстати, в чей адрес) вернулся к своим рутинным делам, большинство же всё-таки пропустило эту сплетню мимо ушей, просто не поняв, о чём речь и каким образом вся эта дичь может иметь отношение к ним. Но на некоторых, и, в первую очередь, разумеется, на нас, эта новость произвела серьёзное впечатление. Наше удивление тем естественнее понять, если учесть, что когда-то давно, в детстве, мы, прочитав где-то или услышав об истории с принцами и узнав, что есть на свете такая страна (источники о которой, хотя, были очень скудны – не сообщалось даже её название – и впоследствии мы больше о ней ни разу не слышали) настолько пленились её образом, что сами додумали всё остальное: её географию, историю, жизненный уклад. Может быть, недостаток реальных сведений как раз и предопределил размах фантазии. Мы до мелочей продумывали планы городов, рисовали карты, составляли родословные таблицы правящих династий. Мы выдумали про себя, что мы её законные наследники, пребывавшие до поры в эмиграции. Привыкшим к насмешкам, косым взглядам, брезгливости и испугам в свой адрес, нам тем приятнее было думать о ней, как о нашей тайной родине, где нас ждут, где нас полюбят и примут, как равных, чем недостижимее и призрачнее она была. Мы же были не настолько наивны, чтобы надеяться на подобное отношение где-то ещё: люди везде одинаковы, и за внешней доброжелательностью всегда скрывается оскорбительная жалость или словоохотливое бабское сострадание, спешащее, впрочем, отвести глаза. Надежда оставалась только на прекрасную Шамбалу, как мы договорились её называть. Грёза о ней со временем превратилась в своеобразную интеллектуальную игру, некий защитный буфер между нами и враждебным миром, согласным пока ещё терпеть нас в силу каких-то, не всегда даже ему самому понятных, зыбких условностей. Поэтому нетрудно вообразить, как мы были взволнованы, когда наш вечно пьяненький сосед, единственный, кстати, наш знакомый, относившийся к нам по-человечески, (и то, правда, потому, что у него, видимо, всегда двойлось в глазах, и он не замечал ничего необычного) сообщил нам новость о Боре и Гене. Никто, конечно, не поверил, но разговоров хватило месяца на полтора. Шутка ли... тем более, о тех мальчиках с тех пор ничего не было слышно, и были серьёзные подозрения, что они в

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

итоге погибли. Да ведь не могли же и ламы ошибиться!? В конце концов, совершая своё путешествие, они не обладали собственной волей и не принимали никаких решений, строго говоря, они никого и не искали, а были похожи на листочки или щепки, попавшие в могучий горный поток, который и вынес их к нужному берегу. А уж поток ошибаться не мог. И всё равно – что-то здесь не сходилось. Ну, хотя бы то, что посланный к близнецам под надуманным предлогом, якобы для опрессовки труб, газовщик (тот самый наш сосед), никаких мумий не увидел: кроме хозяев, там были ещё четверо вполне живых и, кажется, тоже китайцев, которые, когда он пришёл, просто натурально пьянствовали, закусывая жареной селёдкой и не обращая никакого внимания ни на хозяев, ни, тем более, на пришедшего. Селёдку они пожарили именно солёную, от чего по квартирке распространилась такая нестерпимая вонь, что наш лазутчик спешно ретировался, даже не выполнив того, зачем якобы приходил. Это, во-вторых. Ну а, во-первых... странное поведение самих близнецов, которое тем и было странно, что почти совсем не изменилось со времени прибытия лам: то ли они чего-то боялись, то ли не признавали себя теми, кем считали их ламы, то ли ещё неизвестно что. Было и ещё одно обстоятельство, которое требовало проверки. Настоящие принцы, согласно традиции, должны были обладать неким артефактом, своего рода опознавательным знаком, который и подтверждал бы их права. Что именно это должно быть, было не совсем понятно, и мы условились между собой называть это нечто *вещицей*. Была ли эта *вещица* у близнецов – мы не знали. Но по всему выходило, что да: именно она и послужила для лам своеобразным ориентиром или магнитом. Обладание *вещицей* награждало судьбой, но не лишало выбора: *вещицу* можно было передать, от судьбы отказавшись. Найти бы ещё того, кто согласится такой дар принять! Тем более смешно было предположить, что кто-то мог её украсть: для вора она не имела бы никакой ценности и, к тому же, попади она подобным путём, например, к близнецам – ламы никогда бы не нашли их. Все эти сомнения разрешились неожиданным образом и почти сами собой, когда однажды принцы вдруг явились к нам.

– Мы вас не ждали, но рады, – сказал мой брат, и мы протянули им руку.

Гости выглядели смущёнными, и разговор сперва не клеился. Но никаких сомнений в том, что они именно те, за кого мы их принимаем, не оставалось. Из их, несколько сбивчивого и слегка путаного, рассказа выходило следующее: из королевства они были вывезены совсем

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

малышами, трёх-четырёх лет, не больше. Главной причиной была даже не бушевавшая тогда распря, которая к тому же выдыхалась и уже катилась к замирению, а предполагаемая медицинская операция: братья родились «сиамскими близнецами». Срослись они спиной к спине, но не фатально: все жизненно важные системы были разделены. Это вселило надежду. Единственный бывший в королевстве европеец – английский доктор – обещал безутешным родителям счастливый исход у себя на родине. Родителям ничего не оставалось, как соглашаться. В тайне ото всех доктор с близнецами покинул королевство. Но повёз он их не в Англию, а в Америку, где немедленно продал в знаменитый Бостонский «Цирк уродов». Хозяин цирка был несколько разочарован: в своих письмах доктор, уговаривая, обещал ему «первоклассных уродцев», и он уже вообразил себе человека с двумя головами. На деле же оказалось, что у близнецов не было даже общих костей, а лишь небольшое сращение в области таза, которое, впрочем, выглядело «эффектно», но не на ту сумму, которую он обещал доктору. Титул же близнецов в его глазах вообще ничего не значил, хотя потом, в программках, он и не забывал указывать, что они «бенгальские принцы». Получив меньше ожидаемого, доктор для вида повозмущался, но, на самом деле, не слишком расстроился: родители близнецов снабдили его увесистыми алмазами, выручка от продажи которых и должна была пойти на оплату операции. На том подельники и расстались, а для братьев начались годы унижений и скитаний. Цирк постоянно гастролировал, и уже с пяти лет их заставляли выходить на арену. Сначала они просто демонстрировали своё уродство, затем, по мере взросления, их обучали разным трюкам, фокусам, нехитрым репризам, дрессируя почти как животных. Окружали их такие же несчастные: разнообразные карлики, великаны, горбуны, трёхногие, трёхрукие люди, женщина-кошка, человек-собака и тому подобное. Хозяин со всего этого паноптикума получал солидные барыши, а многие актёры жили почти впроголодь. Вообще, в той жёсткой иерархии, которая установилась в цирке, принцы занимали самое незавидное и унижительное положение, постоянно подвергаясь побоям и поборам, нередко даже и со стороны своих товарищей. Но на родине о них не забыли. Когда близнецам было чуть больше двадцати, их разыскали и выкупили из цирка. Родителей к тому времени уже не было в живых, а в королевстве не осталось законных наследников. Операция, обещанная больше двадцати лет назад, прошла успешно. Впервые в жизни братья обнялись. А вернувшись на родину, немедленно развязали безобразную бойню, оспаривая друг у друга родительский престол. Бой-

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

ня эта была много беспощаднее той последней, из которой их в своё время вывезли. Об этом безумии так никто никогда и не узнал бы, если бы не алмазы, которые доктор получил на операцию и постепенно пускал в оборот. Были они какой-то невероятной чистоты и заинтересовали многих. Какое-то время ему удавалось скрывать их происхождение, но бесконечно так продолжаться не могло. Наконец, он всё-таки решился сам возглавить компанию по их добыче и организовать экспедицию в почти неизвестное и никому ранее не интересное высокогорное королевство. Вторгшийся из Индии английский десант нашёл страну в плачевном состоянии: непродолжительная, но кровопролитная междоусобная война полностью истощила ресурсы, половина населения была истреблена, а вторая половина разорена, никаких алмазов или месторождений не было и в помине. Двумя-тремя военными манёврами англичане, разведя враждующих, прекратили безумную бойню и, немного передохнув и поняв, что ловить здесь нечего, навсегда покинули королевство, ради смеха назначив приведшего их доктора губернатором. Доктор же на этом деле полностью прогорел, лишившись к тому же своей деловой репутации, а у местного населения, напротив, снискав славу миротворца. Простодушные ламы объявили доктора реинкарнацией одного из своих многочисленных Будд и даже соорудили в его честь небольшой храм. Осмотрев его и криво усмехнувшись, он достал «браунинг» и тут же и застрелился. Ламы к такому решению отнеслись с уважением и, кое-как запихнув труп довольно тучного при жизни доктора в золотой сидячий саркофаг, с почестями установили его в храме. Для принцев эта история тоже не прошла бесследно: ламы прокляли их и в очередной раз изгнали из королевства. С собой им было разрешено взять только *вещицу*, как знак проклятия и напоминание о родине, которой они принесли столько зла. Проклятие же вкуче с *вещицей* сообщали принцам феноменальное долголетие: наказание должно было быть долгим. Несколько десятилетий они скитались по разнообразным тибетским монастырям, но, в конце концов, были ото всюду изгоняемы. Каким-то ветром их занесло в Россию. Здесь они пережили революцию, гражданскую войну, ещё одну войну, ещё одну революцию и, наконец, сидели перед нами. О своей родине за всё это время они не получали никаких известий и ничего о ней не знали. Только лет сорок назад долетела весточка, что ещё двое мальчиков, также, как и они когда-то, были вывезены и спрятаны где-то за пределами королевства. Удивительно, но поначалу сбивчивая и спотыкающаяся речь братьев постепенно становилась ровной, как будто горная река, преодолев по-

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

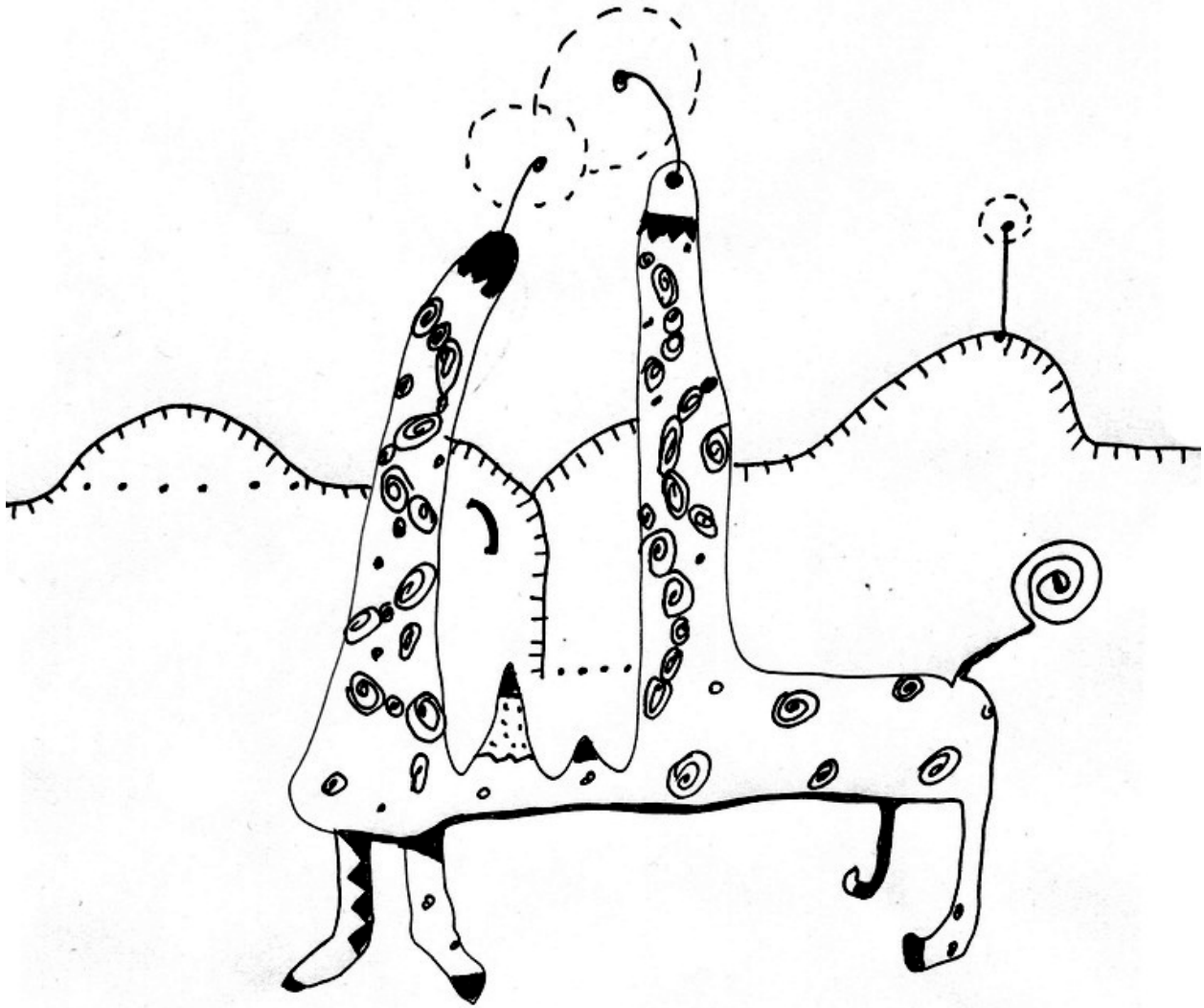
роги, спустилась в долину и вошла в спокойное русло. Голоса, поочередно подхватывая повествование, гипнотизировали. Не знаю, как мой брат, а я практически видел все эти горы, и пагоды, и монастыри, и тесные улочки города, крикливые и кривые. Наконец, я увидел и ту самую реку, по разным берегам которой во главе своих сторонников стояли Гианендра и Бирендра. Ещё недавно неразлучные, теперь они были разделены наследственной враждой. Решающая битва должна была случиться с минуты на минуту. Вдруг, из-за перевала высыпали англичане. В своей форме колониального образца – шорты, песочного цвета кителя с короткими рукавами, гольфы до колен, пробковые шлемы – они больше походили на бойскаутов-переростков и поначалу вызвали смех в обоих лагерях. Но, выкатив пушки, которых здесь раньше не видели, и, произведя по несколько выстрелов (как потом выяснилось – холостых) в обе стороны, они посеяли нешуточную панику и на том, и на другом берегу. Оба войска с улюлюканьем и квохтаньем разбежались. В общей суматохе братьев столкнули в реку. Не умеющие плавать, они уже считали себя погибшими, но всё же кое-как барахтались, теряя попусту драгоценные силы. Наконец, кому-то из них пришло в голову не бороться с течением, а покориться ему и ждать, куда река сама вынесет на спасительный берег. Это спасло обоих. А на берегу уже ждали ламы. Дрожащим от страха и холода принцам произнесли проклятие, вручили *вещицу* и указали путь из королевства.

Повторюсь: рассказ братьев произвёл на нас гипнотическое впечатление. Мы будто сами пережили всё то, о чём они говорили. Будто не они, а мы стояли там, на берегу перед ламами – голые и дрожащие, с клацающими от холода и страха зубами. Будто не они, а мы выслушивали их проклятия. Мне даже показалось, что я вспомнил или, вернее, узнал лицо верховного ламы – последнего соотечественника, которого видели те несчастные мальчики сорок лет назад, когда он склонился над колыбелью, перед тем, как их навсегда увезли из страны. Поэтому, когда Гианендра и Бирендра, завершив свой рассказ, достали из кармана и, склонив головы, преподнесли нам *вещицу*, мы несколько не удивились. Мы столько думали о ней, столько говорили и спорили, пытаясь вообразить, что это может быть, так давно мечтали её увидеть... и вот теперь были совсем равнодушны: мы были готовы к своей судьбе. На Гианендру и Бирендру мы смотрели с нескрываемым презрением: большего они не заслуживали. Их слова о том, что теперь должен быть только *неразделённый* правитель, были, разумеется, излишни. Не дослушав и оборвав ничтожеств на полуслове, мы подо-

ВЕТЕР СТРАНСТВИЙ

шли к окну: находиться с ними в одной комнате, смотреть на них, слышать их – было уже невыносимо. За окном была зима. Где-то вдалеке город утопал в новогодних огнях и предпраздничной суете. Мы прожили здесь всю жизнь, но сейчас он казался абсолютно чужим. Внизу, под окнами, мы увидели тех, кого и ожидали: четыре неподвижных фигуры, в оранжевых балахонах, безупречно лысые и, кажется, босые. Мимо, совершенно их не замечая, и даже сквозь них, проходили мужчины, женщины, дети.

15 июля 2018 года.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Константин Медведовский

И снова нет вестей из Барселоны.
Молчит радиостанция «Мадрид».
Пропали без вести все наши легионы,
А Ганнибал давным-давно убит.

Проклятый Пиренейский полуостров!
Пожрал всю волю к жизни и мечты,
Все матадоры обкромсали косы,
Из всех быков извлечены кишки.

Отныне солнце светит не для славы,
Здесь можно даже топлес загорать,
Дали и Пикассо лишились лавра –
Им нечего уже нарисовать.

Я шлю и шлю посланья Дон-Кихоту,
Но только Санчо отвечает мне.
Фаланга, голубые патриоты,
Республика погибшая, ты где?

О, Фердинанд! О, Изабелла, Торквемада!
Потухли инквизиции костры.
Соборам готики огня уже не надо,
Пустыми знаками торчат вверху кресты.

Лежит на дне непобедимая армада,
И ценность потеряли бычьи уши.
Среди глобалистического ада
Я жажду, чтоб Карфаген был разрушен.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Я не печатаю подстрочник.
Я не пишу стихи под стол.
Для реализма слишком точен,
Для детских сказок слишком зол.

"Давайте выпьем!" – К черту пьянство!
Уж лучше сразу на иглу.
Все ваши рифмы в водке вязнут,
Писать, как вы, я не могу.

Катитесь с вашим постмодерном!
Искусство сдохшее смердит.
Последний человек презренный
С трудом живет и говорит.

Бессмысленно жонглируют словами,
Из прошлого – потоки рвотных масс.
Труп вдохновенья залили слюнями,
Но это всё равно ничто не даст.

Огрызки выдаются за шедевры,
Осколки, как брильянты подают.
Да! к дьяволу сорвало нервы.
Да! все поэты снова пьют.

Мертворожденное наследие музеев,
Червями переваренный кумир,
Не помогает больше бог евреев,
Слита цивилизация в сортир.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Asche zu Asche

Огонь! И смерть глядит из дула.
В прах разлетается весь бред.
Давленье резко скакануло,
Доверье к богу больше нет.

Огонь перечеркнул все мысли.
К чертям бессмертие души!
В бессилье руки жалко виснут,
Как крик о помощи в тиши.

Огонь! И мозг сейчас взорвется.
Сознание выключает свет.
В конвульсиях тело содрогнется,
Реинкарнируясь в предмет.

«Огонь!» – последнее, что слышит.
Влажнеют стены от крови.
Огонь – по тем, кто еще дышит.
Огонь! Пусть даже все мертвы.

Огонь! Охрипший штурмбанфюрер –
Сигара сжата между губ.
Бог милосердный снова умер.
Огню предайте его труп!

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Барабаны в ночи

Любовь под грохот барабанов,
Под звук ритмичный каблуков.
Всё так таинственно и странно,
Я ко всему уже готов.

Пройти по лезвию абсурда,
Сорваться в бездну темноты,
Увидеть свет из ниоткуда
И осознать, что это – ты.

Удар, еще удар по мозгу.
Остекленевший взгляд в себя.
Меняться будет слишком поздно
И у тебя просить огня.

Остановиться. Но возможно ль?
О том, что в прошлом, – ни к чему.
Стучит волнительно-тревожно,
В кровь губы треснут на ветру.

Вчера в сегодня превращая,
Муштруем стрелки на часах.
Мы выжили, мы не сломались,
Сцепившись волосами в снах.

Петля во времени – и счастье.
Уйти вдвоем в небытие.
Забыть про всё в твоих объятьях.
Телами встретиться во тьме.

Ты здесь, я тоже. Значит, вместе.
Теперь неважно, сколько лет.
Пропали навсегда без вести,
Собою завершив куплет.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

*Спектаклю "За белым кроликом"
посвящается*

А кролик вовсе и не белый,
Но кровь по-прежнему красна.
Прощай, мир сказок лицемерный!
В могиле кроличья тропа.

Смелее прыгай в эту бездну!
Смерть улыбается для всех.
Надежды нет, теперь ты трезвый,
Злораден Зазеркалья смех.

И не спасает мысль о боге.
Добро не в силах побеждать.
Несет насилие в утробе
Маньяком трахнутая мать.

Родится, вылезет из чрева,
Залитый кровью и дерьмом,
Сам зарядит какой-то стерве,
Ругая порванный гондон.

Продолжить жизнь и повторяться,
Бежать по кругу сотни раз.
Алисе некуда деваться,
У ней очередной оргазм.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Мой славный маршал, не верьте монахам,
Бог давно умер, мы в мире одни.
Глядя на то, как готовят мне плаху,
Я вспоминаю те славные дни.

Дни, когда вместе скакали по полю,
Что багровело от крови врагов.
Ваши глаза были полны любовью
К той, что способна любить лишь богов.

Мой милый маршал, не верьте надеждам,
Только отчаянье – путь в Небеса.
С плотью сгорают остатки одежды,
Смертными воплями полны уста.

Но и сейчас ни о чем не жалею,
Имя свое оставляю в веках.
К вам прилечу через тысячи лье я.
Пеплом коснувшись, воскресну во снах.

Мой милый маршал, пускай ваши руки
Крепче сжимают поводья коня.
Пусть кровожадность излечит от скуки.
Ваш верный меч отомстит за меня.

А когда вам приготовят могилу,
Так же, как мне, из святого костра.
Помните, вас никогда не покинет,
Мой Жиль де Ре, ваша Жанна, сестра.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Елена Грачёва

1)

сон как репетиция будущей смерти.
закрываешь глаза и медленно идёшь ко дну.
белыми строчками в алом конверте
каждый читает ночами свою вину.

свет сквозь строчки рекою льётся –
пальцами хватаешь его в темноте.
сердце под водою сна чуть слышно бьётся,
вытесняя реальность из уставших тел.

где-то под радужкой глаз улыбаются лица
когда-то любимых, брошенных просто так.
каждому его боль беспощадная снится,
пульсирует горечь с сердцебиением в такт.

и на окраине сна, дойдя до предельной границы,
остановиться, увидеть, обжечься и сделать шаг назад.
чтобы однажды, уже не боясь, навечно проститься.
чтобы однажды прямо и честно наконец посмотреть себе в глаза

2)

капризные мальчики вырастают в обыкновенных мужчин.
нежные девочки – в вечно обиженных женщин.
мы же с тобой не находим и капли весомых причин,
чтобы взрослеть. но от этого вовсе не легче.

главные роли – опять не туда и не тем.
на эпизоды – ни ты и не я не согласны.
стынет февраль. атакует пространство метель.
и расцветают по городу пробок машинные язвы.

добрые мальчики станут спиваться к утру.
жизнь перемелет в муку их мечтаний росточки.
злые девчонки вонзают кинжалом в крупу –
в мягкость сердец золотые свои коготочки.

вырастут все. мы останемся в точности так,
как нас придумал старый-добрый Ганс Христиан:
поседевшая Герда, глядящая близоруко сквозь мрак.
вечно зябнувший Кай, цедящий рижский бальзам.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

3)

царапает нервно карандашом по бумаге.
задумывается, глядя сквозь мои глаза.
лучшей рифмы её пальцы на мне искали
минут тридцать назад.

порхали бабочкой, змеёй втекали,
сочились ядом по изломам вен.
и так внезапно, мёртво затихали,
как будто бы и не было совсем.

и оставляли умирать в блаженстве –
ненужным больше, выпитым, пустым.
она запомнит это. в каждом жесте.
и выдохнет густой табачный дым.

сорвутся пальцы в скачку по бумаге,
в звериной страсти плавя карандаш.
она отдаст всё то, что было между нами,
поток книжных шлюшеских продаж.

выйду за дверь. за порогом рассвет полыхает.
мысли в этот час так прозрачны и тихи.
она не заметит мой уход. и никогда не узнает,
как отчаянно я ненавижу её стихи.

4)

вдоль запястья киты плывут.
невозможно большие и добрые.
их нигде давно не ждут –
оттого они вечно свободные.

заплывают, куда захотят.
и резвятся, не зная печали.
так похожи они на котят,
что мы возле подъезда встречали.

я ласкаю губами варган –
и китовый ус мне поёт.
добрый кит свою жизнь отдал,
чтоб плясал бестолковый народ.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

и теперь два кита во мне
вдоль запястья по венам плывут.
захлебнувшись в солёной реке
моей крови, с собой зовут.

я когда-нибудь тоже, как кит,
выброшу свою тушу на берег.
белой девочкой буду убит.
и бессмертен. отныне. вовек.

5)

тишайшее утро. священная, неприкосновенная тишина.
боюсь шевелиться, боюсь даже думать, боюсь дышать.
смотрю на ту, что сейчас спит. нежностью цепенеет душа.
весь мир заключён в распростёртую колыбель-кровать.

с нею спят океаны, лелеющие корабли на лазурных волнах,
и пустынные берега неизведанных мною далёких стран.
в этих утренних снах она бродит, конечно, одна.
возвращаясь с букетом из свежих галечных ран.

ко мне. я жду её здесь, на другой стороне постели.
просыпается поэтапно – сначала улыбкой, потом глазами,
затем – всем своим невесомым, измученным, хрупким телом.
на краешке тонких губ вопрос незаданный осел и замер.

считываю его и иду варить чудодейственный кофе.
она – точно крошечный эльф на моей огромной кровати,
утопает в перинах. и тонкий пронзительный профиль
в утреннем свете прозрачен. «Господи, её же так надолго не хватит!», –

стекает страх по гортани. хочется схватить в охапку и уволочь
подальше от концерт-менеджеров, едких пресс-атташе,
держат в объятиях и не выпускать...но ей лежать уже не в мочь,
с гибкостью кошки скользит на кухню. «мой кофе готов? уже?»...

я смотрю, как небрежно блеклых её губ касается
чашка с кофе, выстилающая этого утра банальный фон.
чашка не знает, как многотысячная толпа взрывается,
когда она звуками голоса ласкает свой микрофон.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

6)

по плотному телу боксёрского мешка,
за филигранной точностью следя ударов,
порхает девичья рука – как вдох легка.
боксёр, сбежавшая с божественных радаров.

мужской толстовки мягкое ворсистое нутро,
прильнувшее к худым плечам бойца несмело, –
единственное, что отдаст своё уютное тепло
её привычному к недевичьим нагрузкам телу.

и в жизни – нервной, до стабильных синяков,
летающей в бездну безысходности без остановок,
привычна смена лет, любовников и адресов.
незыблем только жёсткий график тренировок.

потухло лето в этом городе больших огней.
она погодных вех уже давно не замечает.
в зеркальном зале, полном пляшущих теней,
свою тридцатую осеннюю пору встречает.

окно транслирует дождём хохочущие облака,
а у неё давно отбита напрочь тяга улыбаться.
и созданная для тончайшей нежности рука
в ударах жёстких до крови сбивает пальцы.

7)

в каждой книжке должна быть закладка,
чтоб не сбиться с пути.
мне же сейчас так гадко –
я не знаю, куда идти.

мир утомительно долго спит.
а он всё – «план должен быть, план!»
сам же с утра никуда не летит,
наливает себе сто грамм.

хотя в его планах была Москва.
да ну какая тут, когда пить!
мы сползаем с ним в никуда
оттуда, где должны быть.

за окном вздыхает рассвет.
мы на кухне вдвоём.
сидим так уже тысячу лет.
никуда не идём.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Андрей Сергеев

обращение к своему молчанию –
диалог с перерезанным глазом
по имени «слепота»
на пачке сигарет –
мы друг на друга
смотрим и смотрим.
пойманный на отсылке,
открываю книгу и сразу же вижу:
«Над этой всей твоей
скорбью: никакого
второго неба» –
диалоги возникают сами собой.
ноль – точка роста,
когда цезари падают от ножей.
ты ничего не знаешь,
отсылки – только отсылки,
красные слова в сером-сером мире

Если спичку ты потянешь не с того конца,
То родит девица к лету пегого мальчика
В сером поле кипарисов, в поле без ручья,
Крестным станет крот речистый, крестной – саранча.

Солнце сине, он бессилён, поживёт и так,
Будет слушать песнь гиены, правду от макак.
Заработает подагру и нейродермит,
Кто красой своей не блещет, тот и не взлетит.

Много мнений. Отражений нет лишь в поле том,
И никто не называет голубей скотом.
И никто не рассуждает громко, сгоряча,
Как живётся в этом поле, в поле у ручья.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

...что, как снег, упокоившись, ляжет той ночью на землю.
Петь о рыбе-мечте, потонуть, не хватаясь за вёсла,
И зима сбережёт, заслонив толстым льдом под метелью.
Все, наверно, уснули тогда, хоть во ртах и сверкали блёсны.

Светлый день поминает. Поминки позёмкою кружат
Над водой, лёгким эхом дымясь в предрассветном тумане.
Чей-то сын побежит, упадёт, заскользит неуклюже
И растает в снегу, как таблетка в гранёном стакане.

В банках солят баженье, к столу подаётся съестное...
Жизнь продолжится снова, словно ни в чём не бывало.
И по лёдышку речки потащится ковчижек Ноя
С пенопеньями в Лету. Только и этого мало.

Молчание

Распахни окно:
за окном – белый шум
колыбельную песню поёт.
Мир, как лёд –
попытаться не биться,
как в форточку птица,
превращаясь в поклон.

И то –
особое умение молчать,
не говорить
как тихо рвутся ткани,
и как молчание придёт.
Прядётся шерсть,
и безупречное сукно
не пропускает воду.

ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

Воздух затхлый и между столами, как груз, висит.
Возвращаясь с работы, бросаешь слова, как вещи.
Встретишь – три реплики. Больше нельзя. Лимит.
Можно три реплики. Можно. Но лучше меньше.

Воздух дрожит, что слышен как будто свист.
Чайник гудит и, кажется, скоро взорвётся.
Тонкий овал лица напротив – исписанный лист.
В почерк вдаваться не хочется. Хочется солнца.

Чай, бергамот. Вспомнишь деревню – там печь,
Гревшая в детстве. Луга и поля. Истома.
Две недели до отпуска. Выключить свет и лечь.
Не забыть потрепать по голове Артёма.

«И вот красотой неба пленённый,
Насладишься, ногой вращая в лёд.
Где-то в толщах мутной жижи
Тоже кто-то плывёт,
Лицом убелённый,
Но очернённый в глазах, как крот.
Но где-то там и здесь он не к месту.
Смотришь вверх:
Земля поставляет небу кресты,
Как на закланье невесту.
Взлетают, как стерх
Орды поломанных хилых стволов.
А ты
Не иди с природой встык,
Надорвешься, порвешь «кресты» –
Сложено много голов
Где-то под толщей воды.
Не жалко: стерпим, слюбим, посадим –
Вот он, великий труд:
Ясная радость, сердечная тупость...

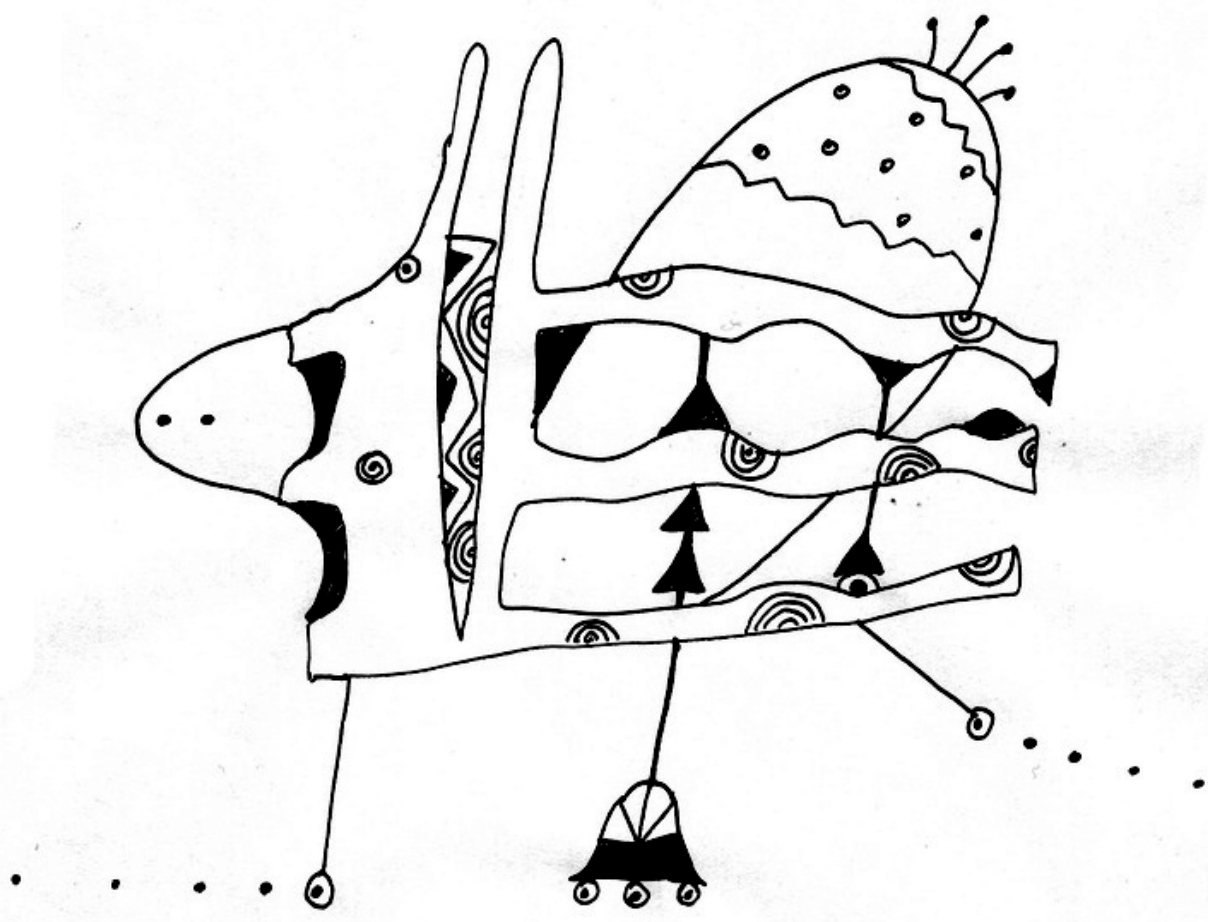
ВОЛЖСКАЯ ВОЛЬНИЦА

И ото всего неясная грусть:
Среди мусорных груд
Человек человеку – балабол Сатин,
Человек в человеке пуст.

Будем считать дни –
Песенных соков сбиратели.
Под разряженными облаками,
Здесь, в пустоте земной,
Растёт ковыль,
А не произрастает ничего
Или
А произрастает – ничего.
(А стерху дерёт горло выпь)
Испитые сны –
В них юные небогробокпатели
Ведут бой из-за каждой сосны
Даже в задохлый зной.
Каждый приправлен духом и пропечён,
И каждый вязнет в мыслях, как муха
В растаявшем воске под свечой.
А улыбка от уха до уха...

Вот и пустота – благословенная нами.
Бог в своей доброте дарует нам то, чего мы хотели.
Но здесь ни войны, ни любви – ничего вообще нет,
Как нет смысла в голод отдать долг плодами,
С земли омертвевшей в метели,
А до весенних лет
Надо держаться годами.

Под электрическими облаками
В тумане густом
Не видно ни зги...
Лишь соглядатай заметил,
Что жизнь свернулась клубком
Где-то в конце строки».

ПОСТСКРИПТУМ

Андрей Князев

За поворотом

(из Боба Дилана)

*A saxophone someplace far off played
As she was walkin' by the arcade
As the light bust through a beat-up shade
where he was wakin' up,
She dropped a coin into the cup
of a blind man at the gate
And forgot about a simple twist of fate*

Они сидели на скамейке в парке. В этом нет ничего неприличного. Каждый может, не вынимая рук из карманов нелепого в это время года плаща, сесть на скамейку, вертеть головой и беззаботно насвистывать. Даже если на этой скамейке уже кто-то сидит. Даже если это женщина. Даже если она очень хорошенькая. Всё равно. Нет ничего вызывающего и непристойного в том, чтобы сесть на эту скамейку и насвистывать. Это свободная страна. Тут вам не испанская инквизиция! Был летний вечер. Небо неторопливо темнело. Она взглянула. Он ещё подумал – вот говорят: между ними проскочила искра. Он даже употреблял это выражение пару раз, в каких-то ранних стихах, давно уже сожжённых (кстати, об инквизиции). Оказывается, употреблять в стихах – это одно, а когда она в самом деле проскакивает, то другое. Когда-то в детстве, в папином магазине электротоваров, пребывая в бездумно-рассеянном настроении, он коснулся пальцем проводка в разобранном транзисторе. Пробрало до костей. Прямо как сейчас. Он уже давно был один. Настолько, что это успело осточертеть. Может быть, эта искра – сигнал свыше, дар неба? Может быть, небесам тоже осточертело его одиночество? Вдруг им осточертело смотреть на его осточерчение? И они устроили этот поворот сюжета: притащили его на скамейку в парке и ждут, когда он коснётся проводка?

Потом они шли вдоль старого канала, перекидываясь лунными снежками взглядов искоса – он отлично помнит эту дуэль – и остановились

ПОСТСКРИПТУМ

перед странным отелем, над которым переливались неоновые огни. Душная ночь ударила ему в голову как грузовой поезд и потащила – куда-то вверх по лестнице и дальше влево по коридору – как медленный поезд тащит, неторопливо подминая под себя, упавшую на рельсы ветку – или что-то очень на неё похожее – до ближайшего поворота, где то, что осталось от похожего на ветку предмета, выбросит из-под колёс к подножию семафора, а поезд унесётся вдаль, к Миннеаполису, и только стук его колёс и паровозный гудок ещё долго будут таить в темноте.

Но это был не паровозный гудок, а, кажется, саксофон – где-то далеко, через улицу. И стук каблучков, гулко отдающийся под аркой ворот, когда её силуэт скользил сквозь изломанные тени, выбитые неоном на границе сна и яви. Она бросила монетку в бумажный стакан стерегущего эту границу слепого и растворилась на ярко освещённом проспекте, выбросив из головы маленький тёмный закоулок и случайный зигзаг судьбы, который привёл её туда.

Мы должны признаться, что наш герой спал в это время сном младенца и всего этого нуара не видел, а придумал его себе потом. Да и пятицентовая монетка в стаканчике слепого, если совсем уж начистоту – метафора, представляющая нашего героя горемыкой, которого мимоходом одарили крошечным отблеском счастья... Как сказал бы какой-нибудь пьяный мексиканский поэт в угаре пьяной мексиканской сентиментальности: "И кто-то кактус положил в его протянутый сомбре-ро..." Как хорошо, что наш герой – миннесотец 99-й пробы, мексиканскому языку не обучен, и ничто, кроме одесской бабушки, его с Мексикой не связывает. Проснувшись в пустой комнате и нигде не обнаружив героиню своего ночного романа, он, как истый миннесотец, сделал вид, что ему совершенно – то есть абсолютно – до лампочки. Но бабушкины гены, как обычно, взяли верх. Когда он открыл окно и увидел грязный, пустой, тоскливый закоулок, который ночью – когда через него шла она – казался сказочным лесом – сентиментальный угар накрыл его бортовым залпом броненосца "Потёмкин" – и чёрт бы побрал эту Мексику – он почувствовал такую пустоту, словно этот простой поворот сюжета разом протаранил все его герметичные переборки.

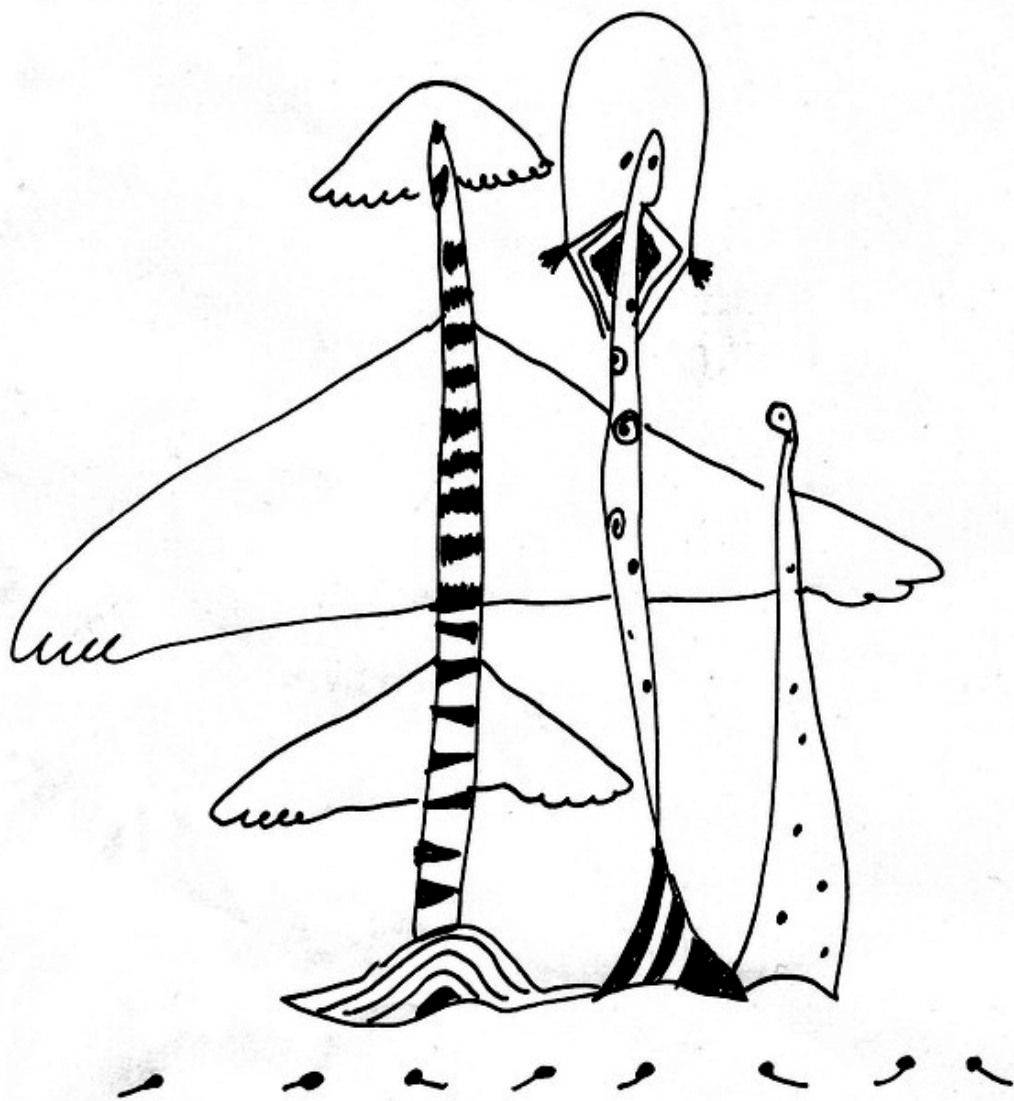
Время шло. Он искал. В основном – в доках. Ему казалось, что такую женщину должно тянуть в порт, к воде, к бескрайнему простору Ве-

ПОСТСКРИПТУМ

ликого Озера. И потом, ничего, кроме доков, здесь всё равно не было. Город весь состоял из порта, словно вывернутый наизнанку – мехом внутрь, сердцем – наружу, в зовущий грохочущий мир. И когда-нибудь наш герой обязательно последует этому зову. Но пока он затерялся среди матросов и грузчиков, стараясь не слишком отличаться. Когда она придёт сюда искать очередного любовника, он хотел оказаться ближе других и не вызывать подозрений, что этот сюжетный поворот не случаен. Он даже завёл себе говорящего попугая. По имени Сент-Огюстен. Тескатлипока знает, откуда взялась эта птица. Должно быть, сбежала из магазина и пустилась бродяжничать. Вероятно, Огюстен прибил к нашему герою, признав родственную душу – такую же одинокую и нахохленную. "И раз! И раз!" – Вопил он на весь квартал. – "Вира! Посторонним воспрещено! Выше стропила, плотники!"

Люди говорят: это порок – держать всё в себе. Возможно, они даже имеют в виду, что в этом есть какое-то тайное извращённое удовольствие. Может быть. Но наш герой – Поэт! Ему можно. Он искренне верит, что она его кармический близнец и их связывают незримые нити судьбы. Он бормочет что-то о потерянном кольце. Что она родилась слишком ранней весной. А он – слишком поздней и не в том знаке зодиака. Он прокликает судьбу, которая, как Рио-Гранде, всё время сворачивает не туда, да ещё и норовит пересохнуть. Но ничего. Он поедет в Сан-Франциско и бросится с моста. А может быть, ему вручат Пулитцеровскую премию. Кто знает – как всё повернётся, там – за Великим Озером, в неизвестном будущем? Нет, ну, насчёт Пулитцеровской премии – это он, конечно, загнул... А вот чем награждают гениев в Мексике? Наверняка у них там тоже есть какая-то своя премия. Он даже что-то про неё слышал. Мобилевская что ли? Может, хоть её дадут? И тогда она поймёт. Увидит по телевизору, как мексиканцы награждают своего блудного потомка, бросая в воздух сомбреро. Нет. Не надо по телевизору. Пусть услышит по радио. Мол, мексиканцы тут одного наградили. Вот идиоты. И она вспомнит. Тот отель. Границу яви, зубчатую, как гребень крепостной стены... Старый канал. И скажет: "Да помню я его! Никакой он не мексиканец! Текила у вас тут, кстати, есть?" И невзначай утрёт слезу, когда будет думать, что никто не смотрит. Но он будет уже слишком далеко. За поворотом. В неизвестном будущем.

(Лето 2018)

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Поэзия города Харькова

В данной подборке харьковских поэтов представлены разные литературные группы и течения.

Дмитрий Дедюлин – поэт и прозаик, который объединяет в своих стихах две культуры – традиционную и неподцензурную. Его стихи осмысливают современность под своим, особым углом. Часто в текстах присутствует стеб или авторская интерпретация событий, комментариев.

Александра Суховеева не так давно пишет к манере актуального письма, но уже успела проявить себя талантливым и перспективным поэтом. Минимализм её стихов передает скорее видение в его гранях, а не в сторонах между ними.

Надломная вселенная **Алисы Волковой** с ее «(анти)целостностью себя в[нутри]себя» впускает и водит по своему поглощающему лабиринту.

Виталий Помазан наследует поэзию, взрывающую слушателей читателей приемами исторического авангарда, играя звукописью, рифмами, ассонансами, формосмыслом.

Елена Горошенко своим раскольным «на "я же воин" и "я – живое"» все-таки не дает выбор читателям, оставаясь внутри своего мира больше с его, чем её, правилами.

Ольга Андрус, пожалуй, самый лирический автор в представленной подборке, сохраняющий гармонию самого мира в слове.

Андрей Костинский

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Дмитрий Дедюлин

* * *

ни любви ни печали
ничего на земле
только кто-то мочалит
головешку в золе

только кто-то прикурит
и пойдёт кто куда
в этой странной структуре
не найти и следа

наших тел, наших слайдов
наших веских причин
уезжай на Хоккайдо
как один из мужчин

этой девушки странной
она тут а ты здесь
и стоим как бараны
перед тем что тут есть

перед тем что мигает
словно поезд в ночи
наша жизнь убегает
ну а ты не кричи

посмотри лучше в небо
как в большой потолок
так чего тебе трэба?
хочешь счастья сынок?

хочешь бедную мушку
ты зажать в кулаке?
счастья здесь на полушку
но на белой реке

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

ты найдёшь свою лодку
и в закат уплывёшь
сквозь земную икотку
если вправду живёшь

МРАМОРНЫЕ СТАТУИ ГЛИНЯНЫХ БОГОВ

я – израильский писатель пишущий на китайском языке – я макаю свою кисточку в банку с тушью и вывожу иероглифы – история израильской литературы на китайском языке насчитывает много веков – сначала нас не понимали, нас подвергали гонениям, когда мы писали о Кун-цзы и пророке Иезекииле – нас распинали на крестах только за то, что мы писали про даосов зажигающих семисвечие и варящих курочку в молоке, за фаршированную рыбу по-шанхайски они стегали нас плетьюми а за маленького ослика везущего Раба Божьего в Пекин изгоняли из государства – теперь мы на своём месте – наконец-то мы заняли его в общем ансамбле рыкающих тритонов и рогатых драконов и гипсовых ангелов скульптурами коих уставлены двор нашей пагоды –

нашего великого
храма где под крышей – под самым коньком висят мелкие-мелкие колокольчики и звенят на ветру –

теперь можно быть израильским писателем
и писать по-китайски –

благо китайский язык велик и могуч и вместит в себя
даже нас жалких израильтян Господа Нашего Иисуса Христа –

Бога Великого
и Распятого которого мы так и не дождались потому что

писали по-китайски
романы и макали кисточки в тушь тщательно выводя
иероглифы на рисовой
бумаге которую привёз нам торговец восточными сладостями торгующий
так же ручными кальмарами и бенгальскими огнями рассыпающимся
с тихим шелестом в вечернем наливающимся сумраком воздухе

Срединного Китая

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

* * *

спасибо вам, товарищи узбеки, что встретили меня как человека – сварили плов, поставили на стол казан с бараниной и что терьяк купили и в клубах пламенной небесной пыли я как куст ангельский в забвении расцвёл – но дело ладится – уже разъяты девы с пружинами и механизм спасён – из пыльной плоти извлечён однако и мастер Ганс как каждая собака обрадован и свят и восхищён – они лежали на столе пустые – простые манекены без затей а мы все пьяные опрятные густые пугали маленьких безоблачных детей машинкой адскою – её сам Ганс измучил – под лупою смотрел в её родство с багряной тучей, с памятью гремучей – такое, Господи, тоска и колдовство – узбеки сели – им на стол накрыли, и на кошме зелёный пили чай а я клубился в облаках из пыли – как флаг летел – как белая печаль

* * *

в польских туфлях остроносых я скольжу легко и быстро – собираю ветки гнуса что жужжит над головою – в пойме речки придорожной я схватил речного рака – бросил в котелок копчёный и открыл бутылку пива – закурил и глядя в небо я сказал: «все дни и вёсны только память о разлуке, только дрожь руки любимой во твоей клешне багровой, ангел тайну нам прошепчет, тень уходит с поцелуем чтоб исчезнуть в тихом небе и над кладбищем огромным что Землёю стало синей корабли плывут в тумане – исчезают в белом блеске»

Ольга Андрус

* * *

Я – просто камень, придорожный, серый.
Я здесь лежу с тех самых давних пор,
когда, бросая вверх огонь и серу,
вулкан шутя играл грядою гор.

Уснул вулкан. Уснул. Ни горсти пепла,
ни искры, ни дыханья... ни че го.
Посмертной маской стынет кратер – слепок
величия былого... Обожгло

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

студеным ветром зелень винограда
и город тихий, что спокойно спит
у самого подножья. Дремлет рядом
замерзший сторож – одинокий мирт.

А я – с живой душой, в одежде камня.
Один из многих у крутой тропы.
У каждого внутри – вулкана капля.
Но, жить веками, сдерживая пыл,

я не хочу, собратьям уподобясь.
Тесна мне эта каменная клеть...
Пусть спят. Моя совсем иная повесть –
тепло отдав, однажды улететь.

Безмолвна безмятежная Помпея.
Присматриваюсь к бледному лучу.
Вулкан проснулся! Тишина алеет.
Толчок, еще толчок! И я лечу!

* * *

Бессонница жарких ночей
беспамятства злей и отчаянней.
Безжалостно мучая в зной,
тебя оставляет растерзанной.
И суд инквизиции в ней,
но только ужасней, таинственней,
и конницы мчащийся рой
монгольской, степной, тамерлановой,
и голос неведомо чей
зовет в омут песней русалочьей.
Во тьме устрашения для
ожили фантазии Гоголя.
Бессонница жарких ночей
огня преисподней черней.

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

* * *

Забилась в угол – нищенкой, хламьём,
забытой вещью в зале ожидания.
И льется одиночество мое,
пытаясь затопить все мироздание.

Потоп, но не плывет в ковчеге Ной,
не видно даже лодочки мазаевой,
прикрикнуть некому – молчи, не ной.
В холодном небе полыхает зарево,

химеры-блики пляшут на стене,
сметают волны домик мой улиточный.
Да и меня давно пора стереть...
Я стала информацией избыточной...

Забилась в угол...

* * *

Я – в зеркале, а ты – в миру.
Я – дымка, ты – живой из плоти.
Я шелестом тебе верну
дыханья легкость на излёте.

Покою сердце напою
твоё, стучащее тревожно.
Мелодию любви свою
нашёптываю осторожно.

Я призраком пришла, уйду –
воспоминаньем прикасаясь.
Светает, на мою беду.
Я таю, эхом рассыпаясь.

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Елена Горошенко

* * *

Рано
нам про любовь
или Нирвану –
нервы рву, видя тебя как рану.
Плен плела, следуя плану:
чтоб вышел не в окно,
а хотя бы в ноль.
На вопрос: «как любимому или любому?»,
когда тело своё бросала, будто на бомбу,
на грудь твою – детонирующую бомбу,
чтобы мир этот не разорвала твоя боль,
как ответить мне? Как использовать речь,
чтоб в слова это, не обличая, облечь.
Вот ведь гейс: едва с языка сорвались –
обретут отделённый и отдалённый смысл.
Давай, преодолев барьер языка,
будем: я – твоя муза, а ты – моя музыка.
Не дробиться на множество временных смыслов, а
общее славить, чтобы словить слова.

* * *

Воет
ранение ножевое –
раскол на "я же воин"
и "я – живое".

* * *

Говорили: «уйдёшь, обнимая Майю». И вот теперь я с ней.
Но, почему, чем дальше, тем вижу Тебя ясней?
Неужели это необходимо: будто бы порознь быть,
чтоб любовь не считая собой, по достоинству оценить?
Чтоб нежная нить
не сделалась тем,
во что можно впрячь?
Чтоб попросить:
«то, что дорого –
спрячь».

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Поищи божьих манн
лучших твёрдых сортов.
Сядь в подъехавший MAN
говори – рот со ртом –

дескать тракт-то горбат,
дескать дома – дитё.
Вы обсудите бать
и полуночных тётъ,

что без чести честны,
как их не назови...
Меж канав очистных
мчит ночной грузовик.

Небо – звёздный дуршлаг,
трасса – крепких глин твердь.
Испаряет душа
перегретый глинтвейн.

Ты с туманом – на взлёт
вслед за зельем влеком.
А дорога ползёт
медным змеевиком.

Жаждут наши сердца
в путь, в кабину, в вагон.
Нас, как спирта-сырца
снова ждёт перегон.

Фонарщик

Ничего не меняется. Всё повторимо, дискретно.
Ничего не меняется, сколько не протерпи.
Только белый кирпичик становится сырной брускеттой,
только вместо дурмана дурманит теперь кодтерпин.

Ничего не меняется. Эта рутинная гонка –
это гонка по кругу, всего лишь круги по воде.
Заведи себе крысу, любовницу или ребенка,
прочитай, напиши, заработай, купи, овладей –

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

ничего не изменится. Дни как печатает ксерокс,
завтра – копия позавчера, но немного бледней.
Ничего не меняется, лишь умножается серость,
и все меньше листочков в бумагоприёмнике дней...

Ничего не изменится. Просто ты станешь олдовой.
На одрябшем предплечье останется тот же партак.
И не будет ни большей любви, ни новых любовей,
и не будет иначе – всегда будет именно так.

Разговор по душам – словно рот умирающей рыбы
и попытки спастись – как спасти утопающих рыб.
Вера – подлый мещанский расчет на посмертную прибыль.
Жизнь – залитый бухлом и бездарно профуканный трип.

Что же – жги фонари, одинокий последний фонарщик,
к книге Экзюпери кособокий нелепый фан-арт.
Освещая бульвары, хотя бы не множишь бульварщин.
Ничего не изменится – просто зажжется фонарь.

Номо homini

Человек человеку – боль. Человек человеку – смерть.
Забивай в человека болт, приноси человеку снесь,
человек все же смотрит в лес, презирая цепной комфорт,
человека прельщает блеск удаляющихся платформ,
манит вихрь путевых пылюк, заносящих обрыдлый быт –
Человек человека лю
Человек человеком бит

Человек человеку врёт. Человек человеку – тьма.
Человек закрывает рот, чтоб не наговорить дерьма,
ибо только накатит злость – обнажается волчья пасть.
Повстречал человека – брось,
не ныряй в человека всласть!

Человек человеку – долг, человек человеку – гнёт.
Человек человеку – бог, так же нужен и так же мёртв.

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Человек – одинокий крик, вопль, захлёбывающийся борщом.
Человек человеком крыт – защищен, но и укрощён.

Вслед за семенем и слюной хлынет сок из сердечных свёкл...

Человек человеку – ноль.

Человек человеку – всё.

Пастораль

Давит. Город пылает. Жмут стены горячей темницы
Давка везде – хоть в квартире один, под кондицио–
нервно, давление скачет. Воняет жарой из кондитерских,
от скользящих сквозь давку потеющих торсов кондукторских.
Город жжет за грехи – свой заветный конduit раскрыл
и пошел браковать некондицию.

Собирай бабос. Выплачивай контрибуцию.

Отступай в безнадёжно забытые богом кибуцы.

Возьму и чухну в какое-нибудь Почечуево,
в лачугу к бабуле, что полуокочуренных даже врачует!

Почечный чай намучу с чабрецом и пачули.

В чаче вымочу тёрн – почти пачаран,
ну не чудо ли?

По вечерам прям совсем по чуть-чуть его,
по отакот,

безо всяческого чересчурства,

Чтобы очухалось то, что на ощупь – чёрство.

Старая ведьма, гони очумевшее чёртство,
верни меня в чувство.

Позабыть городского неба призрачное убожество.

Пялиться в рожу луны и в звёзд шепутные рожицы.

Лишь рюкзак сложи –

дальше как-то оно да сложится.

Стать на острове. Квасить, удить подлещика,
у костра по ночам глотку драть под Лещенко,
эй, дружбанчик, ану-ка, подлей чайка,
расскажи в сотый раз, что нет рыбки подлей, чем карп.

Тут – работа, разгул и сон, безнадёжный триптих.

Там же – жизнью пышет любой стебелек и пыптик.

Посмотри, как спокоен, как этот трип тих!

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Как от сказки фантастика неотделима, как ихти-
андерсон плавай, вдыхая июнь и пихты.
Замирай, забывая и трубкой задумчиво пыхать.
Ешь эту похоть, ложкой ешь эту похоть!
Пей её – хоть бутылками, грамм по 100 хоть,
в этом – выход...

Побывать хоть немного в посконной такой пасторали
– руки порасцарапали, ноги порастирали, –
вспомнить, что всё меняется по спирали:
сверху – замкнутый круг, кольцевая гонка, пустое ралли,
сбоку – штопор, закрученный в пасти нарвальей.
Всё зависит от плоскости, пасторы ввали.
Так что мысли в 3D –
бери плоть, бери кровь,
но не верь морали.
А чуть что – так сразу проваливай,
сразу провали...

Алиса Волкова

* * *

Обращаясь к тебе по зоркому имени,
одному из тысячи-тысячи миллионов,
я снимаю доспех свой линяный
и срезаю с шеи шнурок вощенный.
Тот, кто знает свою выжженную историю
на скрижалях, тотемах, дипломах, списках,
обнаружит себя посреди пустыни ровною
пыльной тропой, мечтой и присказкой.
Я смотрю в начало начал остывающей тишиной.
ничего
ничего
ничего.
Провожу расчёт и ресерч,
ресурс вызываю чётким
ясным запросом,
без токсичности общности,
тошноты на уровне социального знамени,

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

без пластичности из нуля или минуса.
Только четки закончились, уроборос смялся,
в лёгких свистит безупречная высота.
Завис симулятор распятий, пока я смеялся.
Так осталась основой тотальная пустота.

* * *

Жажда – охотник без выбора и статистик.
Графики строит с исходом найденных в кислоте.
Вежливость, наглость не защитят как мистика,
Сделанная вторичность,
нулевая звучность,
скудность и скученность
скомканных тел.
Я вдыхаю натянутых трещин
пыль,
когда плоть рассыпается беззаветно,
я почти поседел
насквозь,
и вовремя позвонил,
где самые тридцать три,
где тридевять, сорок, семь
никак не напьются нами.
Пей
Пей
Пей
Жажда уже обхватила тебя руками.

* * *

Полигон накрывает бетонной плитой
и всех бегущих навстречу рассвету.
Мне не хватает воздуха в этом гетто
перенастроить мой голос на сумрачный тон.

Узоры пыльных имен
и ни одним не рожден
он
быть свободой,
танцующим и маяком.

Я впитал с молитвой, мантрой, анафемой
в прозрачность артерий

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

всезначимость
снега, шквала туманов,
штиля,
ты учил меня принять
и расти, не нести ураган катрин
и других мужчин,
погребенных в окопах.

Без твоих касаний я – закольцованный
в пасти страхов и бледных ролей.
Будь нулем, единицей, истоком огней,
У тебя инструмент,
и тюнер
внутри,
ты диджей, оператор, художник,
частица
и целое.
Правый и левый.
Земля и Небо.

* * *

Бинты оплетают весь внутренний двор,
не раздор,
не истерика,
не проверка
на смелость быть честным с самим собой.

Мы ступаем на лед
и держимся за рассвет,
не готовый ответить
на раны,
распоротые в браслет.

Далеко не зима,
и ноябрь еще молчит,
открывайся,
достаточно блоков,
ржавых защит
ты навесишь на город,
пока бинты
оплетают дороги
и позвонки.

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

Александра Суховеева

*

приехали на нашу Половецкую
привезли ведра клубники
молодые
пятьдесят с лишком
Славик и Наташа
90-е

*

если кто-то скажет «посмотри»
хорошо

ну а если скажет «ты кажешься такой»
потому что он кажется

вылизанная десна
даст слишком горький ответ

*

это лес лишенный драконов и перстней
скудный лес
он и примечателен тем что порос лишайником
до разрук
но листва не виднеется она выше
лес такой каким только может быть только такой
нет на нем ни тропы ни прохода
.....*

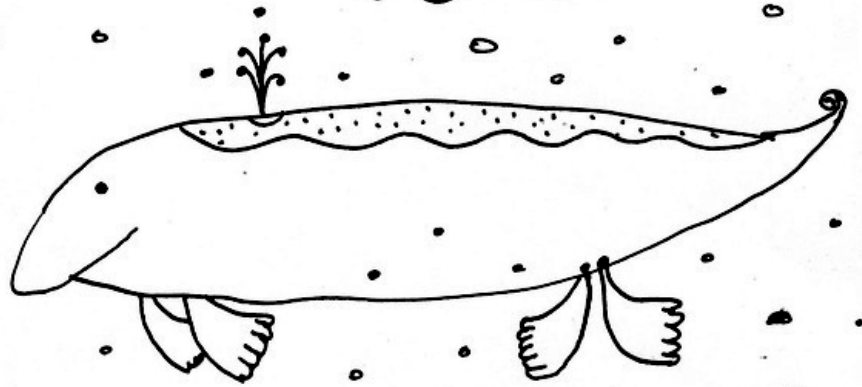
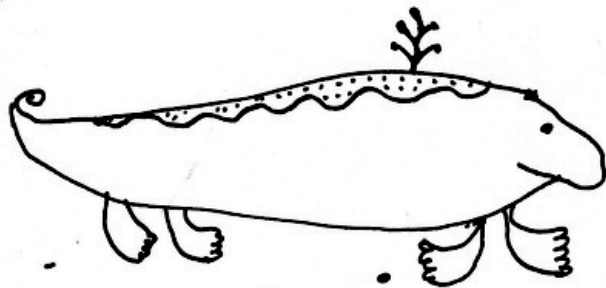
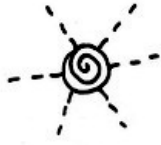
*(крамольные слова пропущены:)
перед нами картинка леса

ГОРОДА ДАЛЕКО ОТ ВОЛГИ

*

странное изображение
совсем хаос
живописи множится в голове
живопись важнейшее искусство для Гринуэя
как защититься
как защитить
вчерашний день
.....*
странное изобретение
дерево это смерть
а здание жизнь

*(лишние слова пропущены:)
совсем хаос

ОКРЕСТНОСТИ

Конкурс эссе о тольяттинских поэтах

Друзья, конкурс эссе о тольяттинских поэтах завершился!! Благодаря оперативной работе наших уважаемых экспертов, мы можем уже объявить победителей! Жюри было профессиональное и прекрасное: Сергей Брель (Москва), Денис Липатов (Нижний Новгород), Анна Мартышина (Пенза), Георгий Квантришвили (Самара). Все они проделали большую работу!! Респект им!!

Мы все успели в срок. Итак, 19 работ от 17-ти участников мы решили разбить на 2 категории. В первой мы суммировали баллы участников, возраст которых еще не достиг 20-ти лет, во второй категории – все остальные авторы, от 20-ти и до бесконечности. Все тексты авторов были скрыты под номерами и, таким образом, никто из экспертов не знал – чья работа перед ним!!

Надо отдать должное и молодым, и взрослым – тексты они взяли крайне разнообразные. Критики помоложе брали для анализа в основном одно стихотворение автора (это разрешалось), люди постарше пытались глобально подходить к творчеству тольяттинцев. Итак, суммируя баллы 4-х судей, мы получили результаты.

В категории до 20-ти лет больше всех баллов набрал студент-филолог 1 курса Антон Давыденко. Он анализировал стихотворение Галины Булатовой про Ивана Комзина, строителя ГЭС. Результат прекрасный – 26 баллов. Второе место заняла Мария Набедрик, ученица 11 класса, с анализом текста «Улица Степана Разина», 20 баллов, 3-е место – Ирина Фламеева, ученица 10 класса с текстом о стихотворении «Что можешь предложить ты мне взамен?», 4-е место разделили Василий Кузнецов(11 класс) с анализом стихотворения Елены Каревой и Валерия Симанская(11 класс) с анализом стихотворения Людвиг Анохина.

В конкурсе в возрасте от 20 лет победила Елена Карева с работой "Жизнь представляется мне игрой, созданной случаем для себя" о поэзии Сергея Сумина – 31 балл, 2 е место разделили 2 участника – Сергей Пиденко с мини-эссе о самиздате Андрея Князева и Михаил Лёзин с эссе о поэте Айвенго, по 25 баллов, 3 –е – Мария Тарадова с эссе о творчестве Ольги Кириатти.

ОКРЕСТНОСТИ

Образ Ивана Васильевича Комзина в стихотворении Галины Булатовой «Улица Комзина в Тольятти»

*Чьей волей... под морем город основался...
А.С. Пушкин «Медный всадник»*

Немного истории. Улицу в честь Комзина (с ударением на последний слог) назвали 1.09.1983. В 2001 году к 50-летию Портпоселка была установлена мемориальная доска, а 22.08.2005, в год 100-летия со дня рождения Комзина — памятник. С 2005 года прошло несколько акций, посвященных первому начальнику Управления строительства «Куйбышевгидрострой»: на 100-летие, 105-летие и 110-летие. В год последнего юбилея было опубликовано стихотворение Галины Булатовой «Улица Комзина в Тольятти».

К чему такой пролог? Дело в том, что он заслужил это «масштабом, а не скорбной датой», как утверждает автор. И с ним трудно не согласиться, потому что плоды деятельности Ивана Васильевича впечатляют. Но вот вопрос: а каким он был? Что в нем такого особенного? Ответ мы найдем в стихотворении Галины Булатовой; выясним, какой художественный образ создается в этом произведении.

По композиции стихотворения видно, что портрет Комзина дается в основной части. В двух других — во вступлении и заключении — содержится скорее описание скульптуры. Но и в них содержатся особые смыслы. Возьмем, к примеру, начало: в нем очень точно и емко указывается местоположение памятника:

*В прибрежном обществе осин,
Подобен парусу на нефе.*

Рядом лесок, берег Волги, парус и неф — элементы моря и одновременно интерьера храма, а храм находится напротив. Здесь же возникает и «морская», «речная» тема, которую невозможно обойти, затрагивая ГЭС, и которая еще продолжится, и даже обуздание стихии:

*И самый мирный батальон
Пошел на штурм раздольной Волги.*

А в заключении говорится о «шуме автобусных резин». Так связывается скульптура и тольяттинские реалии.

После многоточия мы погружаемся в мир «тогда», 65-летней давности:

*Война утихла, по стране
Катился год пятидесятый.*

ОКРЕСТНОСТИ

Перед нами предстает мини-поэма, вторгается эпос, но с присутствием оценки рассказчиком:

Великий кормчий вёл вперёд.

Снова «водная» тема, но какой сильный образ! Невольно вспоминается Петр I и его град на Неве. Сильный духом, властный, полный идей, готовый воплотить их, а для этого сразу же приняться за работу. Как и первый император России, Комзин боролся со стихией, с водой. При этом он, в отличие от Петра, «умел людей беречь». Поэтому, как говорится в тексте, его награды — заслуженны:

И генеральские погоны

Честней не видывали плеч.

Однако они были лишь внешним выражением огромных затраченных усилий простого смертного, о чем свидетельствует использование метонимии в следующих строчках:

И в орденах родной страны

Стучало сердце человека.

Мы не будем обращать внимания на исторический портрет, составленный его современниками, на его возможные отрицательные качества, такие как тщеславие и позерство, при этом есть и положительные оценки — добродушие, открытость, умение договариваться, о чем писал, например, В. Овсянников в «Тольяттинском обозрении» («Генерал на стройке»); нас интересует портрет героя, сложившийся в этом произведении. Его характер — суровость, дерзость, мятежность, он постоянно находится в работе, умственная и физическая деятельность были ему по плечу, ведь он имел «высокий лоб» и двухметровый рост. Как «наука строить» проста, но «умеет много гитик», так и Комзин знает свое дело, он открытый, может, даже простодушный, но с загадкой. И мы удивляемся вместе с автором: как он мог руководить и переносом города, и строительством Волжской ГЭС, продумать систему подготовки специалистов, организовав вечерние курсы, а затем участвовать в возведении Асаунской ГЭС. Но всё это он осилил, что показывает развернутая, «всеохватывающая», как сам Комзин, метафора:

Он помнил, как был редок дождь,

Но капля каждая хранила

Всю бриллиантовую мощь

Награды Голубого Нила.

Умение в воде видеть каплю, в капле видеть мощь награды и великой реки Нила есть не у каждого. Видно, что Комзин был человеком недюжей силы ума, «могучих дел», крепкого психологического и физи-

ОКРЕСТНОСТИ

ческого здоровья: ведь у него в подчинении были даже рабочие Куневлага, сотни тысяч эков, нужно было примирять враждующие группы...

Он мыслил: время вить гнездо

Для инженерного потомства.

Возникает образ птицы, заботливой и любящей, хоть и приказывающей — ведь «были жёстки времена и строги будни ради блага». Далее идут осколки образов:

Провидец, сеятель добра.

Сразу приходят на ум пушкинские «пророк» и «свободы сеятель пустынный». А если описать его современными словами? Тогда он — «сенсационен»!

Тольяттинская реальность возвращает нас в мир «сейчас». Синекдоха «под шум автобусных шин» показывает, что эта мини-поэма — всего лишь часть, только часть истории, к которой мы прикоснулись. А что можно сказать о памятнике?

Иван Васильевич Комзин

О чём-то главном вспоминает.

Не перекликается ли это со словами Пушкина из «Медного всадника»:

На берегу пустынных волн

Стоял он, дум великих полн?

Даже на уровне лексики здесь есть соответствия: прибрежном — берег, неф — чёлн; с точки зрения семантики «общество осин» и пушкинский «лес», «вспоминает о главном» и «дум великих», в сущности, одно и то же. Но если Комзин — это Петр I, то, получается, Тольятти — Петербург? Один из районов нашего города, как раз появившийся во времена строительства ГЭС, уже назывался в стихотворении одного поэта «маленьким Петербургом». Теперь же, смотря на Комзина «в бронзе», мы задаемся новыми вопросами, которыми завершается стихотворение:

О планах с нового листа?

Ведь между гидро-рубежами

Так и осталась чертежами

Переволоцкая мечта...

Размышления Галины Булатовой, которая жила какое-то время в нашем городе, можно раскрыть примерно так: Комзин хотел для Тольятти построить еще и Переволоцкую ГЭС, получил отказ и переименование «сверху», но, может быть, мы воплотим его мечту? Нужен такой, как Комзин, чтобы ее воплотить. Фактор личности в истории никто не отменял. Почему-то последнее четверостишие написано

ОКРЕСТНОСТИ

кольцевой рифмой, тогда как все остальное стихотворение — перекрестной, кроме еще строк про его генеральские погоны. Кто знает, может быть, история повторится...

Интересно, что взгляд Ивана Васильевича направлен не на Жигулевскую ГЭС, а в противоположную сторону. Возможно, скульптор хотел указать на Переволоки...

Хочется выразить благодарность поэту Галине Булатовой за то, что она обратила внимание на эту тему и заставила меня осознать вклад Ивана Васильевича Комзина в становление нашего города и вникнуть в суть событий, происходивших в 50-х годах прошлого столетия. Выставок мне посетить не удалось, но, думаю, от стихотворения впечатлений не меньше!

Антон Давыденко

О стихотворении Сергея Сумина "Улица Степана Разина".

В своем стихотворении автор описывает прогулку по городу Тольятти.

Стихотворение насыщено множеством различных художественных средств изобразительности.

Используя эпитеты, автор пишет о длинных улицах: "длиннющая она", по которым гуляет всё ещё прохладная погода: "ветра, как ятаганы, готовые ударить без ножа".

Через сравнение "но воздух здесь – жасмин после дождя" мы можем понять, что в город пришла весна или это начало осени, ведь именно так пахнет город во время этих времён года:

Длиннющая она, а где начало

Не ведаешь, «Гамбринус» проходя.

Какой Куприн? Закусочных немало,

Но в воздухе – жасмин после дождя.

Далее, повествуя о Набережной и Муравьиных островах, автор пытается передать всю красоту этих мест: "где сосны наклонились до воды".

Так, в конце своего произведения, писатель делает ещё раз акцент на том, насколько просторны улицы города: "пространство этой улицы-века.", подкрепляя всё вышенаписанное мыслью о том, что:"

ОКРЕСТНОСТИ

Тольятти – этот город навсегда."

После прочтения данного стихотворения складывается образ города Тольятти, имеющий длинные улицы, красивую Набережную, современный театр. Мне понравилось это произведение, ведь я, человек живущий в Тольятти, понимаю, о чем пишет С. Сумин. Выходя из дома, я вижу эти широкие улицы каждый день и наслаждаюсь погодой, особенно свежей ранней весной, когда город только просыпается после холодной и мрачной зимы.

Мария Набедрик

Эссе о современном тольяттинском поэте.

(взято стихотворение Сумина Сергея «Что можешь предложить ты мне взамен»)

«Что можешь предложить ты мне взамен за сладкое искусство нелюбови?» – именно так начинает свое стихотворение автор, довольно прямо и честно говоря, что любить может каждый, а вот быть выше этого – нет. Но не стоит судить автора за его чрезмерную прямолинейность, ведь это только начало. За такими честными строчками скрывается история, полная развилок и, как мне кажется, довольно печальных поворотов и стечений обстоятельств. Мы видим автора, который выражает свои терзания, не только красиво подбирая слова, но и анализируя свои чувства. Он задается вопросами «что», «где» и «кто». Но это скорее не стихотворение с риторическими вопросами, а произведение, где ответ надо искать внутри читателя и внутри каждого из нас. Ведь у всех когда-то был человек, после которого сердце стало «тускло и тяжело». И я думаю, когда автор поделился этим стихотворением с миром, он дал людям поверить, что они не одиноки. Что совсем не страшно «не любить», гораздо тяжелее не суметь встать на ноги после неудачной любви. Но такое случается. Мы теряемся в попытках разгадать «чужую волю», боимся толп и перестаем быть собой. Поэтому в наших жизнях действительно важно уметь «не любить», не так, чтобы совсем и навсегда, а так, чтобы когда пришло время, можно было открыть свое сердце и больше его не запирасть.

Ирина Фламеева

Об одном стихотворении Елены Каревой

Недавно я ознакомился со стихотворением Елены Каревой "Наш город опускается на дно..." и счёл его достаточно занятным.

ОКРЕСТНОСТИ

Поэтесса проводит интересную параллель между городом Тольятти, который был затоплен ГЭС, и знаменитой итальянской Венецией. Конечно, наш город не такой романтичный; здесь и жители давно мертвы, и все заполнено фабриками и обычными многоэтажками. Тольятти хотел быть как Венеция или Флоренция, но у него своя, достаточно мрачная жизнь и судьба... Этот город укроет «ил, струящийся по дну». В своём стихотворении поэтесса использует много метафор, сравнений, эпитетов, что помогает описать город немного с другой, поэтической стороны. Поэтессой используется опоясывающая и парная рифма, выдерживается строгий классический стиль, характерный для писателей золотого века.

Василий Кузнецов

Об одном тексте Людвиг Анохина

Людвиг Анохин в своём стихотворении «Красивый фраерок на «Гранте» передаёт атмосферу одного из неблагополучных районов Тольятти. В самой первой строчке мы видим использование автором жаргона, что уже говорит нам о дальнейшем настроении стихотворения. Лирический герой описывает замеченных им пассажиров «Гранты» с томлением во взгляде, которое означает бедность и неблагополучие. («Видать живут в "однушке"/...И кроме "Гранты" ни шиша») Ещё ярче это передается с помощью просторечий, используемых автором («в "однушке"», «ни шиша») В конце третьей строфы автор поясняет, где происходит действие и где живёт, собственно, лирический герой. Для местных сразу понятно, что положение его не лучше, чем у тех пассажиров Они все находятся в одних условиях, имеют похожие проблемы и волнения. Ярко проглядывается антитеза в последних строках строфы, когда автор указывает на нахождение рядом театра, который олицетворяет духовность, возвышенность, и не сочетается с неблагополучием района в целом. На этом моменте можно отделить первую часть композиции.

Во второй части, а это, по моему мнению, 4 и 5 строфы, автор рассказывает о жизни в данном районе. Здесь и ночные потасовки, и «тусования», и в целом безнравственное поведение людей. Также автор использует иронию в 4 строфе, делая отсылку опять же к театру, наделяя фразу «театральные сюжеты» иным значением в контексте («Зато какие театральные сюжеты/ Приходится порою наблюдать!...»).

В последней части, что является и поделенной строфой, автор обращается к жителям района. Он всё-таки надеется, что следующее поколе-

ОКРЕСТНОСТИ

ние будет жить в лучших условиях, и данный образ жизни для них будет незнаком. Автор заставляет людей задуматься о необходимых переменах. А тот, кто заставил задуматься его, был «красавчик в "Гранте"». Именно мимолетные наблюдения трогают наши сердце и разум. Так и с ним. Возвращаясь в конце стихотворения, к первоначальным героям, автор создает кольцевую композицию, что также передаёт некий круговорот жизни.

В целом, стихотворение пронизано философскими размышлениями и переживаниями о собственном городе. Я уверена, что у тольяттинцев останется отпечаток в душе после прочтения данного стихотворения.

Валерия Симанская

По поводу книги стихотворений Сергея Сумина "КОЛЬЦО"

"Жизнь представляется мне игрой, созданной случаем для себя"

Под обложкой новой книги (апрель 2019) Сергея Сумина «Кольцо» собраны стихотворения периода с 2010 по 2018 гг. Книга состоит из тринадцати стихотворных циклов, один из которых – Трилистник подобий, – представлен стихотворениями в прозе, и дополнена большим массивом переводов на разные языки мира (всего восемь: английский, французский, немецкий, шведский, казахский, а также белорусскую и украинскую мову). Серьезнее, чем у Бодлера, – подумала я. Именно к Бодлеру взывает своей организацией эта сложная структура, каждая из частей которой образует свой одновременно и тематически замкнутый, и текучий (за счёт плавного скольжения мысли от одной темы к другой) в пределах книги мир – кольцо. Если продолжить сравнение, то разделов по сравнению с «Цветами зла» раза в два больше, но они уступают по объёму. Книга Бодлера была посвящена Теофилю Готье; в «Кольце» присутствуют, как я уже отметила, стихотворения в прозе. Вы скажете: вот дались дела давно минувших дней, да ещё французских – Бодлер. Да, ассоциация – если рассматривать книгу на идейно-организационном уровне, – устойчивая.

Во-первых, Шамбор и Бастилия – так называется один из разделов книги, – сразу указывают с сторону Франции.

Во-вторых, стихи Сергея Сумина, исторически (я это просто знаю) стремясь к современной форме (в том числе по присутствующему здесь в разделе "Ангел с кувшином соли" верлибру), содержательно тяготеют к символизму. Ещё один из разделов, уже упомянутый «Трилистник подобий» – это тоже прямое указание на символизм, которое заставляет вспомнить, к тому же, Иннокентия Анненского.

В-третьих, «Шехтель» (раздел) – это же Серебряный век.

ОКРЕСТНОСТИ

Но вот в название я вынесла цитату «жизнь представляется мне игрой, созданной случаем для себя»... Она очень показательна, в том плане, что автор исповедует такой вот атеистически-агностический взгляд на мир, свойственный современным поколениям. Они, может, чем дальше тем больше не виноваты; возможно, этот взгляд уже навязывается окружающей действительностью, всё более погрязающей в не связанных между собой на поверхностный взгляд её бесчисленных фрагментах и деталях. Взять хоть десятую винду для примера. Но какое, скажете вы, мне дело до взглядов автора на этот мир? А дело в том, что из него вытекают все характерные особенности его творчества, как на содержательном, так и на стилистическом уровне. Автор – человек любознательный, чувствующий прекрасное, как рукотворное, так и созданное природой – скажем в данном случае мы. Потому что за пределами рукотворности именно природа, да и в первую очередь она, вдохновляют автора. Поэтому логичен интерес к Серебряному веку (и его архитектуре особенно), поскольку эстетика модерна связывала рукотворный и нерукотворный мир, не противопоставляя их друг другу, и именно символическое прочтение явлений лежит в основе этого подхода. Но символизм предполагает неслучайную связь материального с нематериальным, чего не предполагает взгляд на мир как на дело случая. Поэтому взгляд Сергея, стремящегося найти и выделить некие универсальные состояния внутреннего и внешнего миров (а без этого нет поэзии и, глядя, шире, художественного творчества), видит и отмечает множество равно важных, с его точки зрения, подробностей. Его текстам свойственна двухуровневая, древовидно или иначе растительно-разветвлённая на поверхностном уровне структура, в которой над внешним, орнаментальным слоем возникают вдруг, как из-под прошлогодней листвы, стеклянные осколки или окаменевшие иглы ископаемых смыслов. Вечных. (Я только и понял – лишь вечность нам всем к лицу) Как гвозди в костре – вдруг сверкнёт среди угля и пепла металл, не понятно, как туда попавший. Понятно: это гвозди, которые скрепляли брошенное в огонь дерево. Скрепцы. Стихи о смерти. Кассандра. Русская Троя. Город солнца. Небесная Лилит. Даже «Луна».

Я бы отметила также склонность Сергея к диссонансным рифмам, не свойственную русской поэтической традиции. (Это ведь Троя, хотя у Париса – посох//

Не заносится след шедшего по Руси//

Этот гекзаметр остыл или возможно высох//

ОКРЕСТНОСТИ

Преодолев снежные рубежи.) Зато свойственную, если верить Википедии, англоязычной современной поэтической школе. Думаю, что, как и отмеченная выше стилистическая особенность – горизонтальная разветвлённость текстов, – она обусловлена не только шириной кругозора, но в большой степени промежуточностью интересов: между рифмованной и нерифмованной поэзией. И я бы сказала, что склонность к тому или иному способу рифмовки выгодно отличает автора на фоне общего потока, по большей части косплеющего тот или иной актуальный образец (которых на самом деле не так-то и много, чаще это, если немного поскрести, Бродский) и даже не догадывающегося о существовании каких-то формальных изысков за пределами навязанного образца.

Это вот такие общие рассуждения, которые возникли у меня после первого прочтения «Кольца».

Елена Карева

О книге Андрея Князева «Мини»

Новая самиздатовская книга тольяттинского литератора-авангардиста Андрея Князева невелика по объёму – 32 страницы – но до предела насыщена слоями, смыслами и дискурсами, равно как и иллюстрациями. Временами возникает ощущение, что автор всерьёз ужимает тексты, чтобы хватило места для картинки. И правильно: иная картинка заменит добрую балладу. Поэтому баллад в сборнике нет. А есть хокку, танка, одностишия, двустишия и несколько восьмистиший. Единственная попытка баллады закончилась на первой же строке: "Сведь царевну в глушь лесную и т.д. и т.п."

Широта художественного кругозора Князева-поэта неопишима: от Апулея до Веллера по литературной вертикали, от блондинки в борще до BDCM.ru по утробной горизонтали. С экскурсами в филологию (Велик и чингачгуч / могиканский язык) и точные науки (Не ванна мала – / Математик крупный пошел. / Плюх. Бултых. Нашел!). Но глубину этих литературных омутов хорошо иллюстрирует хокку Осада Порт-Артура, где на три строки классического размера 5-7-5 приходится три биографических статьи с фото протагонистов.

И трудно завершить рецензию убедительней, чем завершает свою книгу автор: А вам советую – бросайте водку кушать – / Читайте, люди, Князева Андрюшу!

Сергей Пиденко

ОКРЕСТНОСТИ

Небольшое эссе об Айвенго-поэте

Поэт Айвенго не только поэт. Он ещё музыкант и отчасти художник-график.

Многогранный заслуженный деятель тольяттинской культуры с 80-х годов прошлого столетия. Он постоянно сочиняет стихи. Посочиняв – отдыхает, затем вновь пишет и пишет. В большинстве случаев это короткие зарисовки быта и окружающего мира, жизни поэта. Продолжатель традиций прежде всего Всеволода Некрасова, Лианозовской группы, но – с мощнейшей иронией, даже клоунадой. Вчитаемся же в одно из его многочисленных произведений:

*трезвый ходишь – пессимизм
а забухаешь – оптимизм*

*забухаешь – оптимизм
а трезвый ходишь – пессимизм*

В этом стихотворении осознанно или подсознательно выражен весь трагизм русской поэзии. Поэты – люди «без кожи», остро чувствующие мельчайшие вибрации социума и природы, зачастую используют самый доступный уменьшитель боли и сверхчувственности – алкоголь. Выпив водки, отведав пива или вина, поэт предаётся благодущию и этиловой неге, которая окутывает все его помыслы и устремления, удаляет все раздражители, из коих остаётся лишь поэтическое вдохновение. Постылая и скучная жизнь золотится и серебрится, переливается цветами, будоражит неистовым красочным калейдоскопом, слагаются новые строки... Но, блуждая по этому лабиринту пьянящего творчества, рано или поздно поэт оказывается сначала в похмелье, а затем и вовсе в трезвости. И вот – бесконечность повторов. Вот именно об этом кратко-талантливо написал поэт Айвенго, используя повтор в качестве приёма.

Михаил Лёзин

О лирике поэта Ольги Кириатти

Лирика Ольги Кириатти прельщает своей непосредственностью и будто бы нарочито детской открытостью. Автор не бежит от действительности, а как бы плывет по ее волнам, умудряясь найти что-то волшебное в привычных вещах. Все двенадцать миниатюр хочется

ОКРЕСТНОСТИ

назвать осколками сна, мечты, как если бы детство или даже сама жизнь была бы дивным сновидением, разделенным на времена года. Порой этот цикл напоминает мне легкость прозы Рея Брэдбери. Здесь разворачивается такое же вольное лето и весна робкая и неотвратимо влюбленная.

Январь.

В паре строк отражено, наверное, многим знакомое ощущение, когда блики зимнего солнца пришивают друг к другу небо и замерзший город. Солнце здесь будто бы предвещает весну и умудряется царствовать в этом морозном мире. Упоминание неба навеивает ощущение о зимнем просторе, когда в начале года мы наконец-то видим синий небосвод, царящий над покрытым инеем миром.

Февраль.

Здесь статичный мир под ярким небом начинает просыпаться, выходит из статики. «Несогретая голодная Земля», персонаж пришедший на смену Солнцу.

Март.

Как робок Цыпленок в этом хокку, так же робка весна, боящаяся заглянуть в мир холода. Первый пух, первое тепло. Это ожидание прихода силы, плавное течение перемен.

Апрель.

Вслед за весной в мир приходит Любовь. И у Кириатти она так же тиха и спокойна, как и весна. Трепет, легкое ожидание. Дятлы будто бы окончательно перечеркивают свои легким полетом власть зимы. Нет робости, есть только трепетное упоение эти едва наметившимся чувством.

Май.

Яблони в цвету как окончательный итог весны. Это расцвет, точка развития новой ситуации.

Июнь.

Гимн лету. В отличии от весны, это время года приходит с триумфом, и стрижи будто бы несут это знамя вверх, к небу.

Июль.

Оказывается, лето можно попробовать на вкус. Помните, как дети пробуют на вкус дикие ягоды? А лепестки клевера? А как вам нырок в арбуз? По-моему, это нырок в лето, в его сладость запахов, в тягучие дни тепла. Когда ты часть этого мира, цветущего и спешащего куда вдаль, к чему-то неизведанному.

Август.

ОКРЕСТНОСТИ

Финальный месяц лета – это будто бы яркий занавес. Падают яблоки, срываются вниз звезды – возможно так исполняются мечты, свершаются важные события. По велению Бога, который будто бы отмечает конец некоего загадочное пути.

Сентябрь.

Уходит лето. И тут мне ярко вспомнилась Астрид Линдгрен с ее «Братями Львиное Сердце». В стране где всегда время костром и сказок. Где, наверное, всегда лето. Но здесь этот мир уходит, а лес спокойно засыпает, будто бы досмотрев все сказки до конца.

Октябрь.

Плачет осень. Последние краски этого мира срывает ветер, все когда-то заканчивается.

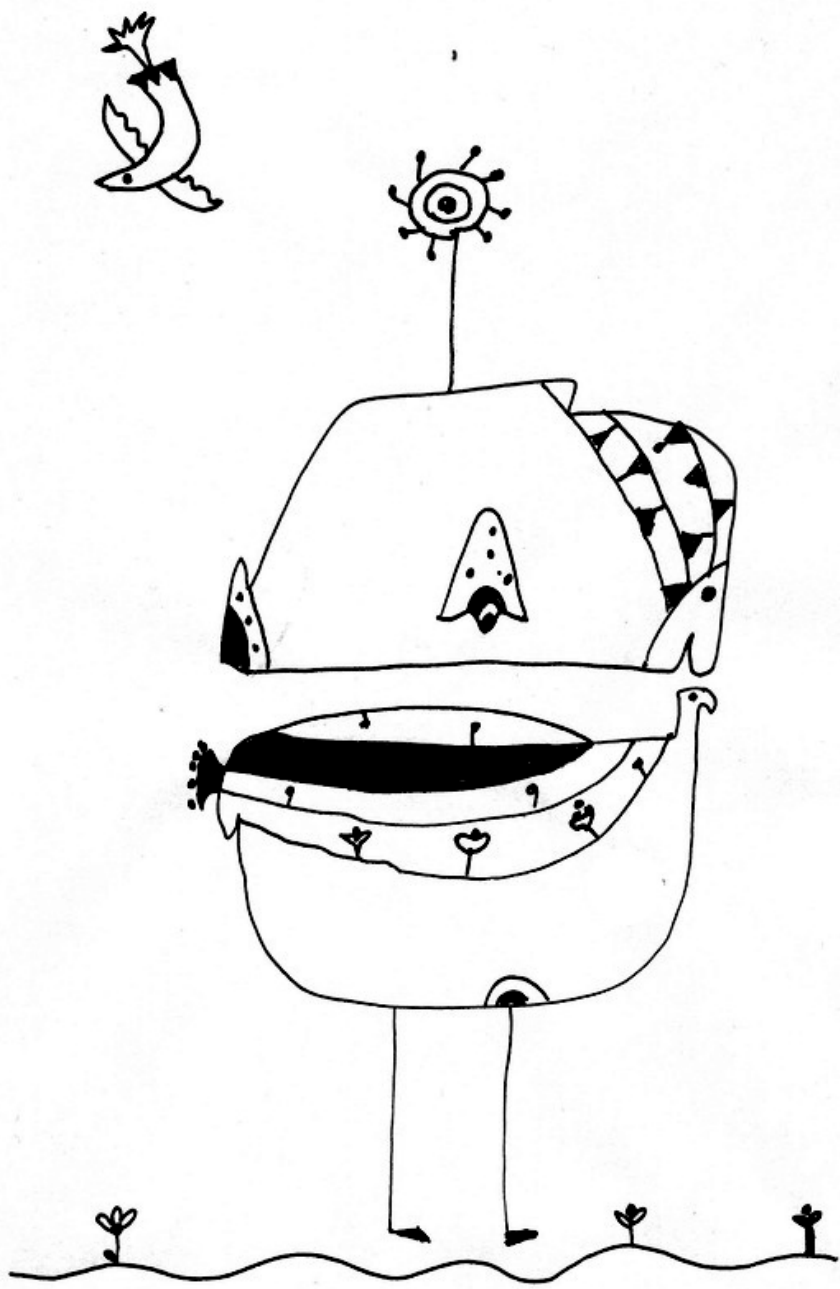
Ноябрь.

Состояние покоя и отрешенности. Когда все дары розданы, все краски стерты, а лес думает только о покое. Будто бы хочет накопить сил, переродится в этой тишине.

Декабрь.

Если осень засыпала и слезно прощалась с отзвуками лета и беззаботной жизни. То зима неожиданно легко вступает во владение, и оживленная белка ищет спрятанные орехи. Сияющие свежестью лапки видимо аллегория на поиск чего-то нового, или наоборот старого и давно желанного.

Мария Тарадова

ИНАЯ ПТИЦА

ПТИЦА

Поэтический турнир имени Игоря Царёва «ПТИЦА» проходил ежегодно в течение 6 лет: с 2013 по 2018 год. Он был посвящён памяти Игоря Царёва, талантливого поэта, редактора, журналиста, чьё сердце остановилось прямо на рабочем месте – в редакционном кабинете «Российской газеты». С самого начала девизом конкурса были слова поэта «Стараюсь писать честно». Конкурс стал международным: например, в прошлом году в нём приняли участие 94 автора из 14 стран. Конкурс, посвящённый памяти Игоря Царёва, не единственный: с 2014 года его проводит в Москве супруга поэта Ирина Царёва, и носит он название Премия «Пятой стихии»; у конкурса солидная репутация, хороший премиальный фонд. Поэтому я с чистой совестью отпускаю «ПТИЦУ» в свободный полёт. Благодарю главного редактора альманаха «Графит» Сергея Сумина за публикацию избранных произведений шортлистов 2018 года, а также тольяттинского поэта Сергея Пиденко за соучастие в финансировании конкурса.

*Галина Булатова, поэт, переводчик, редактор;
организатор и куратор конкурса «ПТИЦА»*

Марк Шехтман, Израиль, Иерусалим, 1 место

ФЛАМИНГО

Фламинго был похож на нотный знак –
Как будто Бах в заношенном халате,
Склонив над партитурой колпак,
Черкнул пером на розовом закате.

Мой век мне много дивного явил,
Но никакая музыка не пела,
Как эта, где строку благословил
Небесный ключ фламингового тела.

В изгибах шеи, в линиях крыла
Иных миров здесь царствовали меры,
И в их непостижимости была
Соединённость грёзы и химеры.

ИНАЯ ПТИЦА

И столь полна возвышенных тревог
Казалась мне пернатая токката,
Что я подумал: это Бах и Бог
Играют вместе музыку заката!

А птичий клюв, гармонию презрев,
Зарылся, чёрный, в радужные пятна;
И был фламинго – как живой напев,
Как fuga, что светла и непонятна...

Юлия Резина, США, Нью-Йорк 2 место

ПРИВКУС СЧАСТЬЯ

Когда, себя преодолевая,
Взойдёт луна и упадёт
Последний луч её, срывая
Звучанье нежно-синих нот
Святейших льдов, тогда на баке,
Где темень, трос, брезент, навес,
Зевнёт и заскулит собакой
Ночной тоски бездомный бес.
И я за ним замороженно
Пойду и стану в тишине
Смотреть как мечется зелёный
Огонь звезды в седой волне...
И трав придонных зелье злое
На взлёте вдоха, дне глотка
Наполнит душу свежей болью
О том, что стрелка коротка,
Но механизм её исправен –
С часами плюсовать года,
Что расставания звезда
С младенчества висит над нами,
И оттого бездомный бес скулит
И душу рвёт на части,
А в горле третью ночь стоит
Солоноватый привкус счастья.

ИНАЯ ПТИЦА

Сергей Пагын, Молдова, Единцы, 3 место

* * *

И возникает тишина...
Среди разора и разлада
стоит высокая она
перед началом снегопада.

И свод небесный отворён,
как дверь родительского дома.
Там некто, чист и удивлён,
с порога сходит невесомо.

И шепчем мы: «Смотри-ка, снег...»,
прервав по улице движение.
И верит старый человек
в печальный свет преображенья,
что он – ребёнок у окна
с пиалой маминого чая...
Нам всем казалось – тишина,
а это музыка звучала.

Наталья Прилепо, Россия, Тольятти, 3 место

СБЕРЕГИ МЕНЯ

Сбереги меня, милая, сбереги
В заповедном краю, где кипрей зацветает вспять.
Где гремучая ходит река, искажает гладь,
Чуть дотронувшись холодом до руки.

Стереги меня, милая, стереги.
Сонный воздух размыт и как будто сошёл на нет.
Утонувшее солнце закатно кровит на дне,
Создаёт полукружия и круги.

Разыщи меня, милая, разыщи,
Если снова уйду по вчерашним своим следам.
В обмелевшем колодце седая жила вода,
Стала мёртвой, не движется и молчит.

ИНАЯ ПТИЦА

И дыханьем, горячую, не согреть.
Утекает с ладоней, оставив тягучий ил.
Кто-то медленно шьёт меня в десять беззвучных игл.
С каждым разом мучительней и острей.

Разыщи меня, милая, разыщи.
Состоя из пустот, я совсем лишена примет.
То болотная выпь, то блуждающий топкий свет,
Что от белого дыма не отличим.

Тропы делятся, делятся на шаги.
Сквозь меня прорастает стеблями разрыв-трава.
Остывает живучего солнца сырой овал.
Сбереги меня, милая, сбереги.

Константин Комаров, Россия, Екатеринбург, виктори-лист

* * *

Не замечая метонимий, на кухне выкипает чайник,
сама себя переживая, насквозь ломается вода,
подобно зеркалу, в котором все отраженья замолчали,
и растеклись, и разминулись на годы и на города.

Досадно мне. Я понимаю, что память крошится, как чипсы,
прикуривая сигарету от предыдущей натошак.
Дымят заводы, но тем паче – сегодня небо слишком чисто,
там нету никого, кто знает, что не за что меня прощать.

Спокойно и неторопливо уходит месяц № 8,
и осень, подойдя вплотную, устраивает свой offset.
Давай уйдём и растворимся, и нас с тобой не будет вовсе –
друг в друге, в нежности, в молчанье, в стекле, в печали иль в овсе.

Мы заблудились ненароком в пустом дыму нездешних музык,
бессильно противостоящих вневременному гундежу,
но чай стабильно пахнет хлоркой, и за окошком мокнет мусор,
и в строчку тыкается строчка, и я тебя не нахожу.

Мне слишком нелегко смириться, что я тебя почти не помню
(щепоть касаний полусонных и одиночество точь-в-точь),
а смерть лениво и устало сдвигает это утро к полдню,
настолько медленно и вяло, что я хотел бы ей помочь.

ИНАЯ ПТИЦА

**Елена Севрюгина, Россия, Московская обл., Мытищи,
виктори-лист**

КОГДА ПРИДЁТ ПОСЛЕДНЯЯ ЗИМА...

Когда придёт последняя зима
С холодным снегом, выпавшим внезапно,
Диск солнца тихо скатится на запад,
Туда, где сны сыпает в закрома
Безликая, безжалостная тьма.

Когда под бледным светом фонаря
Промчится тенью сумрачный прохожий,
Я осознаю сердцем: «Мы похожи.
Сгорая в белом вихре декабря,
Мы верим, что огонь горит не зря».

Очерчен путь – и стоит ли стенать,
Что, хрупкий свет теряя по крупице,
Сердца людей не вечно будут биться,
Поскольку вероломная весна
Не сможет всех одаривать сполна.

Ещё не время выжить из ума,
Ещё душа течёт ручьями строчек,
Но мойры нить становится короче.
Наступит день – и я пойму сама:
Пришла моя последняя зима.

Елена Уварова, Казахстан, Алматы, виктори-лист

ХРУЩЁВСКИЙ ДВОР

Хрущёвки. Август.
Зреет облако, грозится ливнем за версту.
Луна, как пуговка из войлока, пришита к звёздному холсту.
До одуренья пахнет сливами и дымом сонного костра.
Скрипят качели сиротливые в тени заросшего двора.
Подростки пыль сметают с лавочек, окурки прячут в бересклет.
На проводке танцует лампочка, треща, разбрызгивает свет.
А рядом дед, хлебнув анисовки, остекленело смотрит вдаль,

ИНАЯ ПТИЦА

как будто важное и близкое в погасших окнах увидал.
Крадётся счастье предосеннее. Горчит покой, как старый мёд.

Двор на меня глядит рассеянно, вздыхает и
не узнаёт.

Павел Великжанин, Россия, Волгоградская обл., шорт-лист

ЗЕМНЫЕ ДОРОГИ

Мотор сосёт бензин похмельной жаждой,
Шофёр глазами к полосе прирос,
Мотается над выбоиной каждой
На лобовом повешенный Христос.

И в каждой вспышке встречных фар мелькают,
Как мошки, буквы – кто б их разглядел:
«Всплывём мы все когда-нибудь мальками
Из глубины планктонных наших дел.

Зачем тебе придуманное имя?
Ведь там, куда ты ангелом влеком,
Бодливая луна сцедила вымя
Над пролитым по небу молоком».

Но веришь и в межзвёздном разрежении,
В планету целя зрительной трубой,
Что твой небесный путь – лишь отражение
Земных дорог, проделанных тобой.

Сергей Ворошилов, Россия, Карелия, Петрозаводск, шорт-лист

РОЖДАЛСЯ ДЕНЬ

День воскресал, дав передышку мгле.
Жил мой костер...
Огню подставив спину,
я наблюдал, как вяжет паутину
древнейший ткач на матушке-земле.
Маячил сквозь сплетённое окно
берёзы силуэт полураздетой.

ИНАЯ ПТИЦА

Шуршал наряд, и сыпались монеты
на тонкое паучье полотно.
Всему свой ритм в «процвеств и умереть»:
лес засыпал, устав над золотом чахнуть.
А день светлел, и мудрая арахна
на сонных мух раскидывала сеть.
И, как всегда, белели облака,
синела глубь небесного колодца.
Тьма отступала, и играло солнце
Мячом-росинкой в сетке паука...

Андрей Земсков, Россия, Владивосток, шорт-лист

* * *

Слишком остро, конечно же, всё это слишком остро –
Белизна снеговых широт, синева высот...
Мы с тобой полетим на какой-нибудь дальний остров,
Где нет сотовой связи, где вязью пчелиных сот

Разукрашено солнце – смешнучее, в конопушках,
Где подёрнута влагой старинных дубов кора,
Где из форта над гаванью в полдень стреляет пушка,
А к полуночи входит в гавань большой корабль.

Это лето, конечно же, всё это – наше лето.
Это мы предьявляем разлукам закрытый счёт.
Слишком много зелёных листьев, тепла и света
Никогда не бывает. Всё время – ещё, ещё!

Ночь в окошках небесных уже зажигает свечи.
Ни о чём не жалеть – это всё для себя решить.
Слишком просто шагнуть синеве и ветрам навстречу
И остаться на краешке мира, и просто жить.

ИНАЯ ПТИЦА

Наталья Колмогорова, Россия, Самарская обл., шорт-лист

ДВЕ ФАРФОРОВЫЕ ЧАШКИ

С тобой у нас вечерний разговор...

Ты любишь чай с малиновым вареньем;

Как сиротлив в закатном свете двор –

Как будто мир со дня его творенья!

Ты пьёшь из блюдца, а на блюдце – скол,

И чайный аромат, как осень, терпкий,

Роняет сад на колченогий стол

С глухим ударом спелые ранетки.

Ты слышишь запах роз и табака?

А горькое дыхание полыни?

Малиновыми стали облака

И вскоре вслед за вечером уплыли.

Последний луч – и солнце прячет лик,

И лунный дождь на сад вот-вот прольётся;

Твоей улыбки – слишком краткий миг,

Как будто из-за туч явилось солнце.

Похолодало. Кончен разговор...

У павших яблок – запах зрелой бражки,

А на столе, забвению в укор,

Остались две фарфоровые чашки.

Сергей Кривонос, Украина, Сватово, шорт-лист

* * *

Завечерело. Город затихает.

Снег падает неслышно, не спеша.

У снегопада есть своё дыханье,

У снегопада есть своя душа.

Пускай мороз – уюта нам хватает

Среди заиндевелых тополей,

И видно, как легко снежинки тают

И на моей руке, и на твоей.

ИНАЯ ПТИЦА

Они мелькают, словно бы посланье
Нам передать стараются, кружа.
У снегопада есть своё дыханье,
У снегопада есть своя душа.

Так здорово, что ты со мною рядом,
Что нам немало предстоит пройти,
И мы идём вдвоём под снегопадом,
Под зимним одноцветным конфетти.

Метель ворвётся в город с завываньем,
Но нам она не сможет помешать,
Поскольку у любви – своё дыханье,
Поскольку у любви – своя душа.

Наталья Крофтс, Австралия, Сидней, шорт-лист

* * *

Ни вины, ни войны, ни выстрелов –
одиночество, мир иной.
Я живу далеко на выселках,
я планету себе здесь выстрою
окрылённую тишиной.

Ни звонков, ни оков, ни зависти.
Телефон обесточен, глух.
Только зайцы на озимь зарятся,
только совы от солнца застытятся,
да кукушка кудесит вслух.

Мир затерянный, мир заснеженный,
запорошенный белизной.
Обезвращенный.
Обезвреженный.
И почти уже
не земной.

ИНАЯ ПТИЦА

Надежда Кутуева, Россия, Волгоградская обл., шорт-лист

КОТОРЫЙ ГОД

Который год я от тебя поклон
Передаю российским тихим пашням
И стрелкам, что дрожат на старой башне,
Да дерзкой вьюге, что берёт в полон
Забывтое уже, непрожитое,
И вечер тот, когда нас было двое
И свет Луны катился под уклон.

Осенним дням, что в память уходя,
Становятся значительней и старше,
Где шорох листьев, тропки устилавших,
Был укрощён мелодией дождя.
Там звёзды нашу речь благословили,
Хотя мы о любви не говорили.
Теперь листвою весточки летят.

Весенняя распутица тиха.
В предчувствии ликующей капли
Февральские сугробы поредели,
Под солнцем щедрым превращаясь в прах,
Темнея вдруг и опускаясь ниже.
...Я проживу ещё десяток жизней
В тех, о тебе написанных, стихах.

София Максимычева, Россия, Ярославль, шорт-лист

ОКНО РАСПАХНУТОЕ

...окно распахнутое,
ночь,
листвой спелёнут куст сирени.
изнемогая, гонишь прочь
густые сумрачные тени,
глаз не смыкая,
ждёшь и ждёшь –
не очертания, но лица...
идёт неспешно майский дождь,

ИНАЯ ПТИЦА

и золотая вереница
гусей небесных бороздит
чертог заоблачного царства.
где очарованный пиит,
разбавив музыкой пространство,
укроет дымкой сонный сад,
туманной влажностью и негой...
где капли всё
стучат,
стучат
по подоконнику ковчега...

Валерий Панфилов, Россия, Свердловская обл., шорт-лист

* * *

Мы по времени шли,
И не в качестве зрителей.
Мы корнями вросли
В память наших родителей.
Мы хранили, любя,
Сказки, были и повести.
Измеряли себя
Человеческой совестью.

Мы по времени шли
Без лукавства и скупости.
Мы в сердцах пронесли
Божью искорку мудрости.
Мы писали стихи
Не в расчёте признания.
Искупали грехи
Своим личным страданием.

Мы по времени шли,
Не надеясь на милости.
Берегли, как могли,
Свои души от вшивости.
Нас не нужно жалеть,
Мы – Христовое воинство!
И страшна нам не смерть,
А утрата достоинства.

ИНАЯ ПТИЦА

Эмилия Песочина, Германия, Ольденбург, шорт-лист

ПОМЕРАНЦЕВОЕ

Я приеду к тебе в понедельник
На оранжевом лучике дня
С пёстрой дудкой моей самодельной
Поглядеть, как не помнишь меня.
Отблеск дня – апельсиновый ослик –
Опускает копытце в закат,
И летит то ли блик, то ли оклик
Красным пёрышком за облака.
Ты не помнишь... Ты помнишь? Ты помнишь
Яркий холод горячей волны,
Захлестнувшей последнюю полночь
Нашей первой с тобой «довойны»?!
Память-глина. Кирпичиков обжиг.
Медно-красный закатный ожог.
Память мыслей и тел наших общих
И любви многоликий божок.
Память ставит тавро или метку
Раскалённой печаткою тьмы.
С тёмно-синею сумерек меркой,
С нищетой перемётной сумы
Я процокаю мимо... Всё мимо...
Ты не помнишь... Ты помнишь... Ты по...
Мнишь ли милою, манишь ли мнимо –
Слышу. Слушай: я еду тропой
В понедельник, в надежду, вовеки
В незабвенность, зарюки, зарю...
Флёрдоранж померанцевой ветки
Апельсиновый лучик дарю
Я тебе просто так. Просто очень.
Очень сильно. Совсем. Навсегда.
Неба оттиск, похожий на осень.
Я на ослике еду туда.

ИНАЯ ПТИЦА

Иван Попов, Россия, Челябинская обл., Магнитогорск, шорт-лист

ЭЛЕГИЯ

Говорить о тебе – всё равно, что ловить на лету
Серафимов: снаряды из перьев и воли Господней.
Это – вязкое чувство, которым – с другим наряду –
Как сейчас, никогда не бывал я ещё преисполнен.
Невозможность молчать повергает в безудержный шок –
Это свежая грань восприятия минималиста.
Говорить о тебе – как считать, что исконно лишён
Права речи – но резко начать лепетать и молиться.
Это – нежная боль и свинцовая лёгкость побед,
Опостылевший стук неотступного шага удачи
И отрадный укус немоты – говорить о тебе,
Безупречной – на долю секунды – как солнечный зайчик.

**Роман Смирнов, Россия, Московская обл., г. Электросталь,
шорт-лист**

31-Е. ВЕК ПРОШЛЫЙ

Тридцать первое. Одна из
тех пяти, текла, искрясь.
Снег, как будто извиняясь,
торопливо падал в грязь.

Всюду, где хватало места,
холодечный плавал дух.
Заоконные семейства
ёлке мерили звезду.

Вот и мы, за веткой ветку,
украшали дома ель:
я – мальчишка-шестилетка,
и сестра, на год взрослей.

ИНАЯ ПТИЦА

Помню: мама в платье длинном;
папа стильный, полный сил.
Руки пахли мандарином,
и кассетник голосил.

Всей страной «ура» кричали.
По центральному – концерт.
Так гадается в начале.
Так сбывается в конце...

(Это было в прошлом веке.
Есть «сейчас», и есть «лишь там».
Что мне сартры, что мне цвейги –
экзистенциальный штамп.)

...а второго папа охал.
Доедали винегрет.
Мимоходом шла эпоха –
лучше не было и нет...

Елена Таганова, Россия, Москва, шорт-лист

КРЫЖОВНИК

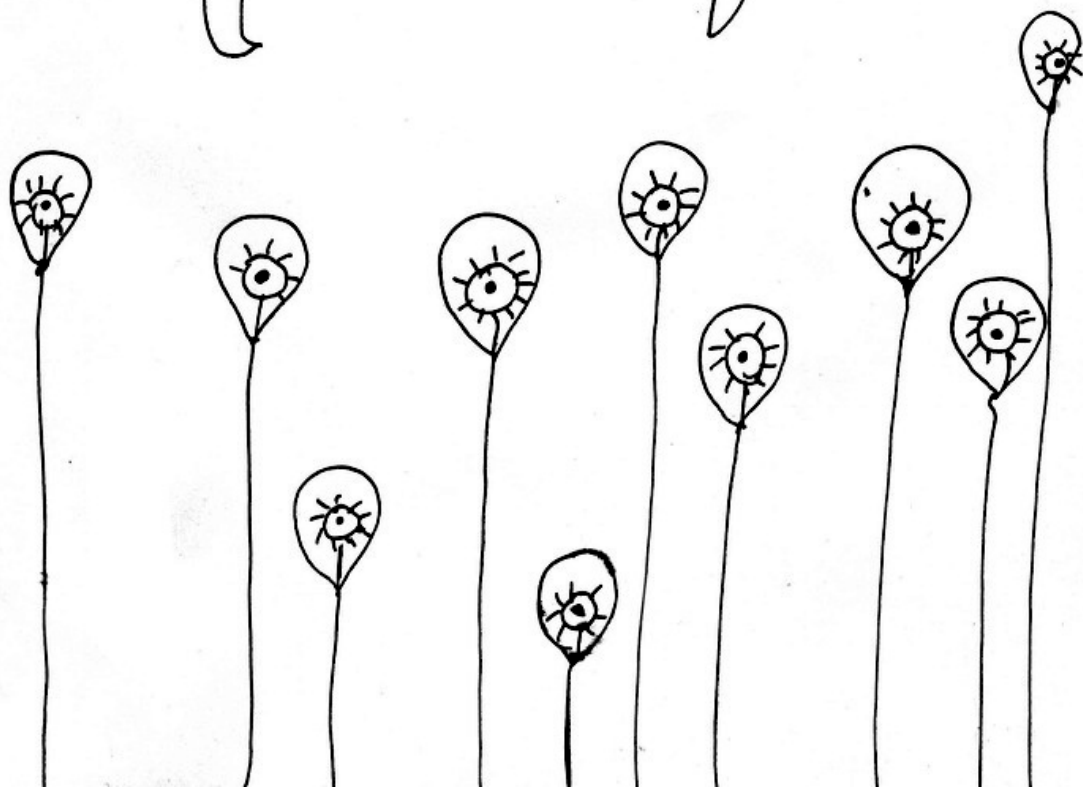
Тут хорошо. Тут сосны и река.
Раскрепостись – и вещи нарекай
нехитрыми своими именами,
когда июль поманит дня на три
сюда сбежать – и выдохнуть: смотри, –
камыш усталым взглядом приминая, –

тут хорошо! Останься – и старей
в белёном терему на пустыре,
чердак определив под голубятню.
Тут быт, прямолинеен и дощат,
увещевает медленней дышать –
и многое становится понятней.

ИНАЯ ПТИЦА

Дыши! В простом труде поднаторев,
готовь дрова на зимний обогрев
(и самогон – особенный, грушовый).
Смотри, как рожь щекочет облака.
Жуй стебелёк – и душу отвлекай
от тёмного, тяжёлого, чужого.

И хрупкое покажется прочней,
и Чехова захочется прочесть
осознанней, чем прежде. Погружённей, –
как дочерям читают перед сном,
когда им семь. Когда достроен дом
и выделена сотка под крыжовник.

...КАЖДЫЙ ВЗДОХ ЗЕМЛИ...

поэт Яков Тисленко

В 84-ю годовщину смерти Пушкина Александр Блок произнес речь. Центральный парадокс из нее – «Пушкина убила не пуля Дантеса, его убило отсутствие воздуха» – описывал явление, хорошо знакомое всякому, кто прикоснулся к поэзии. Дело тут вовсе не в политическом режиме, сиюминутно-политическое истолкование блоковского парадокса его уплощает и упрощает. Чувство полёта, почти физиологическое ощущение взмывания ввысь – знакомы каждому, кто читал стихи «по-настоящему». И уж тем более каждому, кто «по-настоящему» их писал.

Но пиковая фаза эйфории не может длиться бесконечно. Как пел Владимир Высоцкий, «потому что всегда мы должны возвращаться». Спуск с высот, возвращение в обыденную жизнь, вызывают последствия, в чём-то родственные «отходняку» у наркозависимых. После «горного воздуха высот» воздух обыденности словно бы теряет способность наполнять легкие. Поэт не только задыхается, с него будто бы содрали кожу. Самое же убийственное для него – оказаться среди тех, кто понятия не имеет о той жути, что сейчас, во время «отходняка», творится. И уж совсем запредельным драматизмом окрашены эти возвращения у поэтов-провинциалов.

Комфортнее «падать с высот» в Париже, Лондоне, Санкт-Петербурге. Камни мостовых, на которые ступали предшественники, окна домов, в которые к ним влетала Муза – если не исцеляют и врачуют, то труднообъяснимым образом смягчают и страдания. Предшественники словно бы «надышали» воздуха. Так на заледеневших зимних стеклах тёплое дыхание «надышивает» иллюминаторы в окружающий мир. Дыхание тех, кто пережил неизбежное возвращение туда же, где ныне находишься ты, открывает очи и подгоняет бонусный хапок воздуха. В год, когда поэт Александр Блок говорил об отсутствии воздуха в Петрограде, в Самаре сошёл с ума и умер в помрачении сознания поэт Яков Тисленко. В этот год Самара потеряла десятую часть своих жителей, а губерния так и всю пятую часть. На оплакивание слез уже не было. Благо, что похоронили не в общей могиле – ежедневно на улицах города складывали в штабеля трупы умерших от голода. Впрочем, могилу поэта на кладбище Никольского мужского монастыря сограждане не пощадили. Как и само кладбище. Да и от монастыря оставили

МИР – ОТЕЧЕСТВО

лишь ворота. Не стали сносить их лишь за то, что тут в 1905-м соби-
ралась маёвка. Под теми же флагами, под которыми потом их застав-
ляли дышать и умирать.

Тем не менее, даже под этими флагами о Тисленко не забыли. Дочь
поэта, Виктория Яковлевна, в замужестве Глинская (1912–1983),
старшая лаборантка НИИ «Гипростокнефть», не была чужда печат-
ному слову. Но причудливым образом – подрабатывая внештатницей
при главной областной газете. В первых номерах которой когда-то
публиковался её отец. Но об этом чуть позже. О судьбе сына Вениа-
мин, на два года младше Виктории, известно меньше. Вероятно он,
как и сестра, дожил до восьмидесятых годов.

Главное же – остался тот воздух, который «надышал» Яков Михайло-
вич. В первом же куйбышевском альманахе «День Поэзии» Я.Т. занял
место между важнейших для регионального самоосознания предше-
ственников.

Альманахи «День Поэзии» начали выходить в Москве в 1956-м году.
Следующим городом, приступившим к выпуску собственных альма-
нахов ДП, должен был бы стать Ленинград. Как вдруг его в 1959-м г.
аж на два года опередил Курск. Впрочем, Ленинград всё же занял вто-
рое после Москвы по количеству выпусков. Самарские, т.е. куйбы-
шевские альманахи «День Поэзии» начали выходить лишь в 1967-м. А
вот по количеству изданий Куйбышев неожиданно оказался третьим в
России.

Биографии нескольких поэтов расставили ориентиры поэзии края. Вот
первый преждевременно сгорел, славя первые пятилетки, второй по-
гиб в пору погрома краевой элиты (о причине смерти предусматри-
тельно умолчано), третий пал жертвой принудительной мобилизации.
Я.Т. на этом фоне вызывал недоумение – ни проблеска какого-либо
«героизма». Ну, разве что «принял новую власть».

О Тисленко написал старейший на тот момент поэт края. Прочтем хо-
тя бы первые абзацы его воспоминаний:

«Давно, еще в далекой юности, я узнал и полюбил стихи Якова Ми-
хайловича Тисленко. Жил я в те годы в поселке при глухой железно-
дорожной станции. В летнее время для нас, мальчишек, не было
большого удовольствия, чем ходить к пассажирским поездам, прода-
вать букеты ландышей, которых было изобилие в наших лесах. Но
особенно любил я бывать на станции по субботам, когда из Самары
приходил почтовый поезд «Четвертый» и привозил нам журнал «Ни-
ву». В «Ниве» я и познакомился со стихами Якова Михайловича.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Шло время...

С 1916 года я стал почти постоянным жителем Самары и начал печататься в местных газетах «Волжское слово» и «Наш путь».

Как-то поэт Александр Каспий спросил меня:

– Ты знаешь Тисленко?

Признаюсь, у меня перехватило дыхание:

– Какого Тисленко?

– Ну Якова Михайловича, поэта.

– Который в «Ниве» печатался?

– Ну да, – отвечает мне Каспий.

– Нет, – говорю, – не знаю... Стихи его в «Ниве» всегда читаю, а самого не знаю.

– Так вот: приходи в пятницу ко мне, пойдем к Краснослободскому, я познакомлю тебя с Яковым Михайловичем. Хороший поэт, и человек славный.

Надо ли говорить, с каким волнением я ждал этой пятницы, этой встречи с живым поэтом, стихи которого я так любил...

<...>

Каспий подводит меня к человеку среднего роста в бархатной черной блузе. У него открытый лоб, коротко остриженные волосы темны, старательно зачесаны назад, два черных мазка на губе – усы.

Яков Михайлович крепко пожал мне руку и зорко посмотрел глубоко посаженными, слегка припухшими глазами.

С этих пор мы стали часто встречаться с Яковым Михайловичем, так как «пятницы» были перенесены в его квартиру».

Автор воспоминаний – поэт Николай Фёдорович Жоголев (1895–1970), озаглавил их строкой из Я.Т. «Люблю я каждый вздох земли...».

Упомянут поэт и профессиональный фотограф Александр Сергеевич Каспий, урождённый Карягин (1891–1941).

Квартира писателя и юриста Бориса Леонидовича Краснослободского (1883–1933) не только в разные периоды служила местом встреч литераторов города, в ней перебивали практически все литературные гости края за пару десятилетий. Если Борис Леонидович отправился в последний путь именно из неё, находилась она по адресу Вилоновская-30. Историческое здание на этом месте уничтожено относительно недавно. Ныне здесь новостройка-«путинка».

Дом, в котором жил сам Я.Т., на Саратовской (ныне Фрунзе) 79, пока сохранился. Поэт проживал в нём с 1917-го года до самой смерти.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Уже после смерти Я.Т. Павел Яковлевич Заволокин (1878–1941) составил и издал в Иваново-Вознесенске в 1925 г. книгу «Современные рабоче-крестьянские поэты», с подзаголовком «в образцах и автобиографиях с портретами». Нашлось в ней место и автобиографии Я.Т. Достаточно лаконичной для того, чтобы привести (и прокомментировать) её здесь целиком.

Родился я в 1885 г., января 29-го, в с. Хорошеньком, Самарской губ. и уезда, в семье бедного крестьянина. Отец неграмотный, мать умела читать по-славянски, так как была до замужества послушницей в монастыре.

Семилетним мальчиком поступил в земское училище в своем селе. Курс обучения в училище 3-х-летний, но я кончил его в две зимы, так как по окончании первого класса был переведен прямо в третий. Этим и ограничивается мое школьное обучение.

В летнее, свободное от школьных занятий время, был пастушонком. В одну голодную зиму пришлось ходить по селу и просить милостыню. Это было самое тяжелое для меня время.

Любовь к чтению проявилась со школьных лет. Первой прочитанной мною книгой была «Патриарх Гермоген». Очень любил также рисование. На 10 году очутился в городе.

Отец хотел, чтобы я выучился какому-нибудь ремеслу. Меня из всех ремесел прельщало только одно — иконопись. Отец привез меня в Самару, ссадил с саней у Троицкого базара, сказал: «Ну, оставайся» — и уехал. Однако иконописную мастерскую я не нашел. В тот же день я поступил мальчиком на побегушки в галантерейный магазин Мельниковой.

Здесь по просьбе хозяйской внучки-гимназистки я начал писать в ее тетради свои первые стихи, тексты к переводным картинкам. С этого времени я полюбил стихи.

Прослужив около 2 лет в галантерейном магазине, я отправился странствовать по белу свету. Не думая долго, — купил я полбилета до Астрахани, вошел на пароход и уехал. Дорогой прислуживал пассажирам, помогал матросам подбирать чалки, мыть палубу, а когда прибыл в Астрахань, захотелось мне ехать еще дальше. Отправился на рейд, пересел на морской пароход.

Море поразило меня своей могучей красотой и прозрачностью малахитовых волн. Через несколько дней я добрался до рыбных «Божьих Промыслов». Для поддержания своего существования я прислуживал в аптеке, ездил на баркасе, промывал вязигу, накладывал трафареты

МИР – ОТЕЧЕСТВО

на бочках с икрой и рыбой, ездил со священником-грузином по промысловым странам, за пономаря. В свободное время ходил с товарищами на охоту на взморье, смолил и конопатил лодки, но, главное и больше всего, читал книги, которые брал у доктора. Прочел «Жюль-Верна» и много других книг, приложений к различным журналам. Прожил на промысле около двух лет.

Сильно заболев чесоткой и лихорадкой, я вернулся на родину прямо в деревню. Отец «отходил» меня пареной дулей. Еще не вполне оправившись, я опять уехал в Самару и поступил в магазин обуви бр. Матвеевых, где и прослужил до призыва на военную службу.

С 14 лет я только начал читать серьезную литературу, но без всякого разбора, так как некому было руководить мной в этом отношении. Завел свою библиотеку, скупая книги у букинистов и татар на базарах. Постепенно старался усвоить, главным образом, правила письма. Очень любил рассказы М. Горького, стихи и рассказы Ив. Бунина, Вл. Короленко, склад речи Лескова и Тургенева. Сшил тетрадь и стал заносить в нее свои личные впечатления. Здесь я начал писать стихи. Мне было 15 лет, когда мое первое стихотворение напечатал покойный Жаринов в «Бузулукском Вестнике». Это меня ободрило, и я с тех пор начал печатать стихи и в местных самарских газетах. Главным образом печатался в «Прибое» в 1905-6 революционных годах. Стихи были, разумеется, слабы, но ими восторгались. Это, несомненно, отчасти повредило мне, так как задержало мое художественное развитие. Нужно было полезное указание, а не беспретенциозный восторг. Читал и писал я по ночам, на кухонной плите, под сонное бормотание и храп хозяйской кухарки. Первое мое стихотворение, напечатанное в самарской большой газете, написано в казарме, пока обедал артельный, который должен был уплатить мне по счету хозяина.

На 17 году прошел вечерние курсы бухгалтерии, по окончании которых работал в качестве конторщика у того же Матвеева. Отсюда же я пошел и на военную службу. Служил в Полтаве.

На первом году военной службы был привлечен к ответственности за «вредный», по тем временам, рассказ, напечатанный в одной из местных газет. Этот случай натолкнул меня на мысль пойти к проживающему в Полтаве В. Г. Короленко и, кстати, показать ему мои литературные работы.

Влад. Галактионович и кн. Мария Трубецкая — поэтесса, очень помогли мне разобраться в моих поэтических опытах. Они были первыми, указавшими на недостатки в моих стихах. Советы и указания их

МИР – ОТЕЧЕСТВО

не пропали даром: вскоре после моего посещения Вл. Гал. Короленко я написал несколько вполне уже художественных стихотворений.

Кроме указанных выше изданий печатался в журналах: «Русское Богатство», «Новая Жизнь», «Нива», «Рубикон», «Пробуждение», в альманахе «Перекаты» и др.

В 1918-19 году произведения мои были напечатаны в журналах: «Пламя», «Красноармеец», «Красная Армия», «Пролетарском Сборнике», «Гудки», «Рабочий Мир», «Красный Пахарь» и др.

За последнее время поэзия моя, — чувствую это, — стала иною, чем была прежде. Совершился перелом в моем художественном творчестве в сторону большей сложности стиха и глубины чувства.

Критический разбор о моих произведениях напечатан в журнале «Народная Жизнь», (апрель — май, 1919 г.).

Сразу отметим, что автор помянутого критического разбора – чуть ли не первый исследователь литературы края Евгений Петрович Лукашевич, а его судьба давно уже составляет одну из нерешенных загадок истории краевой литературы. Дальше примечания будут идти по порядку.

Малая родина Я.Т., село Хорошенькое, ныне располагается в Красноярском районе Самарской области и. Фактически, став пригородом разросшегося областного центра: 25 км. по прямой и 35 км. езды до городской окраины.

Если Я.Т. очутился в городе на 10 году (1885+10, не позднее 1895), то его встретил город с населением, если верить губернскому адрес-календарю, перевалившим за сто тысяч. 9% от населения нынешней Самары, меньше нынешней Сызрани, но чуточку больше, чем нынешний Новокуйбышевск. А вот всеобщая перепись населения Российской империи два года спустя обнаружит в Самаре всего 90к.

Дом Мельниковой – Саратовская, 131 (Адрес-календарь на 1897), ныне дом 131 на Фрунзе (бывшей Саратовской), квартал между Некрасовской и Льва Толстого, иными словами, между Филармонией и администрацией Самарского района. Это здание есть в списке памятников архитектуры именно как «Дом М. Мельниковой», 1900 г. постройки. Т.е. нынешнее здание построено (перестроено?) спустя несколько лет после описываемых Я.Т. событий?

Мария Сергеевна Лопухина, носила фамилию Трубецкая после замужества в 1907-м году (1886–1976), выпустила в Полтаве два стихотворных сборника в 1909-м и 1914-м годах, после революции – эмигрантка.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Дом с монограммой братьев Матвеевых на фасаде ныне располагается по адресу Молодогвардейская, 69, впрочем, он построен в 1912-м году, после описываемых событий.

«Бузулукский вестник» – общественно-литературно-политическая газета, выходившая в 1907-13 гг. в Бузулуке, центре тогдашнего Бузулукского уезда Самарской губернии. Издавалась «оренбургским мещанином» Павлом Назаровичем Жариновым. Возможно, имелся в виду издаваемый им же чуть раньше, с мая 1906 года, «Бузулукский справочный вестник» – первая в городе газета. Но и тогда П.Н. Жаринов стихотворения Тисленко напечатать не мог раньше мая 1906 г. Т.о., сотрудничество с самарским «Прибоем» вряд ли могло начаться в 1905-м, как пишет Я.Т. Мало того, не мог он печататься в нём и в 1906-м году, т.к. самарская ежедневная газета «Прибой» начала выходить лишь 15 марта 1907 г. Просуществовав, кстати, лишь до 3 мая того же 1907 г. Вышло 34 номера. С этих номеров отсчитывает свою историю главный орган самарского парт.официоза (ныне – газета правительства области «Волжская коммуна»), официоза в т.ч. и в тот момент, когда Я.Т. писал свою автобиографию.

Резюмируем: если Я.Т. было 15 лет к моменту дебюта, то год его рождения должен быть не 1885-й, а минимум 1891-й. В таком случае и его приезд в Самару, и работу в магазине Мельниковой следует сместить на шесть лет позже. (Тогда и знакомство 17-летнего Я.Т. с Короленко и М. Трубецкой идеально уложится в выправленную хронологию).

Неужели он по каким-то причинам впоследствии «состарил» себя на шесть лет? Автору статьи уже доводилось при исследовании биографии одного из самарских литераторов столкнуться с подобным случаем: Александр Кремлев (Лоскутов) приписал себе шесть лишних лет, фиктивный год рождения перекочевал в многочисленные документы. Когда и почему Я.Т. мог фальсифицировать свой возраст? Фальсификации года рождения обычно были связаны с «призывными возрастами» при мобилизациях: от какой же именно из мобилизаций гипотетически мог попытаться «откосить» Я.Т.? От фронтов Первой Мировой? Или от красноармейской?

И в том, и в другом случае рождение, воспользуемся словами Мандельштама, «в девяносто одном / Ненадежном году» значительно увеличивало шансы присоединиться к «миллионам убитых задешево». Восемьдесят пятый год в качестве года рождения, разумеется, был не в пример «надёжнее».

Читателю, торопящемуся осудить нашего героя, не следует спешить. Отношение этого поколения к воинскому долгу исчерпывает выска-

МИР – ОТЕЧЕСТВО

зывание фронтовика Бенедикта Лившица «В сущности, только мы двое честно отнеслись к войне: я и Гумилев. Мы пошли в армию – и сражались. Остальные поступили как мошенники...». Лившиц мог бы пополнить список «честно отнёсшихся к войне». Георгий Маслов, Михаил Струве, Сергей Клычков, Вадим Шершеневич, Константин Большаков, Иван Аксенов, Александр Конге... Но, – признайтесь честно, – вы способны хотя бы пару стихотворений этих поэтов прочесть наизусть? Вообще что-нибудь из них помните? А вот тыловым крысам, трусам, симулянтам, дезертирам удалось завоевать сердца и современников, и потомков. Да вот хотя бы поэты-призывники Владимир и Сергей – чуть ли не чемпионы в своём поколении по изворотливости: от фронта подальше, к столичным ВИПам поближе. Они и по сию пору чемпионы, но уже в посмертном привлечении внимания к собственным персонам. Певец Революции и певец Руси, ага, верьте надписям на этикетках. Навыки верткости не прошли даром и преумножены, подспудная мотивация и прощельги-издателя, и лопуха-читателя просчитана и раскручена на всю катушку. В сравнении с этими виртуозами от профессии наш самарский Яков, право, безгрешный агнец.

Все его действительные и вероятные грехи можно списать хотя бы за одно: он не оставил своего главного фронта. До него все пишущие при первой же возможности сбегали в столицы. Быть печатаемым в общероссийских столичных изданиях, но при этом оставаться в провинции?! Можно. Для «сбора материала». Всё равно, что в забой в шахту спуститься. Потом подняться на поверхность, принять душ, наодеколониться, содрогнувшись душой и телом при набегающих воспоминаниях о подземной тьме. Но остаться в этой тьме, обречь себя на добровольную ссылку, умереть среди туземных упырей и захолустных харь?! Нет, народ столичная пишущая братия, конечно, любила. Но на разумном расстоянии. При условии тщательной дезинфекции после сеансов взаимополезного общения.

Яков Тисленко жил среди нас и умер среди нас. Он относился к нам по-человечески. Давайте же и мы отнесёмся к нему как люди.

П.С. Я.Т. успел подготовить книгу своих стихов и даже озаглавил ее – «Весенний взмах». Она так и не была издана. Но, например, в помянутых выше воспоминаниях Н.Ф. Жоголев уверенно цитирует стихи из неё (через 46 лет после смерти Я.Т.!). Мало того, даже упоминает разделы книги и приводит название первого из этих разделов. Самарский литературовед, специально занимавшийся биографией и наследием

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Я.Т., Михаил Анатольевич Перепёлкин, искал эту книгу доброе десятилетие. Наконец, в последние дни 2018-го года машинопись «Весеннего взмаха» нашлась!

Пролистывая сканы каталога фондов существовавшей на заре советской власти «Государственной академии искусствоведения (ГАИС)», автор этого предисловия сначала не поверил своим глазам. Но нет же, глаза не обманывали, разборчивым почерком было выведено: Тисленко Я. "Весенний взмах" – сборник стихотворений. Автограф – 2 листа (17-й и 18-й), остальные листы – машинная копия. Часть листов сброшюрована, часть разрознена». Признаюсь, это был один из самых грандиозных рождественских подарков за всю мою жизнь.

Разумеется, я поспешил поделиться радостью с Михаилом Анатольевичем. Дело теперь не только за ним. В личном стремлении М.А. издать наконец-то книгу Я.Т. и высокой квалификации, сделавшей бы это издание близким к безупречности, сомневаться не приходится. Дело за губернией. За нами. Яков Михайлович, может, и подождёт, мертвые сраму не имут. Долго ли мы, живые, будем терпеть срам – первого поэта, родившегося, жившего и умершего среди нас, которого мы почти сто лет не находим возможности издать?

Георгий Квантришвили

Яков Тисленко

НА ВОЛГЕ

Летней ночью Волги темной
Вздохи часты и грустны,
Летней ночью Волге снятся
Зачарованные сны.

Точно в сказке незнакомой,
В жуткой чаще ивняка –
Дремлет Волга сладкой дремой,
Грезит песней бурлака.

Ночь плывет над ней бесшумно,
Кроя дымкой дальний мост,
Глубока и многодумна,
Вся в сияньи ярких звезд.

Волга дремлет. Месяц белый
Смотрит в зеркало реки
И, грустя, бросает стрелы
На прибрежные пески...

Здесь для дум простор бескрайний,
Четкий, мелкий жемчуг рос,
Здесь хранит лесные тайны
Стеньки Разина утес.

И мелькают взмахи крылий,
И поет волна волне
О неясной, грустной были,
О глубокой старине.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

ЛЮБОВЬ

Смыкает день усталые глаза
И серп луны становится заметней.
Уснула степь в своей печали летней
И потемнела неба бирюза.
 Как ласки дев, что вольностью хмельны,
 Опять влечет меня лесная просинь
 Под сень дубов и молчаливых сосен
 В воздушный храм вечерней тишины.
Придет ли час, когда мечты иной,
Иной любви, нечаянной, но гневной,
Зажжется утро в глубине душевной, –
Придет ли час, а лес – он вечно мой.
 И я иду как к другу давних лет,
 Иду к нему зеленою пустыней,
 Чтоб в тишине его столетних скиний
 Промедлить ночь и подстеречь рассвет.
Но лишь вдали на искристом лугу
Туман фатой поднимется волнистой,
Я обовью себя травой душистой
И вновь вернусь к родному очагу.

КОСТЕР

Разгорается яркий костер на бугре,
На высоком бугре в обезлюдившем поле,
Кто-то песню поет о загубленной доле
За рекой в одиноком шатре.

В небе звезды и месяца сумрачный лик,
Пахнет сеном и сладкою мятой,
А из темных лощин, из травы непримятой –
Коростельный плывет переклик...

Тихо полем иду по вечерней заре,
По широкой меже как по ровной аллее...
Разгораясь, горит все сильнее и сильнее
Искрометный костер на бугре.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

СВИРЕЛЬ

Люблю сидеть и слушать вечерами,
Как в поздний час, печальна и тиха,
Поет свирель ночного пастуха
За темными, за дальними горами.

Не знаю я, о чем немым полям
Поет она так грустно, так глубоко,
О чем пастух тоскует одиноко
В глухой степи по темным вечерам...

Я знал любовь и знаю жизни цель,
Мой путь широк, широк и только начат, —
Но плачу я, когда все в песне плачет,
И песни жду, когда молчит свирель.

ЗИМОЙ

Слева – горы, справа – лес.
Скучный, мрачный свод небес.
Вдаль дорога змейкой вьется, завлекая и маня.
Под санями снег скрипит.
Кто-то мимо нас спешит.
Где-то песня раздаётся, буйной удалью звеня.

День проходит. Ночь близка.
В сердце давняя тоска.
Завывает ветер шальной. Кони движутся чуть-чуть.
И, борясь со сладким сном,
Весь в снегу и мал, как гном,
Дремлет мой ящик усталый, свесив голову на грудь.

Еду ночи, еду дни,
То на солнце, то в тени,
В затуманенную вьюгой неприветливую даль,
И бежит, бежит за мной
В край далекий, в край родной
Ранних дней моих подруга, неизменная печаль.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

СИРОТА

В ровном поле, дик и смел,
Ветер зыблет нивою,
Где-то колокол пропел
Песенку тоскливую.

Прозвенел в степной глуши
Отзвук, быстро тающий,
Точно скорбный плач души,
О любви мечтающей.

А над лесом, где плыла
Тучка в страны дальние,
Ночь весенняя зажгла
Звездочки хрустальные.

Запахнула в сизый мрак
Горы бледноалые,
И никто не слышал, как
О тебе рыдала я.

Как молилась сирота
В эту ночь унылую
У поникшего креста
Над степной могилою.

ЗА КЛАДБИЩЕМ

Голубое весеннее небо,
Изумрудное поле-ковер,
А над полем, над лесом, над далью –
Мой веселый ликующий взор.
Как легко, как привольно, как славно
Для живой беспокойной мечты
В этом мире, где ярко так солнце,
В этом поле, где дни прожиты...
И зачем бы здесь везть печали,
И зачем этих холмиков цепь,
Беспризорных, нагих, молчаливых,
Как сама молчаливая степь...

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Безответно лазурное небо,
Равнодушны, мрачны облака,
Но прекрасно весеннее солнце
И весенняя дума легка.

В СТЕПИ

Хорошо в душистый вечер мая
Ехать степью через холмы и рвы
И мечтать, и слушать, засыпая,
Мягкий шелест молодой травы.
Степь тиха, заманчиво просторна,
Влажный воздух как цветок пахуч
И лучатся звезды будто зерна
Золотые меж багровых туч.
Без конца бы ехал этой глушью,
Затаив сомнения и страх,
Полюбил бы песенку пастушью,
Затерялся б в голубых горах, –
Да опасна в молодости скука,
Да сильна как вспыхнувшая страсть
Шумных улиц тайная прилука,
Мрачных стен губительная власть.

РАБОЧИМ

Я — сын полей и вольных пашен,
Вы — дети фабрик, знойных руд,
Мое заветное и ваше —
Однообразно-серый труд.

В огне пылающего горна
Вы серп куете мне и плуг,
А я зерно в земле черной
Взращу усилием сильных рук.

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Не возомните в гордой славе:
Природы мертвенны лучи, —
Еще звенят в родной дубраве
Певучей радости ключи.

Ваш мир — огонь и лязг машины,
Мой — златорунные поля,
Но в этом разном мы едины
В стенах родного Корабля.

Пока серпом вражда не сжата —
Любовь к вам, близким и родным,
Позвольте мне, степному брату,
Идти путем моим степным.

Еще по пустоши раздольной,
Железным грохотом дыша,
Не раз задумается больно
В гранит плененная душа.

ВЕСНА

Из дубовых клетей недалечко,
За решетчатый вышла плетень
Постоять на тесовом крылечке,
Посмотреть на голубенький день.

А денек-то духмяный да звонкий —
И потоки, и птицы в полях.
Защитилась от солнца ладонкой,
Загляделась на взгорбленный шлях.

По шляху — мужики проходили,
Кучерявя лаптишками таль,
Вербы ладаном небо коптили,
Голубела голосная даль.

И взыграла, запела по-птичьи,
Заюлила то взад, то вперед...
Ох ты, шалое сердце девичье!
Ох ты, солнечный день-приворот!

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Все бы зыкать, да кликать во поле,
По тропинкам смешинки ронять,
Все бы шелк дугоброви соболий
Под улыбчивым взглядом склонять!..

Закружила весна, заманила,
Далеко увела от крыльца,
Алых зорь золотое кропило
Невозвратно коснулось лица.

РУССКОМУ НАРОДУ

В твоих руках судьба всех вешних воль,
Творить и цвести — возможность без границы,
Зачем же вновь, как пьяная блудница,
Ты сам себе изыскиваешь боль?

Когда прилив качнул крылатый бриг
И парус-конь вздыбил к лазурной тверди,
Возможно ль пить из горькой чаши смерти
И долг творца забыть хотя б на миг?

А ты забыл...
И вот он — перст судьбы: —
Там, где ещё вчера бросал ты вызов миру,
Сегодня дерзкий враг алмазную порфиру
Сдирает с плеч твоих без шума и борьбы.

А дальше — скорбный путь под тяжестью креста
Того, что сотни лет ты нёс из рода в роды,
Пока перед тобой опять во Храм Свободы
Судьба не распахнет тяжелые врата.

Март 1918 г.

МОМЕНТ

Черные вороны вьются вдали,
Черные мысли на сердце легли,
Что мне сказать?
Сирому жребий – земная юдоль.
Кто ж мне отчизна, приявшая боль,
Только ли мать?..

Близятся вороны, страшен их лет:
Будет унижен великий народ,
Кто защитит?
Странничий посох? Разбойничий лук?
Чары Яги? Заколдованный круг?..
Совесть же спит.

В грозном предчувствии разум поник.
Смотрит в глаза окровавленный лик.
Чей это? Твой?!..
Тише!.. — Поет похоронная медь...
Родина, родина, дай умереть
Вместе с тобой!..

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Антон Бахарев-Черненко. Стихи. Серия «ГУЛ», Челябинск, 2014 г.

В поэзии Антона Бахарева есть и трогательная детская нота, и сентиментальность, и бесконечная любовь к родному краю. Но есть и фатализм, грусть и боль. Удивляют нежные мотивы русских народных сказок: *«Мурлыкал кот, и булькала река, Что не издалека, а свысока Раскатывалась, как дитя на горке. Не разделялся запах сладкогорький, И свет был цвета медомолока»*, – под которые сразу вспоминаются нянюшкины «молочные реки, кисельные берега», а к концу этого стихотворения мы уже видим, как проглядывают мотивы, отсылающие нас к печальным сказкам Андерсена: *«Дитя летит, светла его душа; То засмеется, в варежку дыша, Замерзший ручеек согрев, как пальчик, То вверх глядит, и волки по-собачьи У ног его стареют, не спеша»*.

Много стихотворений посвящено повседневной жизни, и в них есть спокойная созерцательность, иногда безысходность, но и любовь к этой безысходности, меланхоличное любование ею: *«...Продмаг закрыт и рядом ни души, Ну, что ж – тогда за брагой к бабе Вере; И лишь видны в акациевом сквере Бетонные горнисты-алкаши. А ты вздыхаешь и звонишь жене, Чтоб забрала ребенка из детсада...»*

Поэзия, которую тонко замечает автор в самых простых будничных вещах и явлениях, есть также и в смене времен суток, каждое из которых окрашивает детали окружающего пространства в новые, неповторимые краски, и все это хорошо видно в стихотворении «Время»: *«Пожалуй, в этот час ничей Печально и великолепно Проходит время человека Среди обыденных вещей»*. И эхом отзывается в следующем стихотворении: *«Гроза, огромная как остров, За горизонт, гремя, ползет... Так все обыденно и просто-И так невероятно все»*. Однако часто внутренний покой автора переливается в глубокую боль одиночества, как своего собственного, так и внутреннего одиночества других людей, хорошо им ощущаемого: *«Десерт припудрен февралем—Но мало сладости в десерте, Когда очнешься перед смертью И вдруг себя узнаешь в нем»* (стихотворение «Званный Ужин»). В другом стихотворении без названия одиночество становится тотальным, морем-маревом тоски: *«Всех позвал—никто не пришел. Остается копоть в себе. И заноза стучит в стопе – Сам не вырвал, и не прошло. Но увидишь, идет звезда, Ледяную вскрывая мглу, – И заплачешь в своем углу...Раз. До смерти. И навсегда»*.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Хорошо ощущается, что автор, как и большинство людей творческого, поэтического склада то поэтизирует каждую мелочь окружающей его жизни, ощущая в эти моменты внутренний покой и единение со всем, то вдруг резко ощущает трагедию глубокого одиночества, а иногда в своих стихах он сомневаясь, вопрошает: *«А что – не знаю, И как – мне тоже невдомек. Но-кажется-не умираю И-вроде бы-не одинок»*. Однако неизменно – и в грусти, и в боли, и в тумане тоски остается вместе с автором его нежная любовь к природе: *«И прикрыла сосна золотые глаза, и янтарные слезы бегут по коре», «И мышь летучую не носит, она еще мешочком с ночью на чердаке моем висит»*.

Но при описании некоторых дней и состояний природы встречается также и онтологическая оппозиция, парадоксальная гармонизация, когда несмотря на резкость и излишнюю натуралистичность написанного, появляется ощущение прекрасного и гармонии, красоты дня: *«Здесь неразлично дно колодца, И хрустят ракушки на зубах, Южное безоблачное солнце Вялит падаль кошек и собак. Не дыша проходишь, как андроид, К улице, где дом твой и твой сад – И стекает с крыши рубероид, И цветы безумные стоят»*.

В описании поселкового быта Антон Бахарев часто касается разнообразных маргинальных тем, вот в стихотворении «Герои» он открыто заявляет: *«А мой герой – он забулдыга, Он матерится на соседку С женой дерется за бутылку И пьет сердечные таблетки»*. Любовь и жалость к этим людям следует затем в строках: *«И я пишу, чего от боли, чего от радости и горя...»*

Но описывает он также и более мрачные аспекты маргинальности, резко, жестко, натуралистично: *«Глаз выколи – густая ночь. Задворки Барачные: сарайки, гаражи... Стремительно в недвижимой глуши Вершатся молчаливые разборки. Нечаянно во тьме попали в глаз Отверткой. Но на фоне дырки в ребрах – Все пустяки. Тем более, для мертвых. Какая жизнь проходит мимо нас!»* (стихотворение «О Вечном»)

Автор чутко чувствует пересечение реального мира и потустороннего, его волнует тема времени, смерти, а также углубление и расширение духовно-энергетических плоскостей, и их видимые и невидимые просветы в окружающую реальность: *«Шаткий столик, клетчатая скатерть, Монитор, колонки, микрофон. Ходит смерть в запачканном халате, Наводя везде привычный шмон. ...Люди спят. И все у них в порядке, В строгом положении вещей. В антресолях школьные тетрадки, На столах каракули врачей»*.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В стихотворении «Бла-бла-бла», глубококом и философском, окутанном, словно дымкой, светлой грустью сентября, автор продолжает тему пересечений реальностей и прикасается к теме Вечности – прошлое, настоящее, будущее соединяются в одной точке ощущений, и выливаются в горизонт и перспективу вечности – безвременья: *«А за окном сентябрь грустный Как историческая мгла, Скрывал земные силуэты, И мы какого-то поэта Твердили хором: «Бла-бла-бла... Был вечный вечер..»*

В стихотворениях Бахарева есть также переключки ощущений – равнодушные реки времени и зияние бездны в буднях автор ощущает также, как и равнодушные зимы и ее внутренней тиши, как времени года: *«Я думаю-прости, какая чушь, обозревать бессмысленное время!»* и *«...Свет белес и зыбок. И висит над миром бестолочь снежинок»*.

В целом поэзия Антона Бахарева самобытна и вместе с тем очень многогранна : как если бы в маленькой музыкальной шкатулке пряталась одновременно панорама Вселенной. «Тихая лирика» переплетается с лирической экзальтацией, а иронично сниженный пафос уходит в жесткий реализм—и все вместе это создает объемную картину мира, неустанно разворачивающуюся, как бесконечный рулон, где читатель может находить новые горизонты и осмысливать их.

Ольга Кириатти

Георгий Цеплаков. Ангелы и торговля. Стихотворения. Изд-во "СТИХИ". Москва, 2018.

Во времена, когда стихи читали чаще, чем рецензировали, кто-то из тогдашних гениев сказал, что невозможно днём стоять за прилавком, а ночью писать стихи. Времена изменились – многие литераторы, и Георгий Цеплаков в том числе, доказывают: можно. И офисный стол ничуть не уступает торговому прилавку. Ну, сами посудите: когда большая часть мира оказывается офисным бытием – что делать поэту? Если приход вдохновения

*...я органикой чувствовал
И оргтехникой всей.*

Нет, ну можно, конечно, попытаться разделить составляющие разной плотности, следуя завету горлана-главаря: "Землю попашет, попишет стихи", как иные и поступают в сходной ситуации. Но не

КНИГА ЗА КНИГОЙ

уход ли это от ответственности? Блажен, кто в этой ситуации способен подобно автору признаться:

Я клерк поэзии.

И писать офисную лирику, вводя в лирический контекст:

форматы a4

a2

a0

стандарты gsm

dampscdma.

и другие рано

или поздно

исчезающие буквы

эпохи LTE, 4G и 3D

Требуется недюжинный характер не прятать голову в песок, когда

твой взгляд... скользит в outlook

чу в чате стучат: пора

ответить на стук

Вольно ж было лет 300 назад вешать бирочки: этот язык "чтобы ходить строем", а этот "чтобы любить". А в наш век глобализации, постмодернизма и торжествующего консюмеризма не для поэта ли задача писать

на языке, который вокруг,

на котором только считают,

но никогда не рассказывают.

А как по-другому – "выиграть в чистую у пустоты в молчанку"?

И прежде чем морщиться, как один мой знакомый, мол, офисный планктон и т.п., подумайте, действительно ли

В ожидании кончины каждый клерк – трагик

Я вчитывался в строки, написанные между факсом и сейфом, и думал: вот АртюРембо перестал писать талантливые стихи и поехал торговать пряностями и кофе, а если бы попробовал совместить?

Я завещаю в Отчизне / каждому клерку по найму

в горький коктейль жизни / маленький ломтик лайма.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Константин Иванов. Нарспи. Поэма. Чебоксары. Чувашское книжное издательство, 2018.

Давненько не брал я в руки ша... ну, то есть поэм. Да ещё при столь сложных обстоятельствах. Национальная поэма (лиро-эпическое предание), первая в чувашской литературе, а к таким произведениям подходить без должного пиетета возбраняется, филологический перевод (подстрочник, проще говоря), время создания – начало прошлого века. Плюс перевод на 16 языков, театральные постановки, опера мюзикл фильм, школьная программа... Словом, классическое: она уже столько повидала, что сама решает, на кого производить впечатление, а на кого нет.

Вечный, как мир, сюжет о девице-красавице ("*На полевой жёлтый цветок / Кто не посмотрит тёплым взором?*"), выданной за немолодого богача ("*Плоский нос, узкие глаза, / Рыжий весь: и волосы и борода; / От быстрой скачки / Вид у него недобрый.*") Не удалось убежать с любимым – пришлось выходить за постылого, терпеть побои, а потом всё же отравить мужа и сбежать к избраннику сердца....

В поэме есть всё: пляшущий, пьющий, временами работающий народ, любовь и страдания, плодородные поля и тёмный лес в качестве колоритного фона, народные обычаи, седой мрачный знахарь-шаман (куда без него?!), по-шекспировски кровавый финал... Прекрасное либретто для оперы или мюзикла.

Кто-то на сходный сюжет пишет "Леди Макбет Мценского уезда", а кто-то – лиро-эпическую поэму о тяжкой доле молодой женщины в обществе наживы.

Что касается меня, то попытка прочесть поэму на языке оригинала доставила мне самое большое удовольствие при знакомстве с этим произведением. Это музыка народного танца, поэтика незнакомого говора, мелодия – диковатая, страстная – сама собой возникает в голове. Нечто подобное доводилось слышать в исполнении удмуртского этно-ансамбля "Птица Тылобурдо". С этой стороны мне ближе всего удалось подойти к осознанию таланта Константина Иванова, автора "Нарспи".

Дни холодные придут, / Остынет кровь горячая. / Дни жестокие придут, /

Очерствеет мягкая душа. / Дни горячие придут, / Разгорячится кровь замёрзшая, / Отвердевшая душа растает, / Сгорит мягкая душа.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

**Юрий Москалёв. Поэма о Пушкине. Биография в стихах.
Авторское издание, 2019.**

Вряд ли я буду оригинальным, назвав эту поэтическую попытку странной. При этом совсем не пытаюсь оценивать работу автора с позиций эксперта. Я – читатель. Как читатель и смотрю.

Ничуть не умаляя стихотворных способностей автора, назвал бы "Поэму о..." поэтическим комиксом. То, что вместо рисованных – рифмованные картинки, сути не меняет. "Рождение Пушкина", "Пушкин в лицее", "Пушкин и Дельвиг", "Пушкин и царь", ну и т.д.

Непонятна сверхзадача. Выхода за плоскость обыденно-школьных представлений нет. Наверное, этот текст органично бы слушался со сцены актового зала какой-нибудь средней школы, году так в 77-83-м. Нынешние школьники, не говоря уже о студентах, боюсь, пропустят это мимо ушей, нечем их зацепить, язык архаично-вязкий. Читатели от 50 и старше (как я, например) скорее всего, сочтут текст банальным, хотя некоторых, возможно, привлечёт атмосфера кроссворда: "А, это о знаменитом предсказании", "Ага, разговор с царём", "Вот история с зайцем – дурной приметой"... 30-40 летние – из тех, что читают время от времени – если пропустят предисловие от автора, возможно даже решат, что поэма написана в советские времена: старательно, подробно, последовательно, с многочисленными сносками-примечаниями, которые более старших читателей насмешат (кто же не знает о Жуковском, Чаадаеве и Сперанском, не говоря уже о Данзасе и Дантесе?).

Возможно, в каком-нибудь провинциальном литобъединении поэтически-деятельные пенсионеры после зачитания автором поэмы вслух, окружат его, поздравляя, похлопают ободряюще по плечу: "Ну, ты, брат, того...", "Ай да Москалёв, ай да сукин сын!" Автор будет скромно, но весело говорить, что главной задачей было сделать из Пушкина нашего современника. И я порадуюсь за него.

*Цветок правдивости! Культура
Не боится никакой кувалды,
Когда живёт и дышит только правдой!*

Сергей Пиденко

Сумин Сергей. Кольцо. Тольятти. 2019г. 160 с.

Большинство тольяттинцев знают Сумина-культуртрегера. И значительно меньше людей – Сумина-поэта и Сумина-философа.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

И для тех тольяттинцев, кто до этого не был знаком с его поэзией, наступило время познакомиться. Тем более, есть повод. Выход сборника стихов «Кольцо».

Если бы меня попросили охарактеризовать эти стихи одним словом, я бы сказала – они мягкие. И вовсе не от того, что автор боится затрагивать трудные темы, нет. Здесь Сумин-поэт размышляет о вопросах жизни и смерти, творчества и вдохновения («Вдохновение – это благодать»). Затрагивает тему небезызвестных нам всем событий в Сирии – «В Алеппо созревает виноград, не виноград, а всполохи и взрывы». Однако в самой мелодии стиха присутствует, на мой взгляд, какая-то особая мягкость. В них нет агрессии, нередко присущей современной постмодернистской поэзии. О чем бы ни шла речь.

Сергей Сумин то предлагает читателю прогуляться вместе по родному городу – Набережной 8 квартала, улице Степана-Разина, заглянуть к гостинице «Вега», то размышляет вместе с ним об общечеловеческих вопросах или...о простой солонке!

Да, как говорила Ахматова «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи, не ведая стыда». Для обычного человека в солонке не может быть ничего необычного, а для Поэта в ней может быть все, что угодно. Даже ангел с белым кувшином («Ангел с кувшином соли») и печальным лицом. Может, действительно «лишь художникам, Ангелам земного мира, Могут быть доступны Мелодии высших сфер»?

Юлия Новоселова. Заклятье реализмом. Стихотворения. Серия Срез. Книга пятнадцатая. Москва. СТИХИ. 2019 – 80 с.

В наше время в России поэтов не много. А очень много. Достаточно уметь срифмовать «кровь – любовь», и можно выкладывать свои стихи в интернет – благо он, как и бумага, стерпит все. Но в отличие от бумаги не заканчивается никогда.

Но подчас поиск среди них истинных Поэтов оказывается труднее, чем поиск золота в песке.

Но золото есть – что лишний раз доказывает читателям московское издательство «СТИХИ». Одна из их находок – Юлия Новоселова. «Эта женская логика – шить, а стихов – не писать», – иронизирует она, намекая на извечный вопрос женского творчества. Хозяйство, не оставляющее времени на творчество поэтическое (хотя и шитье, и приготовление обеда можно назвать творчеством). Хотя это заблуждение не только и не столько женское.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

В сборнике «Заклятье реализмом» Юлия Новоселова отображает самые простые вещи – вот она и ее дочка делают «ежиков из пластилина и вермишели» («Вермишель»), вот весна за окном («Вести с кухонь 1»), а вот – светофор или просто рыба – кефаль, которую она готовит к обеду («Кефаль не думает о нас и в море ином плывет»).

Стихи Новоселовой о простом, но не простые. За простыми на первый взгляд образами скрываются непростые и философские темы. «Зеленые глаза светофоров плыли навстречу: один – изумрудный, другой – травяной, третий – зеленый от Бога». Разве это строчки только о светофоре?

Но нет. Эти стихи требуют знакомства наедине. Потому умолкаю.

*Когда однажды мы умрем стихами/Паря на междометиях восторга,
/Нам восстаноят ангельское зренье/И выдадут предметы разгово-
ра...*

Алина Науменко

Сергей Морозов. Устная речь. Стихи 1965-1985гг. 2018г. , 232 с.

В произведениях Сергея Морозова ("Устная речь") я в первую очередь подмечаю классический подход, основанный, вероятно, на зрелом взгляде человека мудрого и опытного.

Я не вижу здесь недостатков, такое ощущение, что стихотворения эти чуть ли не идеальны. Единственное, чего мне не хватило – это какой-то страсти, пылкости..., чего-то более личного.

Но в остальном – я полагаю – тексты прекрасны! Тонкий анализ. Глубина и красота мысли. Оригинальность слова, образа. Хорошая рифма, почти всегда идеальный ритм. Это тот автор, которого мне хочется почитать ещё раз.

*"Жизнь, одумавшись, проста/и почти не виновата,/что печаль и краса-
сота
перепутались когда-то,/что, от нитки фонарей,/отступить не смея
в темень,/вечер старится скорей,/чем его приходит время./Вот в ли-
цо ему пахнёт,/искру Божию задует,/каплю тёплую смахнёт,/злые
губы поцелует"*

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Артем Верле. Хворост. Книга стихов. 2015 г.

В произведениях Артёма Верле ("Хворост") я нахожу как достоинства, так и недостатки. Начну, пожалуй, со второго.

Подчёркивая то, что это лично моё создавшееся ощущение, хочу отметить, что произведения автора несколько однотипны в плане стилистики, все они как бы на одной волне. Кроме того, я наблюдаю в них слишком много меланхолии, то есть здесь мы тоже видим однотипность – а ведь хочется ещё и радости, воздуха, огня...

Но, безусловно, я нахожу и плюсы. Серьёзный подход автора к своим текстам. Склонность к размышлениям, анализу, и здесь я подмечаю определённую долю оригинальности. Явно есть о чём задуматься.

*"стреляли все/но многие попали в молоко
/не пей то молоко/но и не пролей"*

Любовь Денисова

Елена Грачёва. «По сценариям снов» г.Тольятти, 2018 – 96с.

Я часто слушаю в уличном потоке, в маршрутке, магазине, очереди людские истории без начала и конца. Выдернутые из контекста. Случайные, тоскливые, с надеждой... А с надеждой на что? Что их услышат, поймут, о них расскажут? Своеобразное подглядывание в замочную скважину на обнажённые эмоции, чувства, на бесконечный монолог с невысказанными вопросами, которые не требую ответа. Такие же ощущения я испытывала, читая сборник стихотворений Елены Грачёвой "По сценариям снов". Открывала книгу с мыслью: "А что я нового в ней найду? Сейчас примерно все одинаково пишут."

Смутилась. Яркие картинки, списанные с жизни, как документальный фильм. Читаешь и видишь, ту самую девочку-баристу, того убитого горем отца или перешептывающихся проходящих мимо соседей. Ловишь "розовый ветер" или зимнее утро августа. Некоторые тексты так и просят: "Включите музыку". Длинные скоростные строки, которым нужно сопровождение для полноты восприятия. По-другому никак. Что-то ускоряющееся, замирающее и обрывающееся в конце.

КНИГА ЗА КНИГОЙ

Подслушанные истории, вырванные из контекста, зашифрованные в стихотворения, словно написанные письма ни к кому и в никуда. Такие ощущения оставила у меня поэзия Елены.

ему жить за троих теперь нужно до ста /но вот только зачем?! ну не плачь, перестань

Екатерина Лунина

**Современный русский свободный стих, Антология, том 1 и 2,
Москва, 2019 г.**

Антология свободного стиха – это солидно. Составители книги из 2-х томов заранее и планомерно собирали тексты участников фестиваля свободного стиха. Итак, антология верлибра или свободного стиха? Не будем спорить с учеными умами, в том числе и видным теоретиком верлибра Ю.Орлицким – назвали свободным – значит так и оцениваем. Свобода от чего? От рифмы – это само собой. Еще от узости, от сюжета, от сентиментальности. На самом деле – стихи почти 250-ти авторов – крайне разнообразны. Есть тут и абсолютные классики – В.Сидур, В.Бурич, И.Жуков, В.Куприянов, А.Макаров-Кротков, есть очень молодые поэты. Питерская школа верлибра очень давно и плодотворно работает в русской поэзии – в книге и Д.Чернышев, и А.Мирзаев, и В.Земских. Их стихи существуют уже как бы в подкорке, помнишь из них и строки, и целые стихотворения. Москвичи – лидеры по количеству, но это и понятно – больше всего фестивалей прошло именно в столице. Приятно также, что волжских авторов тоже много. Одних только тольяттинских поэтов 5 человек. В общем, полноценная антология верлибра для любителей такового.

Учусь/ говорить/ в школе/ немых (А.Мирзаев)

Живые поэты. Москва. Издательство «Э», 2018 год, 248 с.

Антологии всегда субъективны. Вот и эта книга представляет собой эклектичную смесь различных поэтических школ. Но автор составитель Антологии «Живые поэты» поэт и журналист Андрей Орловский констатирует – сейчас действительно появилось много разных поэтов. В эпоху соцсетей, когда у каждого появилась возможность высказаться, с одной стороны, нашли свое место многие талантливые

КНИГА ЗА КНИГОЙ

люди; с другой — всплыло столько графомании, что при словах «молодой поэт» часто бессознательно скептически усмехаешься.

Ну, а правда! Кто имеет большее право считаться поэтом — Джим Моррисон или Аллен Гинзберг, Жак Брель или Жак Превьер? Вопрос, конечно, праздный — у каждого своя шкала предпочтений, а значит, и свой вариант правильного ответа.

Для этого у читателя Антологии есть самые различные предпосылки, начиная с предпочтений. Каждый поэт — представитель какой-либо ниши современной поэзии: интеллектуальная поэзия, рок-поэзия, рэповые стихи, театральные зарисовки, минимализм, сетевая поэзия.

Выбор за читателем. В книге — Ольга Седакова и Хаски, Диана Арбенина и Дмитрий Воденников, Леха Никонов и Вера Павлова. Все эти люди имеют практически культовый статус в некоторых субкультурах. Ну, а в целом объем книги просто впечатляющ. Поэты из 80 городов и 15 стран собраны под одной обложкой. Приятно, что среди них и тольяттинец — Поэт без Усов — Артем Моргунов.

Что ж, поэзия антологии «Живые поэты» противоречива и спорна, но в этом может быть и ее плюс — современная поэзия сегодня именно такова, и данная книга это демонстрирует.

"...мы уверены, что несовместимость — социальная, возрастная, тематическая, какая угодно — только поможет антологии "живых поэтов" показать, насколько разной и необычной может быть современная поэзия... А. Орловский.

Сергей Сумин

АВТОРЫ

Безденежных Владимир. Родился в 1973 году в г. Горьком (ныне Нижний Новгород), где и проживает. Закончил среднюю и музыкальную школы, Исторический факультет Нижегородского Государственного Университета им. Лобачевского. В настоящее время – видеорежиссер Волго-Вятского филиала государственного центра современного искусства (РОСИЗО). Множество публикаций в периодике.

Воробьёв Дмитрий родился в 1979 г., живет в Чебоксарах. Поэт, переводчик. Кандидат философских наук. Стихи публиковались в журнале «ЛИК» (№4, 2006), в альманахах поэтических фестивалей и других изданиях.

Гаврилов Анатолий родился в 1946 году. В 1978 году окончил Литературный институт им. Горького. В настоящее время писатель живет в г. Владимире. До 1989 года в отечественных изданиях не печатался. Затем публиковался в различных журналах и сборниках современной прозы. Автор книг: «В преддверии новой жизни» (М.: Московский рабочий, 1990), «Старуха и дурачок» (Владимир: Золотые Ворота, 1992), «К приезду Н» (М.: Б-ка ж-ла «Соло», 1997) и др.

Горбунова Алла. Поэт, критик. Родилась в 1985 году. Окончила философский факультет Санкт-Петербургского университета. Лауреат премии «Дебют» в номинации «поэзия» (2005). Автор книг стихов «Первая любовь, мать Ада» (2008), «Колодезное вино» (2010). Живет в Москве.

Грачёва Елена. Родилась в 1986 году. Закончила ПВГУС, специальность «Экономика и управление». Автор двух книг стихотворений. Живет в Тольятти.

Караулов Игорь родился в 1966 году, живет в Москве, работает переводчиком. Автор нескольких поэтических книг: «Перепад напряжения. Спб., 2003», «Продавцы пряностей. М., 2006», «Упорство маньяка. Спб., 2010», «Конец ночи» 2017г. и др. Многочисленные публикации в российских журналах.

Канарейкина Ульяна. Поэт, художник. Участник коллективных и индивидуальных выставок. Живет в Тройнике.

АВТОРЫ

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в различных изданиях. Работает программистом. Живет в Тольятти.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер, литературовед. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Липатов Денис. Родился в 1978 году в г. Горьком. Окончил инженерно-физико-химический факультет НГТУ им. Алексеева (2001 год). Стихи и проза печатались в журналах: «Нева» (№1, 2007) (Санкт-Петербург), «Континент» (№145, 2010), «День и Ночь» (№3, 2010, Красноярск), «Крещатик» (№1(63), 2014) «Луч» (2007, Ижевск), «Транзит-Урал» (2009, Челябинск), «Ликбез» (2011, Барнаул), «Новая реальность» (2011, Кыштым-Челябинск) и др.

Носов Сергей. Родился в Ленинграде (Санкт-Петербурге) в 1960-м году. Историк, филолог, литературный критик, эссеист и поэт. Доктор филологических наук и кандидат исторических наук. С 1982 по 2013 годы являлся ведущим сотрудником Пушкинского Публиковал произведения разных жанров во многих ведущих российских литературных журналах – «Звезда», «Новый мир», «Нева», «Север», «Новый журнал» и др

Медведовский Константин. Поэт, эссеист. Родился в 1982 году. Участник литературной студии «Автограф». Живет в Тольятти.

Сергеев Андрей. Родился в 1989 году. Поэт, журналист, филолог. Публиковался в альманахе "Графит", журнале "Литсреда", газете "Истоки" и сборниках, подготовленных для фестиваля "Центр весны". Живёт в Саратове.

Фролова Елена. 1976 года рождения, город Симферополь. Долго жила в Сибири – Томск, Новосибирск, Красноярск. С 15 лет печаталась там в газетах и журнале «День и ночь» до 1998 года. В Красноярске посещала литстудию Аиды Федоровой. Живёт в Москве. Публикации в журналах «Эмигрантская лира», «День и ночь», «Твоя Глава» и др. Работает в Государственном литературном музее им. В.И.Даля.